

A misty, blue-toned street scene at night. The street is lined with trees and streetlights. A person is walking away from the viewer on the left side of the street. The overall atmosphere is quiet and melancholic.

Дмитрий Видинеев
Светлана Макарова

ОНИ
ПРИХОДЯТ
ОСЕНЬЮ

Этот город давно не видел солнечных дней. Дожди, слякоть, увядшая листва и... что-то таинственное, страшное, чуждое нормальному миру. Город болен, заражён неведомым злом. По его улицам бродят существа, вытягивающие из людей жизненную силу. Видеть чудовищ способны лишь те, кто имел опыт клинической смерти. У Марины, фельдшера скорой помощи, такой опыт был и теперь она видит жутких тварей. Ей бы сделать вид, что ничего не происходит, и тогда, быть может, она свыклась бы с новой действительность, смирилась... Но нет, на некоторые вещи просто невозможно закрывать глаза, а потому вмещалась, бросила вызов охватившей город заразе. И стала мишенью. Как выжить, если на тебя объявлена охота? Только с помощью тех, кто тоже не захотел быть равнодушным. Их мало, но они есть. Странная, компания. Очень странная. Однако Марине выбирать не приходится. Надписи среди городского граффити: "Они приходят осенью. Наш город — их пастбище. Только те, кто умер и воскрес, могут их видеть".

Глава первая

«Снова в строю». Марина Самарина как сказала себе эти слова утром, когда явилась на работу, так они и не выходили из головы. К тому же их будто бы по сговору произносили все, к кому ни подойди, начиная с уборщицы Анастасии Павловны, заканчивая главным врачом Станиславом Ивановичем.

Снова в строю. Как солдат, вернувшийся из отпуска в боевой отряд. Как бы ни хотелось Марине сравнивать себя с солдатом, но после того, что случилось шесть месяцев назад, прочие сравнения ей казались лживыми. Мало кто верил, что она вернётся, да и сама Марина в этом сомневалась, особенно по ночам, когда с криком просыпалась из-за кошмаров, а потом долго не могла уснуть. Пытаясь себя успокаивать, она точно мантру повторяла: «Такого больше не случится! Такого больше не случится!..» Но это было враньё. Она могла привести десятки примеров, когда на врачей и санитаров нападали наркоманы, алкаши, психопаты. И, разумеется, то, что произошло полгода назад, могло повториться снова, на её профессию не распространялась поговорка «В одну и ту же воронку снаряд два раза не падает».

Недели три назад Марина в очередной раз проснулась посреди ночи в холодном поту и с гулко бьющимся сердцем. В сознании медленно таял кошмарный образ — перекошенное лицо молодого наркомана. Но в этот раз страх после пробуждения неожиданно сменился злостью. В голову ворвалась бунтарская мысль, что нужно бороться! Со страхом бороться, с сомнениями, иначе можно превратиться в вечно жалеющее себя ничтожество. Иначе каждая проблема в будущем будет казаться вселенской катастрофой.

И она боролась. Успешно. Ей продолжали сниться кошмары, но теперь в них Марина больше не была пассивной жертвой. Она дралась, кусалась, вырывала нож из руки ублюдка и била его, била. И испытывала наслаждение. Эти сны стали своеобразной терапией: пробуждаясь, Марина чувствовала эмоциональный подъём, ощущала себя сильной, способной дать отпор любому, кто опять попытается перерезать ей горло.

Татьяна, младшая сестра, недавно заметила: «У тебя снова глаза сияют. Я так рада. Думала, ты ещё не меньше года будешь хандрить». И обняла, она обожала обниматься. Марина рассмеялась и ответила: «Я справилась». Будто итог своей борьбы этими словами подвела. Тогда она уже точно знала, что вернётся на работу. Все сомнения рассеялись.

И вот, спустя шесть месяцев после инцидента, после клинической смерти и множества кошмарных ночей, она снова в строю. Едет на очередной вызов — уже пятый за смену. Рядом сидела Даша, девчонка ещё совсем, всего год в «скорой». За рулём — Василий Иванович — здоровый как медведь, добродушный, с пышными усами, как у его знаменитого тёзка, любитель рассказывать анекдоты, а после басовито хохотать.

Марина и раньше была в одной бригаде с Василием Ивановичем, и он, пожалуй, единственный, кто не удивился, что она решила «снова встать в строй». «Я знал, что ты вернёшься, Маринка», — таковы были его слова. За семь лет совместной работы он стал для неё почти родным, рядом с ним она чувствовала себя уютно. Когда наркоман приставил к её горлу нож, Василий Иванович единственный, кто не растерялся и попытался урезонить подонка. Да, урезонить не вышло, зато хорошо получился удар в челюсть, отправивший обдолбыша в нокаут. Правда Марина это уже плохо помнила, так как находилась на грани потери сознания — кровь всюю хлестала из перерезанного горла. По сути, она жизнью была обязана Василию Ивановичу, ведь всё могло кончиться куда плачевней.

Марина в очередной раз обратила внимание, что Даша украдкой поглядывает на её шею. Так и подмывало приподнять голову и продемонстрировать шрам во всей «красе». И сказать: «На, смотри, раз так любопытно. Отвратительно, да?» Но это было бы жестоко, после такого Даша наверняка запишет её в категорию «стерва» и их отношения будут конкретно испорчены. Пусть себе поглядывает на чёртов шрам, может для неё это станет наглядным пособием, которое гласит: «Будь осторожна всегда! От зла никто не застрахован!».

— Приехали, девчонки, — бодро сказал Василий Иванович, остановив машину возле подъезда пятиэтажной «хрущёвки».

Взяв докторский чемоданчик, вслед за Дашей, Марина вышла под морозящий дождь — слишком мелкий, чтобы промокнуть. Нынешняя осень не радовала хорошей погодой. Вот уже и сентябрь заканчивался, а никакого намёка на бабье лето. «Время плащей, зонтов и мечтаний о дальних странах, где солнце, пальмы, море и горячий песок на пляжах», — Марине вспомнились эти слова, которые однажды произнёс отец, глядя на безрадостное небо такой же осени, как сейчас.

— Да, всё верно, — пробормотала она. — Время мечтаний о дальних странах.

— Что вы сказали? — спросила Даша.

Марина улыбнулась.

— Ничего. Это я так, вспомнила кое-что.

Они дошли до подъезда. Даша нажала на кнопку с цифрой «38» на домофоне. Не прошло и пары секунд, как из динамика прозвучал мужской голос:

— Скорая?

— Да, скорая.

Домофон пискнул, магнитный замок открылся. Зашли в подъезд. Василий Иванович с ними пошёл, хотя по инструкции должен был находиться рядом с машиной. Сегодня он сопровождал Марину и Дашу на всех вызовах — на всякий случай. Да и раньше частенько сопровождал, когда пациенты представляли хотя бы малейшую опасность. Эдакий телохранитель. И это была одной из причин, почему его уважали врачи и санитары всех бригад. А ведь некоторые водители не то, чтобы сопровождать, но и больных выносить наотрез отказывались. Говорили, нам, дескать, за это не доплачивают, да и спина болит, нога, рука. У них постоянно что-то болело. Пару лет назад Марина целых три месяца ездила с таким водилой — не лучшие для неё воспоминания, более ленивого человека она в жизни

не встречала. В бригаде тогда были она, щуплый санитар и этот водитель. Как-то поступил вызов — мужчина в тяжёлом состоянии. Приехали. Марина сделала заключение: подозрение на инсульт. Необходимо было срочно везти пациента в больницу. Почти всегда удавалось найти тех, кто помогал перенести больного в машину — родственники, соседи, прохожие. Но в тот раз не повезло, помощников не нашли, и Марине с санитаром пришлось нести мужчину на носилках вдвоём с шестого этажа, а весил он килограммов восемьдесят, не меньше. Водила помогать отказался, заявил, что спина болит. Тяжко тогда пришлось. Марина была женщиной рослой, крепкой, закалённой спортивной молодостью (несколько лет ходила в секцию волейбола), но, когда пациента уже загрузили в автомобиль, она еле на ногах стояла. А молодой санитар потом долго отдышаться не мог.

«Да, здоровый боров», — сказал водила.

И это стало для Марины последней каплей. Она схватила лентя за ворот куртки и выдохнула ему в лицо: «Послушай меня, урод! Я сделаю всё, чтобы тебя уволили! Жди, скоро получишь хороший пинок под зад!» Это были не пустые спровоцированные гневом угрозы. В свои тридцать два года она отлично научилась достигать поставленной цели. Марина принялась давить на заведующего «скорой», к ней присоединились остальные фельдшеры и санитары. Чтобы усилить давление, она принесла к кабинету носилки и один из санитаров улёгся на них.

«Хватайтесь, — холодным тоном сказала она заведующему, — вдвоём будем нести, вы и я. На улицу вынесем, это не такое уж большое расстояние».

Для низенького тщедушного заведующего эта показательная акция стала серьёзным аргументом. Он быстро нашёл замену ленивому водителю.

Марина, Даша и Василий Иванович поднялись на пятый этаж. На лестничном пролёте их дождался парень лет семнадцати. Поздоровавшись, он проводил бригаду в гостиную, где на диване лежала полноватая женщина в цветастом халате. Однако Марина увидела ещё кое-что, то, от чего у неё дыхание перехватило, а по спине пробежал холодок. Возле головы женщины медленно извивалось нечто призрачное, похожее на щупальце. Оно тянулось из приоткрытой форточки и дальше, в дождливую хмарь. Парень что-то произнёс. Марина была слишком ошарашена, чтобы разобрать его слова. Она зажмурилась, тряхнула головой, а когда открыла глаза, увидела, как щупальце подалось к окну, но не выскользнуло наружу, а будто бы притаилось в форточке, став едва заметным.

— Марина Сергеевна, с вами всё в порядке? — обеспокоенно спросила Даша.

— Что? Ах да, всё хорошо, — Марина отвела взгляд от форточки, заставила себя собраться. Мысленно она сказала: «Это игра света и тени, это зрительный обман! Такое бывает!» Вот только холодок продолжал ползти по спине и невыносимо хотелось опять обратить взор к окну.

Молодой человек поставил возле дивана стул. Марина достала из укладки тонометр, села. Женщина посмотрела на неё как-то виновато, словно ей было неловко из-за того, что пришлось вызывать «скорую».

— Никогда на здоровье не жаловалась, — сказала она, — а тут вдруг такая слабость накатила. Утром всё нормально было. Завтрак приготовила, потом в магазин ходила. А ближе к полудню нехорошо стало. Так-то не болит ничего, но эта слабость...

Марина померила давление: низкое, но не критичное. Спросила:

— Головокружение, тошнота?

— Нет, ничего такого, — последовал ответ. — Это всё, наверное, от погоды, как

думаете?

Обычно Марина была с пациентами располагающей к себе, словоохотливой, однако сейчас ей не давала покоя мысль, что за спиной, в форточке, притаилось нечто чудовищное, то, что почему-то не видят ни жильцы этой квартиры, ни Василий Иванович, ни Даша.

— Всё возможно, — буркнула Марина и тут же выругала себя: «Не будь душой! Не отвлекайся! Тебе померещилось!»

— А знаете, кажется, мне получше стало, — заявила женщина. — Зря мы, наверное, вас побеспокоили.

— Вы нас не побеспокоили, — Марина очень старалась, чтобы голос звучал бодро. — Это наша работа и она нам нравится, правда, Даша?

Даша улыбнулась.

— Разумеется, — и отчеканила: — Если есть хотя бы малейшие сомнения по поводу здоровья, сразу же вызывайте «скорую».

— А сейчас давайте-ка на всякий случай сердечко проверим, — Марина чувствовала, как нервное напряжение сходит на нет. То ли звонкий голосок Даши благоприятно подействовал, то ли позитивный настрой пациентки, но страх за собственный рассудок почти полностью уступил место здравомыслию. И щупальце в форточке теперь уже казалось бредом. Ну померещилось, с кем не бывает. Это простительно, учитывая, что она пережила полгода назад. Возможно, ей ещё не раз что-то померещится — эдакий запоздалый посттравматический синдром. Ненормально всё это, разумеется, но и паниковать не стоит. Главное сейчас об этом не думать. И не оборачиваться, не глядеть на окно, потому что сомнения ещё теплились.

Даша подготовила аппарат для ЭКГ. Марина сделала кардиограмму, изучила данные.

— Всё в порядке.

— Никогда на сердце не жаловалась, — подтвердила женщина. — В нашем роду сердечников никогда не было.

— Вот и чудесно, — подвела итог Марина. — Вы правда сейчас себя лучше чувствуете? Не храбритесь?

— Правда, правда. Силы возвращаются. Даже чаю захотелось.

Марина взглянула на парня, который всё это время сидел на диване.

— Если мама снова почувствует себя плохо, сразу звоните, — произнеся эти слова она не удержалась, бросила взгляд на окно и испытала облегчение. В форточке не было никакого щупальца.

Молодой человек кивнул.

— Конечно. Спасибо вам большое.

— Не за что, — Марина закрыла укладку, поднялась и ноги будто бы сами понесли её к окну. Внутренний голос вдруг завопил: «Не подходи! Не смотри! Не знай!» Но она уже подошла, уже смотрела и чувствовала, как страх снова начинает вонзять ледяные когти в сознание.

Щупальце извивалось среди дождя чуть ниже подоконника. Оно словно выжидало, когда в квартире поубавится людей, чтобы опять проникнуть внутрь через форточку. Затаив дыхание, Марина устремила взгляд вниз и увидела во дворе человека с чёрным зонтом в руке. Именно от этого человека и тянулось призрачное щупальце. Рассмотрела серый плащ, но за зонтом не было видно, мужчина это или женщина. Одинокая фигура под морозящим дождём — будто образ из какого-то депрессивного фильма. Марина подумала, что

происходит что-то очень, очень нехорошее. И это бесплотное щупальце вовсе не плод воображения, не игра света и тени. Оно реальное!

— Пойдёмте, — позвала Даша.

Марина закрыла форточку, поглядела на женщину, которая выглядела явно лучше, чем десять минут назад.

— Всего вам доброго, не болейте. И лучше не открывайте форточку. Свежий воздух, это, конечно, хорошо, но... — с языка едва не сорвалось: «За окном притаилось нечто страшное!» Вместо этого, после секундной заминки, выдавила сомнительный аргумент: — Сейчас, осенью, запросто можно простудиться. В общем, не открывайте форточку, хорошо?

Подобных советов она не никогда не давала даже дряхлым старикам, которые могли подхватить простуду от малейшего сквозняка. И ничего удивительного, что Даша, Василий Иванович, молодой человек и женщина смотрели на неё немного озадаченно. Впрочем, сейчас Марине было плевать, кто и как на неё смотрит, всё это казалось совершенно неважным на фоне нарастающей тревоги.

«Происходит что-то плохое! Что-то очень, очень плохое!» — эта мысль набухала, ширилась, грозя в скором времени вытеснить все другие мысли. И как бы Марине не было жутко, но она желала знать, что это за человек во дворе. Да, желала, хотя внутренний голос снова взялся протестовать: «Не смотри! Не знай! Постарайся всё это забыть, как страшный сон! Спустись вниз, сядь в автомобиль и забывай, забывай...»

— Такое не забудешь, — прошептала она, выйдя вместе Дашей и Василием Ивановичем из квартиры.

— Что не забудешь? — спросила Даша.

— Да так, ничего. Прости, это я свои мысли вслух озвучиваю. Дурацкая привычка.

Даша улыбнулась.

— А у меня в голове иногда какая-нибудь песенка начинает крутиться, и я сама не замечаю, как вслух начинаю петь, — она произнесла это таким тоном, словно доверяла великую тайну.

Ещё недавно Марина добродушно рассмеялась бы, но сейчас ей было не до смеха. Они спустились на первый этаж, вышли из подъезда.

— Идите в машину, я сейчас, — сказала Марина, после чего устремилась во двор, к человеку под зонтом. Она шла быстро, старательно отгоняя мысли о том, что лучше не видеть, не знать, что может сильно пожалеть, если увидит, узнает.

Это была старушка в синем берете и с розовым шарфом на шее. Приближаясь, Марина чётко разглядела будто сотканное из белого дыма щупальце, которое словно причудливый невероятно длинный язык торчало изо рта пожилой женщины. Лицо старушки было одновременно и глуповатым, и радостным. Марина видела подобное выражение у маразматиков.

— Эй! — крикнула она.

До этого стоявшая точно статуя старуха, вздрогнула, щупальце резко втянулось в рот, словно почувствовавшая опасность змея уползла в укрытие.

— Какого чёрта? — выругалась Марина. — Кто вы такая?

Старушка растерялась, она выглядела так, будто её только что нагло выдернули из сна, облив ледяной водой. Из глотки вырвались какие-то булькающие звуки, рука с зонтом задрожала.

— Я всё видела! — отчеканила Марина и эти слова прозвучали как обвинение. — Не

знаю, что происходит, но...

Договорить она не смогла, все слова вдруг забылись, из-за того, что старуха в мгновение ока изменилась. С пожилой растерянной женщины как будто маска слетела, лицо стало бледно-серым точно рыбе брюхо, губы ввалились в рот, обнажив острые коричневые зубы, глаза выпучились, теперь они походили на жабы, зрачки сузились до крошечных красных точек. Нос исчез, вместо него зияли две дыры, обрамлённые кожистыми складками. Прежними остались лишь седые волосы под синим беретом.

Потерявшая дар речи Марина, попятилась. Теперь ни осталось никаких сомнений: она столкнулась с чем-то дьявольским, впору осенять себя крестным знаменем и читать молитву!

Тварь зашипела, ещё сильнее выпучив глаза, потом мощно содрогнулась всем телом и, снова превратившись в старушку, рванула прочь, держа зонт перед собой и словно бы пробивая им путь сквозь дождевые струи. Открыв от изумления рот, Марина глядела на неё до тех пор, пока та не пересекла двор и не скрылась за углом пятиэтажки.

Спустя какое-то время начала приходить в себя, в голове снова яркой вывеской вспыхнули слова: «Происходит что-то плохое!»

— Марина! — позвал её Василий Иванович. Он стоял возле автомобиля с обеспокоенным видом.

Она подняла дрожащую руку и всё же осенила себя крестным знаменем, хотя до этого не верила ни в благотворное влияние подобных жестов, ни в Бога, ни в дьявола. Для неё главным и единственным злом всегда было то, что творят люди. Ни звери, ни смертоносные вирусы, ни разрушительные силы природы, а только люди. Но теперь она знала, что существует, по крайней мере, одно чудовище, которое делало что-то злое. Та женщина из тридцать восьмой квартиры — её резкое недомогание не из-за плохой погоды! К этому причастен скрывающийся под маской старухи монстр! Да, вывод ошеломительный, но логика подсказывала, что это правда. И, несмотря на страх и смятение, Марина не жалела о том, что подошла к чудовищу, ведь оно сбежало, а значит женщина из тридцать восьмой квартиры теперь в безопасности.

С трудом сдерживая дрожь, Марина подошла к Василию Ивановичу.

— Ты сейчас ничего необычного не видел?

Он хмыкнул.

— Ну разумеется, видел. И мне вот интересно, что ты такого ляпнула той милой старушке, что она чесанула от тебя как от прокажённой? Стояла бабка под зонтиком, никому не мешала, а ты... Когда ты к ней шла, я подумал, что сейчас с кулаками на неё набросишься. Что происходит, Марин?

— Всё в порядке, — выдавила она. — У тебя найдётся сигарета?

Василий Иванович нахмурился.

— Сигарета? Значит точно не всё в порядке. Ты стреляешь у меня сигареты, только когда случается что-то поганое.

Он забрался на водительское сиденье, вышел с зонтом, который сразу же раскрыл, спрятав от дождя себя и Марину. Потом протянул ей сигарету и зажигалку. Она закурила, раскашлялась. Василий Иванович был прав насчёт этой её слабости — стрелять у него сигареты, когда случается что-то поганое. Пара затяжек, и вроде как легче становилось, хотя в общем и целом курение она не жаловала. Вот только сейчас никотин не помогал, перед глазами всё ещё стояла серая личина монстра. И у Марины было два объяснения

случившегося: или она с какого-то перепуга теперь умеет видеть то, что не видят другие, или с головой у неё очень серьёзные проблемы. Но что-то подсказывало, что первый вариант более вероятен, несмотря на всю его невероятность. Иначе зачем старухе убегать от неё?

— Давай, рассказывай, — потребовал Василий Иванович, забрав у Марины сигарету.

Она ощутила, как начинается конкретный мандраж, и промозглая погода была в этом виновна лишь отчасти.

— Я что-то видела, — ей подумалось, что будь на месте Василия Ивановича кто-то другой, она ничего рассказывать, разумеется, не стала бы. — Сначала в квартире увидела какую-то хрень похожую на щупальце, потом вдруг эта старуха превратилась в чудовище. Я не знаю, что происходит.

Василий Иванович заглянул ей в глаза, словно пытаясь обнаружить в них признаки безумия.

— Марин, ты хоть сама-то понимаешь, как это звучит?

— Понимаю, — ответила она раздражённо. — И я не спятила. Я правда это видела. Видела, чёрт возьми!

— Успокойся. Возможно это...

— Знаю, что ты сейчас скажешь. Что это последствия психологической травмы. Что после истории с тем наркоманом мне мерещится всякое. Но это не так.

— Ты переутомилась, — Василий Иванович положил ладонь ей на плечо. — Первый день на работе после большого перерыва. Тебе необходимо отдохнуть. Наша смена почти закончилась, слава Богу. Придёшь домой, примешь горячую ванну, чайку ромашкового выпьешь.

Марина сокрушённо покачала головой.

— Ты мне не веришь.

— А как в такое вообще можно поверить? Чудовище видела? — он коснулся пальцем её лба. — Все твои чудовища — вот здесь. И меня это очень тревожит, Марин. А если опять увидишь что-нибудь эдакое, хорошенько призадумайся. Да что я тебе это говорю, ты врач, должна сама всё понимать. И кстати, не вздумай ещё кому ляпнуть о том, что, якобы, видела.

— Я уже жалею, что тебе рассказала, — насупилась Марина.

— Мне — можно, а другим — не вздумай. И ты как вообще?

— Нормально. Нормально, кажется, — она посмотрела в ту сторону, куда убежала старуха и попыталась себя убедить, что монстр и щупальце ей померещились. Попыталась, но не вышло. Оставалось лишь надеяться, что она никогда не увидит ничего подобного. Ей и одного, приходящего в кошмарах монстра с лихвой хватало — того, что горло перерезал.

— Эта осень... — вздохнул Василий Иванович, — Неправильная она какая-то. С августа не было ни единого погожего денёчка. Сплошная серость. Такая погода давит на сознание, и я не удивлюсь, если и мне какая-нибудь чертовщина померещится.

Марина едва не выкрикнула: «Да поверь же мне! Я правда это видела!» Но вовремя осеклась, сдержалась. Подобный порыв Василий Иванович счёл бы за истерику, а истеричкой она никогда не была и становиться не собиралась. Он ей не верит? Ну и ладно, значит, тема закрыта. А чтобы поставить точку, она произнесла:

— Да, всё дело в этой проклятой осени. Ты прав.

Глава вторая

Смена закончилась. Возвращаясь домой, Марина поймала себя на том, что неосознанно поглядывает на прохожих, в попытке рассмотреть в их лицах что-то необычное. Полтора

часа прошло с тех пор, как она увидела чудовище, а впечатления не только не померкли, они наоборот усилились. Ко всему прочему пробудилось любопытство. Чувство, напоминающее беспокойного зверька, суетливо заворочалось в душе, требуя найти произошедшему объяснение. Марина сознавала, что стала свидетелем чего-то тёмного, тайного и ей хотелось эту тайну разгадать, хотя внутренний голос настойчиво предупреждал: остерегайся!

Мокрый, озябший город. Желтоватый свет фонарей отражался в лужах, по проспекту шелестели шинами автомобили. Марина родилась в этом небольшом городке, выросла. Он для неё был как книга, которая в детстве увлекала, радовала, но с годами обложка выцветала, а к описанной в книге истории потерялся интерес. До сего дня. Ведь сегодня она, Марина Самарина, тридцатидвухлетний врач скорой помощи, научилась читать между строк. Город больше не казался ей обычным и скучным, он убедил, что ещё способен удивлять. И пугать. Впрочем, теперь уже страх по десятибалльной шкале «ужасности» снизился где-то до трёх-четырёх, уступив место волнительной озадаченности и желанию узнать больше.

Она спустилась в ведущий под проспектом подземный переход. Стены были разрисованы граффити, которые по неясным причинам игнорировали коммунальные службы. Похоже, эти самые службы считали, что всё находящееся ниже уровня земли их не касается. Марина сотни раз проходила по этому коридору и на граффити внимания не обращала, для неё это всегда были неопределённые цветные пятна. Но сейчас взгляд как магнитом притянуло к одному странному изображению. Рисунок был абстрактным, в стиле Пикассо, но Марина всё же разглядела серую морду монстра, из широко раскрытого рта которого тянулся длинный язык. А ещё она рассмотрела угловатую надпись:

«Они приходят осенью. Наш город — их пастбище. Только те, кто умер и воскрес, смогут их увидеть».

И личина чудовища, и эти слова были словно бы частью единой мозаики, и если не вглядываться, то всё это можно и не заметить, как дальтоники не замечают цифры в полихроматических таблицах Рабкина. Но Марина как будто точно знала, на что смотреть, а потому видела, различала.

— Они приходят осенью, — пробормотала она, ощущая, как снова пробуждается внутренняя дрожь. В тусклом свете грязных светильников это граффити казалось ей какой-то древней фреской с зашифрованными тайными знаниями. Она подумала, что неизвестный художник изобразил всё это для посвящённых, для тех, кто знал, что чудовища существуют. Впрочем, была вероятность, что автор граффити обыкновенный сумасшедший, который выплеснул на стену подземного перехода нечто, порождённое его большой фантазией. Однако Марина, едва допустив подобный вариант, тут же выругала себя за это допущение. Не хотелось ей верить в безумного художника и всё тут.

— Наш город — их пастбище, — задумчиво произнесла она.

— Вы что-то сказали?

Марина вздрогнула, оглянулась. Рядом стоял полицейский патруль — девушка и парень. Вопрос задала девушка, и глаза её буквально излучали желание оказать кому-нибудь помощь.

— Простите, это у меня такая дурная привычка. Болтаю иной раз сама с собой, — Марина виновато улыбнулась. Она почему-то была уверена, что девушка полицейский, как в своё время фельдшер Даша, сейчас поведает о собственных неконтролируемых чудачествах. Но нет, не поведала. Девушка лишь дёрнула плечами, буркнула «бывает» и вместе со своим молодым напарником двинулась дальше, явно разочарованная, что её помощи не

потребовалось.

Проводив патрульных взглядом, Марина подумала, что сегодняшней день, это день откровений. Многое предстояло осмыслить. Отчего-то она была уверена: город продолжит подбрасывать ей подсказки, нужно только глядеть в оба, обращать внимание на то, на что раньше даже мимолётного взгляда не бросила бы.

С этой мыслью Марина дошла до своего дома. Когда приближалась к подъезду, заметила двух мужчин, которые стояли возле фонаря. Один был приземистый, полноватый, в чёрном плаще и в кепке; другой — рослый, плечистый, в короткой кожаной куртке. Марина встревожилась, потому что эти типы глядели на неё как-то оценивающе.

— Марина, — позвал рослый, шагнув ей навстречу. — Привет. Не узнаёшь?

Она застыла, с подозрением всматриваясь в его лицо и на всякий случай открыв сумочку, в которой лежал газовый баллончик.

— Вспомни, кому ты в школе постоянно давала списывать? — мужчина улыбнулся.

Марина вспомнила и охнула.

— Семён! Семён Зайцев!

Сейчас он был с короткой стрижкой, а в школьные годы волосы достигали плеч, потому что Семён мучительно стеснялся оттопыренных ушей. Он всплеснул руками.

— Собственной персоной.

Если бы Марине взбрело в голову составлять список знакомых, которых она меньше всего ожидала увидеть, то бывший одноклассник Семён Зайцев был бы в числе первых. Из поля её зрения он исчез сразу же после окончания школы. Поговаривали, что он уехал в Москву и собирался поступать на актёрский во ВГИК. И вот объявился. Но зачем? Марине не сомневалась, что он здесь не случайно. Явно торчал возле подъезда вместе со своим пухлым приятелем, поджидая именно её.

С трудом скрывая настороженность, она процедила:

— Рада тебя видеть, Семён. Как говорится, сколько лет, сколько зим. Но... как ты здесь?

Он состроил печальную мину, явно желая этим сказать, что сюда его привела, к сожалению, не память о школьном прошлом.

— Я здесь по делам, Марина, и эти дела касаются тебя.

— Вот как?

— Ага. Ты сегодня кое-что видела и сделала то, что делать не следовало.

Марина напряглась, отступила от него на шаг, подумав, что судьба словно с цепи сорвалась и преподносит один сюрприз за другим, не давая времени на передышку. Ещё не понизился градус эмоций, после увиденного в переходе граффити, а уже новое откровение надвигалось как волна. Бывший одноклассник связан с тем, что она сегодня видела! Но, судя по голосу, настроен он благожелательно, в отличие от пухлого типа, который, как успела заметить Марина, поглядывал на неё агрессивно. Так хищники смотрят на добычу.

— И что же я сделала такого, что делать не следует? — спросила она осторожно.

Семён усмехнулся, причём как-то отточено сделал это уголком губ. Оттого было похоже, что правая часть его лица оставалась абсолютно безучастной.

— А знаешь, Марин, ты отлично держишься, учитывая то, что и нескольких часов не прошло, как ты увидела жуткую тварь. Да, я в курсе того, что случилось. Собственно, сама тварь мне о тебе и рассказала. Она запомнила номер «скорой», и вычислить тебя не составило большого труда. Всего-то нужно было узнать, кто из сотрудников пережил

клиническую смерть.

Какое-то время Марина растерянно переваривала то, что он на неё вывалил, потом поинтересовалась:

— Не понимаю, а причём тут клиническая смерть?

— Только те, кто пережил клиническую смерть, могут видеть этих тварей. Не все, но некоторые. Тебе не повезло, ты видишь. Прости, я узнал, что сделал с тобой тот нарик. Паршивая история, прими мои соболезнования... или сочувствие... не знаю, что говорят в таких случаях.

— Зачем ты здесь, Семён? — повторила она с нажимом.

Толстяк подошёл ближе, вынул из кармана плаща золотую зажигалку, сигареты и закурил. Сделал первую пару затяжек, сложил губы «трубочкой» и выпустил струйку дыма. Марина подумала, что он похож на глупую пародию на гангстера. Глядя на него Фрэнсис Форд Coppola наверняка сказал бы «не верю». В его приземистой, грузной фигуре не чувствовалась сила, а только страстишка объедаться на ночь.

— Я пришёл, чтобы тебя предупредить, — ответил Семён, сунув руки в карманы куртки. — Этих тварей ты увидишь ещё не раз. И, чтобы они ни делали, ты не должна к ним подходить, отвлекать. Просто не обращай на них внимание.

— А то что? — с вызовом спросила Марина.

— А то ты можешь пострадать.

— Звучит как угроза.

Толстяк указал на Марину сигаретой. Запах дыма напомнил ей о прокуренных коридорах общаги.

— Ты совсем что ли тупая? Это и есть угроза, сучка! — его глаза злобно сверкнули. — Если не хочешь, чтобы тебе ноги переломали, делай что сказано!

Марина взглянула на него брезгливо, потом посмотрела на Семёна и произнесла спокойным тоном:

— Скажи этому Аль Капоне недоделанному, чтобы язык свой прикусил, — это показное спокойствие далось ей нелегко.

Толстяк швырнул сигарету под ноги, набычился, сжал кулаки. Семён повернулся к нему.

— Отвали, Мамонт!

— Нихера я не отвалою! Я и за меньшее ноги ломал!

— Ты что, не понял? — процедил Семён сквозь зубы. — Я сказал, отвали! Ещё хоть звук от тебя услышу, сильно пожалеешь!

Презрительно скривившись и что-то бормоча себе под нос, толстяк ретировался обратно к фонарю. Семён поглядел на Марину с уважением.

— А ты всё такая же отчаянная. Помню, как ты с Витьком, главным задирой класса подралась. Не победила, но фингал зачётный ему поставила. И знаешь, я не удивлён, что ты к той твари подошла. Остальные, когда их видят, стараются держаться подальше.

— Что это вообще за монстры такие?

— Поверь, Марин, тебе лучше не знать, — в голосе Семёна появились холодные нотки. — Меньше знаешь, крепче спишь. За всем этим стоят серьёзные силы, и они не прощают, если кто-то вмешивается в их дела. Так что повторяюсь: не вмешивайся больше.

Марина рассудила, что, как ни крути, а это дельный совет. Она только-только оправилась от произошедшего полгода назад кошмара и искать новые проблемы, строя из себя отважную героиню, было бы глупо. Семён сказал, что последствия будут серьёзными, и

она ему верила. Вот только... как, чёрт возьми, усмирить любопытство? Вздохнув, она решила задать ещё один вопрос и на этом поставить точку:

— Насколько серьёзный вред эти монстры причиняют людям?

— Я тебе уже сказал: меньше знаешь, крепче спишь, — Семён глядел на неё, как на неразумного ребёнка, неспособного усвоить элементарные правила. — Эта тема закрыта. Просто живи дальше, словно ничего не случилось. Со временем ты научишься не обращать внимание на этих тварей. А весной и летом так вообще их в городе не будет.

— Они приходят осенью, — пробормотала Марина.

— Что?

— Нет, ничего. Неважно.

— Ну, тогда мы договорились? — Семён улыбнулся, однако взгляд оставался строгим. — Вмешиваться не будешь?

Марина кивнула.

— Не буду.

Семён преувеличенно облегчённо выдохнул.

— Слава тебе, Господи. Договорились. Кстати, не ожидал, что ты врачом станешь. Думал, в спорт пойдёшь. Ты ведь серьёзно баскетболом занималась.

Марина фыркнула.

— А ты, насколько я помню, актёром стать мечтал. Кота в сапогах в школьном спектакле играл. А стал... А кем ты стал, Семён? Бандитом?

Он рассмеялся.

— Ну и язва же ты. Но знаешь, мне это даже нравится, чувствуется характер, — весёлые огоньки в его глазах продержались несколько секунд и погасли. — Пока, Марин. Надеюсь, в следующий раз увидимся при более хороших обстоятельствах.

Марина уже собиралась сказать: «Я тоже надеюсь», но передумала, потому что больше не желала с ним видеться ни при каких обстоятельствах. Да, Семён явился с предупреждением, а не с угрозой и, возможно, руководствовался благими намерениями, но она всё же сделала вывод, что они с ним по разные стороны баррикады.

Он развернулся и зашагал к припаркованному возле подъезда чёрному «Джипу». Толстяк бросил на Марину очередной ненавистный взгляд и тоже засеменил к машине. Через несколько секунд блестящий, как огромный жук, «Джип» поехал вдоль двора, выплескивая фарами свет на мокрый асфальт.

— Вот и поговорили, — буркнула Марина, чувствуя, что внутреннее напряжение сходит на нет. Глядя, как чёрный автомобиль выезжает со двора, она подумала, что Семён всё же немного приоткрыл завесу тайны, несмотря на его мантру «меньше знаешь, крепче спишь». Теперь она знала, почему может видеть монстров, причина — клиническая смерть. Это подтверждали и вписанные в граффити слова: «Только те, кто умер и воскрес, могут их видеть». Ещё она узнала, что чудовища исчезают весной. Вот только куда они исчезают? Уходят? Помирают? Впрочем, именно этот вопрос её не слишком волновал. Был вопрос поважнее: насколько серьёзный вред монстры причиняют людям? Семён уклонился от ответа. Так поступают, когда не желают говорить правду. Из этого можно сделать вывод: вред твари причиняют серьёзный, быть может, они даже убивают.

Марина вспомнила ту женщину, к которой сегодня ездила на вызов. Слабость, низкое давление — несчастная словно бы жизненных сил лишилась. В голове вдруг возникли слова «энергетический вампиризм». Будто заголовок статьи из глупого журнала,

специализирующегося на всякой фигне вроде инопланетян, снежного человека и призраков. Раньше Марина любила почитать подобные журналы, при этом не веря ни единому описанному в них факту. Но теперь у неё есть собственная невероятная история про тех, кто приходит осенью; про тех, кого могут видеть лишь имевшие опыт клинической смерти. Впрочем, этой истории не суждено быть оконченной, ведь дано обещание не вмешиваться, не совать нос туда, где его могут прищемить. Семён посоветовал жить дальше так, словно ничего не случилось. Что ж, она так и поступит. Если увидит монстра — пройдёт мимо, как ни в чём ни бывало.

Вот только к граффити продолжит присматриваться, потому что так просто любопытство не унять. Да и кому какое дело до её любопытства.

Глава третья

Любопытство погубило кошку, но Марина не кошка. Поэтому будет действовать осторожно, чтобы выжить. Сперва соберёт информацию, всё обдумает, и тогда... Она ещё не знала, что сделает.

Семён мог и соврать, что отпускает её, просто предупредив. Никто не дал гарантий, что монстр не нападёт, чтобы убрать свидетеля. Хотя почему монстр? Монстры! Их много и этот город — их пастбище. Насколько они агрессивны? То, что удалось спугнуть одного из них, ничего ещё не значит, не стоит это расценивать как победу.

Дома она заперла входную дверь, дёрнула ручку, перепроверяя, и немного успокоилась. Вспомнила про окна и прямо в кроссовках обошла квартиру, чтобы удостовериться, что каждая форточка плотно закрыта. Убеждая себя, что находится в безопасности, вскипятила чайник, налила чаю и, прихватив пачку печенья, уселась перед ноутбуком. В интернете можно найти любую информацию.

Если бы Марине были нужны саженцы на дачу, новая иномарка или прогноз погоды на завтра, то сотни и тысячи сайтов были бы к её услугам. Однако прошёл час, и Марина не заметила, как съела полпачки печенья, а так ничего полезного и не обнаружила. Эзотерические и псевдопсихологические ресурсы подробно описывали энергетических вампиров, которые «питаются» отрицательными эмоциями тех, кого спровоцировали на негатив. Но старуха в синем берете была не склочной стервой, получающей удовольствие от скандалов, а настоящим чудовищем. На Ктулху, созданного воображением Говарда Лавкрафта, и, тем более, на индуистского бога мудрости и благополучия Ганеша она тоже не походила. В памяти Марины всплыла безносая морда и страшные глаза — по спине побежали мурашки. Пролетело ещё минут сорок безрезультатных поисков в интернете. Зевнула и потёрла уставшие глаза. Решив, что продолжит поиски утром, выключила ноутбук и вытянулась на диване.

Ночью вновь снился наркоман. Он был в толстовке с капюшоном, закрывающем лицо. Марина приготовилась к бою. Однако сюжет кошмара пошёл не по привычному, правильному сценарию. Наркоман не напал на Марину, а побежал от неё по тёмным улочкам незнакомого города. Мерзавец ускользал, а так хотелось прикончить его, чтобы больше никому не причинил вреда. Вдали слышался вой сирены скорой. Нарик без устали нёсся по лабиринту плотной городской застройки, огибая мусорные баки. Марина чувствовала запах тухлятины. Возле некоторых баков сустились облезлые крысы, копошились странные белёсые насекомые размером с ладонь. Тварь одновременно похожая на таракана и многоножку бросилась наперерез. Под ногами хрустнула, расплылась кровавой кашей, словно состояла из тонкой оболочки и кровавого студня. Но Марине было

некогда — стряхнула жижу с кроссовок и продолжила погоню. Асфальт разрезали глубокие трещины, из которых выбивался красноватый пар, в сумрачной вышине хлопали крыльями какие-то чёрные птицы, стены зданий были изрисованы тёмными невнятными граффити, но порой на кирпичной кладке ярким неонам вспыхивали фразы: «Они приходят осенью!», «Только те, кто умер и воскрес, смогут их увидеть!»

Наркоман никуда не исчез, его тощая фигура мелькала в клубах пара. Марина бежала за ним. Он свернул в узкий переулок и остановился. Высокая кирпичная стена поднималась на высоту десятого этажа. Попался! Марина достала из кармана нож. Рукоятка удобно легла в руку. Ублюдок повернулся, стянул капюшон и... оказался Семёном Зайцевым. Он выглядел уже взрослым, но с длинными волосами, как в школе.

— Где он?! — закричала Марина. — Этот крысёныш должен сдохнуть! Мне это нужно!

Семён не ответил, улыбнулся краешком губ и пошёл на Марину, раскинув руки, будто для объятий. С его раскрытых ладоней текли струйки крови.

Проснулась и не сразу поняла, где находится. Серый в полутьме потолок кружился перед глазами, а цветы на обоях шевелились, словно живые. Моргнула, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Картинка перед глазами успокоилась. Только теперь Марина ощутила, что кулаки плотно сжаты, и коротко подстриженные ногти впились в ладони. Шея и лоб были мокрыми от пота, словно она действительно преследовала наркомана — наяву, не во сне.

Она повернулась к окну и в широкой щели между гардин различила, что занимался рассвет. Тучи лениво ползли по небу, предвещая дождь на весь день. Опять чёртов дождь. Марине начинало казаться, что эта слякотная серая осень уже длится целую вечность. А так хотелось солнечных дней. Хотя бы один ясный погожий денёк, чтобы убедиться, что природа не сошла с ума.

Марина отправилась в ванную. В соцсетях ей часто попадалось четверостишие про то, что лирический герой хочет смыть с себя неудачный день. Она усмехнулась, потому что уже прислушивается к «мудростям» из ленты новостей.

Стоя в душевой кабинке под струями воды, бережно намылила шею — по инерции боялась, что разойдутся несуществующие швы. После душа отправилась на кухню.

Вчерашнее печенье в горло не лезло, поэтому отправилась в круглосуточный минимаркет, расположенный на первом этаже соседнего дома. Внутренний голос убеждал: «Надо просто жить дальше и не искать проблем». Марина согласилась. Размышляя, что купить на завтрак, она вышла из подъезда и направилась к магазину. Начал накрапывать мелкий дождик, поэтому ускорила шаг. И, едва не споткнувшись, встала как вкопанная. Под светящейся вывеской минимаркета она увидела женщину. Нет, совсем девочку лет шестнадцати в бежевом пальто. Её длинный призрачный язык тянулся в щель приоткрытой двери. Монстр только не урчал от удовольствия, «пожирая» то ли охранника, то ли кассиршу. Марина покусала нижнюю губу. «Нельзя вмешиваться, нельзя вмешиваться, нельзя!» — стучало в голове. Дождевые капли барабанили по асфальту, мимо проезжали редкие машины, с другой стороны улицы показались первые прохожие. Всем вокруг было плевать.

Они так и стояли у минимаркета — чудовище и Марина. Её начало знобить и подташнивать. Она уговаривала себя, что полгода назад ей по счастливой случайности дали второй шанс, поэтому не будет тратить своё время на монстров. Не её это дело! Не её — и точка!

«Семён и тот урод Мамонт предупреждали. Они были правы. Кто я такая, чтобы вмешиваться?» — говорила она себе.

Оторвав взгляд от мерзкого пиршества, Марина побежала домой и опять тщательно заперлась в квартире. Вдали от чудовища в голове зароились навязчивые мысли. Любопытство вытеснило страх и заставило перебирать в памяти случаи, когда становилось плохо кому-то из родственников или друзей, которые раньше не жаловались на здоровье. Если нельзя найти информацию о чудовищах, может, надо изучать их жертв?

Память странная штука. В школьные годы Марина чувствовала себя пассажиром поезда, который только тронулся с платформы, поэтому могла разглядеть каждое дерево вдоль железной дороги. После выпускного поезд набрал скорость и мчался по рельсам, так что целые месяцы смазывались в неразборчивую картинку. Марина вспомнила только один подозрительный эпизод. Однотруппница Ксюша упала в обморок на экзамене по патологической анатомии, или патану, как её сокращённо называли студенты. Девушка, весело щебеча, что всю ночь готовила шпиргалки, приблизилась к двери в аудиторию и вдруг выронила тетрадь с лекциями. Очень бледная, Ксюша сползла по стене и закатила глаза. Девчонки бросились поднимать однотруппницу, Марина размахивала перед её лицом конспектами, а парни застыли столбами. Вскоре на шум из аудитории вышли преподаватели.

Что общего между вчерашней женщиной из тридцать восьмой квартиры, сотрудниками минимаркета и Ксюшей? Марина ответа не знала. Наверное, ничего. Однотруппница просто недоучила билеты, вот и запаниковала. Монстров в помещении Марина пока не встречала, поэтому пока решила придерживаться теории, что они нападают, только находясь снаружи. Действительно, в коридоре перед аудиторией никого подозрительного не наблюдалось, а открытых окон Марина не могла припомнить. Значит, никакой системы по выбору жертвы нет — твари просто высасывают жизненные силы из всех подряд.

Марину знобило, лоб горел, и ломило суставы. Её раздирали внутренние противоречия — одновременно хотелось забыть о монстрах и узнать про них правду. Она легла на диван, уставилась в потолок, словно надеясь разглядеть на нём ответы на свои непростые вопросы.

Зазвонил мобильник. На экране высветилась надпись «сестра Таня»:

— Как первый день на работе?

— Ну, так. Устала.

— У тебя голос какой-то грустный. Ты не заболела? Всё-таки за полгода отвыкла от нагрузок. У вас там даже хуже, чем у нас в рестике.

Таня работала официанткой.

— Да нормально, — вяло солгала Марина.

— Так, док, я сейчас мухой в магаз и к тебе. Говори, надо ли зайти в аптеку? И не спорь!

Марина не сопротивлялась заботе сестры, которая всегда отличалась хозяйственностью — копия мамы. А Марина — папина дочка, поэтому часами, замерев, сидела с ним на рыбалке, научилась разбираться в стройматериалах и зимней резине.

Через час Таня, мокрая от дождя, принесла большой пакет с продуктами и маленький — из аптеки. В этом году Таня решительно настроилась выйти замуж, поэтому даже к сестре пришла на каблуках и в платье. Марину всегда поражала её логика: второй половинкой может оказаться любой, поэтому надо быть готовой поразить его своим шикарным видом. Марину в этой конструкции напрягал «любой», но с сестрой спорить желания не возникало.

Пока Таня, скинув туфли, раскладывала покупки в холодильнике, Марина поставила чайник.

— Я из дома захватила котлеты с пюрешкой, контейнер потом как-нибудь вернёшь. Или лучше себе оставь. Может, на работу будешь перекус брать, — объясняла Таня, а потом вдруг добавила: — В аптеке на углу столько народу, а провизорша, прикинь, еле ноги передвигает!

— Да? — оживилась Марина.

Она не сомневалась, что нашлась очередная жертва монстров.

— Но это всё фигня. Я вчера с парнем в контактике познакомилась! Зацени!

Таня сунула под нос Марине смартфон, показывая фото. На Марину смотрел накаченный мужик. Темноволосый и смуглый. Ничего особенного.

Вода в чайнике закипела.

— Арсен из Москвы, работает следователем. Это так мужественно! Кстати, тебе тоже надо кого-то найти.

— Тань, не начинай. Ты продукты и лекарства принесла — вот и спасибо! Разве тебе не пора?

— У-у-у! Прогоняешь меня! А я думала, что после случившегося ты изменишься, будешь ценить жизнь, что ли. А не...

— Мы сейчас поссоримся. Уходи, пожалуйста.

Таня смерила сестру сердитым взглядом. Марина скрестила руки на груди. Чайник отключился.

— И уйду! — Таня как-то по-детски фыркнула, обулась и, хлопнув входной дверью, ушла.

Сёстры с детства цапались едва ли не каждую неделю. Ругались из-за всяких глупостей, типа игр на первом компьютере. Один раз подрались, из-за испорченной футболки. Младшая сестра решила погладить её для Марины и, не рассчитав температуру, прожгла на животе. Но тогда ссоры казались мелочью. А сейчас Марина почувствовала, что Таня её никогда не поймёт. Между ними разверзлась пропасть из-за различного жизненного опыта. Нет, они не чужие, но просто очень разные. Поэтому даже намекать на чудовищ не следовало. «Таня подумает, что я свихнулась», — с грустью думала Марина. А так хотелось обсудить происходящее с тем, кто хлопнет по плечу и скажет: «Не парься! Всё будет хорошо!»

Она открыла маленький пакет и усмехнулась. Таня купила штук двадцать упаковок аскорбинок. Да куда ж столько-то? О чём вообще сестричка думала, когда всё это покупала? Эх, Танька, Танька, у неё как всегда ветер в голове.

Марина съела, не разогревая, котлету с пюре, запила горячим чаем. За едой размышляла о том, что со временем смирится с существованием монстров. Да, это сделка с совестью. Но Семён недвусмысленно показал, что бороться бесполезно. Внутренний голос убеждал Марину, что ежедневно сотни людей погибают в ДТП, а она не испытывает к машинам ненависть или отвращение, хотя не раз приезжала на места аварий.

После завтрака повертела в руках пачку с аскорбинкой и положила в рот жёлтый кисловатый шарик. Удивительно, но тело взбодрилось, и сразу возникли новые мысли о монстрах. Марина решила ещё раз посмотреть на граффити и поискать в ближайших дворах подобные рисунки. Может, кто-то оставил больше подсказок.

Дождь кончился, но солнце так и не выглянуло. Погружённая в свои не слишком приятные мысли, Марина шла мимо детской площадки соседнего двора. Несколько младшеклассников побросали рюкзаки на землю, забрались на горку и ели чипсы. На газончике старушка, опираясь на зонтик-трость, выгуливала болонку. Подложив под себя

пакет, на лавочке сидела молодая мамаша, одной рукой копясь в смартфоне, а другой — держась за коляску с младенцем.

Марина зажмурилась, досчитала до десяти и открыла глаза. Она бы сейчас отдала всё на свете, чтобы ей это просто показалось. Нет, полупрозрачное щупальце действительно опутало коляску. Марина огляделась в поисках монстра. «Хобот» принадлежал молодому человеку, который стоял между припаркованных перед домом машин. Как она его сразу не заметила? Тощий и всклокоченный, он напомнил Марине проклятого наркомана. От него тоже шли волны опасности. У Марины сразу заныл шрам. Выцветшую ветровку монстра раздувал ветер, а щупальце даже не колыхалось.

Чудовище пожирало младенца, и никто в этом мире не заступится, никто не поможет, никто, кроме Марины. А она больше не хочет быть жертвой! А ведь совсем недавно и она не знала, не видела, не подозревала. Пройшла бы мимо этой чёртовой площадки и... Но она видит это. Видит! И да, она пообещала не вмешиваться, но у всего есть предел!

Злость мешала продумать действия. Адреналин кипел в крови. Марина перепрыгнула невысокий кованный заборчик вокруг площадки и побежала к монстру, на ходу вытаскивая из сумочки газовый баллончик. Где-то на задворках сознания пискнул внутренний голос: «Не делай этого! Будут последствия!» Но плевать она хотела на этот трусливый голосок, на последствия, на данное Семёну обещание. Существуют вещи, которые нельзя допускать ни при каких обстоятельствах. Допустишь — и будешь проклинать себя до конца жизни.

— А ну вали отсюда, мразина! — прошипела она, после чего пустила в ход баллончик.

Струя газа врезалась в лицо монстра. Он отшатнулся, захрипел. Щупальце с огромной скоростью втянулось в глотку. Тут же заорал ребёнок в коляске, пискляво затыкала болонка, над площадкой, оглашая пространство пронзительным граем, взлетела стая ворон.

— Вы видели, видели?! — возмущённо завопила старушка.

Да, все всё видели, взоры людей были устремлены на Марину и парня. И никто, разумеется, не понимал, какого лешего эта дамочка на него напала. Стоял себе в сторонке, никому не мешал.

А Марина уже не могла остановиться, ярость вытеснила все мысли, кроме одной: «Наказать ублюдка! Наказать, наказать!..» Так же, как она наказывала того наркомана в своих снах. От газа першило в горле, слезились глаза, сердце бешено колотилось. Почти не соображая, что делает, Марина откинула баллончик, вцепилась в монстра, потянув за куртку. Он оскалился, зашипел, сверкая налитыми кровью буркалами. Под его серой кожей точно причудливые черви шевелились и пульсировали тёмные вены. Марина вцепилась ему в волосы, пожалела, что ногти слишком короткие — хотелось в клочья разодрать этой твари морду.

— Я тебя вижу, сволочь! — зарычала Марина и ударила кулаком в челюсть — неумело, но со всей силы. — Я! Тебя! Вижу! — ещё удар, и ещё...

— Отстань от мальчика! — голосила старушка. — Вызовите полицию, полицию!

Ребёнок в коляске орал всё громче, мамаша тщетно пыталась его успокоить. Дети на горке сидели, открыв рты, для них всё происходящее было интереснейшим представлением, о котором они потом долго будут судачить.

Монстр вёл себя совершенно апатично, лишь шипел и скалился. Похоже, прервав связь с ребёнком, он потерялся во времени и пространстве, как бывает с людьми, резко пробудившимися от тяжёлого горячего сна. Марина била его, а он даже не пытался защищаться.

Ему на помощь пришла старушка. С красным от праведного гнева лицом, она шустро оббежала заборчик и ткнула Марину зонтом в спину.

— Отстань от мальчика!

Болонка, будто вторя хозяйке, заливалась лаем. Один из пацанят на горке захохотал, к нему присоединились остальные дети. У них в руках показались мобильные телефоны — начали снимать. А ребёнок в коляске продолжал реветь, сводя с ума свою мамочку.

Монстр опомнился, задрожал, оттолкнул Марину и рванул прочь — бежал как-то странно, вприпрыжку, словно плохо владея своим телом.

Боевая старушка опять ткнула зонтом.

— Хватит! — заорала Марина, сжав кулаки до боли в костяшках.

Старушка отпрянула. Болонка взвизгнула и прижалась к заборчику, поджав хвост. Марина исподлобья окинула взглядом площадку. Она сейчас ненавидела всех этих людей за то, что они не знают, не видят, не подозревают. И эта старушка, и дети на горке, и мамаша. Они все слепые!

— Полиция уже едет! — старушка погрозила пальцем. — В тюрьму тебя, заразу, посадят! Это надо же чего учудила? На мальчика ни за что, ни про что напала! Все это видели! Все! — она напыжилась и чихнула — в воздухе ещё витали остатки газа.

Марина тряхнула головой. Злость сошла на нет и стыдно вдруг стало за ненависть ко всем этим людям. Нет их вины в том, что они «слепые». Это благо — не видеть, не знать. Благо, которого она сама теперь лишена.

— Полиция с тобой разберётся, — бухтела старуха. — Не в тюрьму тебя надо, а в психушку. Там тебе самое место. Развелось психов, шагу ступить некуда...

Надо уматывать. С полицией разбираться у Марины желания не было. Она развернулась и побежала, ощущая себя мишенью на стрельбище. Черта пересечена, пути назад нет, договор с Семёном нарушен. Ей казалось, что уже сейчас за ней начали следить, чтобы поквитаться.

Глава четвертая

Не было никаких сожалений и сомнений. Как все нормальные люди, Марина сделала в жизни немало ошибок, но, чёрт возьми, считать ошибкой спасение ребёнка она не собиралась. Несмотря на данное Семёну обещание, несмотря на возможные последствия. Вот уже и вечер наступил, а злость до сих пор клокотала, не позволяя страху овладеть сознанием. В голову лезли порождённые чувством справедливости мысли: «Всё это до безобразия неправильно! Должна найтись управа на долбанных монстров, на Семёна и этого хмыря Мамонта!»

Вот только, как и где эту управу найти Марина пока не могла сообразить. Ну в самом-то деле, не идти же в полицию? Если сделает подобную глупость, то палата в психушке ей обеспечена. К тому же, кто знает, возможно и местная полиция тут замешана. Марина никогда не была сторонницей теории заговора, но ситуация буквально подталкивала к излишней подозрительности и недоверию. Примерно так же она себя чувствовала в первые месяцы после клинической смерти. Тогда ей в каждом молодом мужчине виделась угроза, будто каким-то невероятным образом тот торчок смог сбежать из тюрьмы и изменить внешность. В те времена здравый смысл не слишком-то был здравым.

Вот и сейчас он подводил, склонял к параноидальному взгляду на вещи.

Марина выпила уже третью чашку кофе и в очередной раз встала возле окна. Она напряжённо вглядывалась в освещённый фонарями двор, а в голове ширилось и набухало

слово «последствия». Злость ещё не прошла, однако её уже начал потихоньку растворять страх. Второй вечер подряд она была как на иголках, впору вместо кофе чай ромашковый пить.

На улице было так спокойно. Обманчиво спокойно. Эти фонари, деревья, автомобили словно бы пытались убедить: в городе всё хорошо, нет повода для беспокойства. Марине хотелось им верить, но не получалось. Она глядела в окно и думала о том, что город отравлен. Где-то там, в тёмных переулках, притаились чудовища, твари, которых просто-напросто не должно существовать, ведь одно из правил нормального мира гласит: монстры бывают только в сказках и в головах психически больных.

— Может, я спятила? — прошептала Марина, обращаясь к своему отражению в стекле.

Затрезвонил домашний телефон и от этого резкого звука у Марины дыхание перехватило. Проклятые нервы! Так и до инфаркта недалеко. Нет, определённо нужно заварить ромашкового чаю. И никакого больше кофе!

Это звонила Таня.

— Хотела узнать, как ты там. Тебе лучше?

— Да, лучше, — ответила Марина. — Те двадцать упаковок аскорбинок, что ты купила, меня исцелили.

— Ирония? Это хорошо. Значит, у тебя действительно всё в порядке. Слушай, Марин, я тут подумала... а давай на днях поедem за город? Как раньше? По лесу прогуляемся, ходим к тому пруду, где мы уток видели. Я фотки сделаю для своего блога. И плевать на погоду, не сахарные, не растаем.

«Ох, не до поездок за город мне сейчас!» — с досадой подумала Марина, но расстраивать сестру отказом очень уж не хотелось. К тому же, у Таньки семь пятниц на неделе, уже завтра она может забыть о всех своих планах, потому что в голову взбредёт что-то поинтересней. Например, Арсен из Москвы.

— Хорошая идея, — согласилась Марина. — У меня завтра смена, как освобожусь, так и обговорим, — и добавила почти бездумно: — Будь осторожна, Тань.

Возникла пауза. Когда Татьяна её нарушила, голос у неё был озадаченный.

— Ты это вообще к чему? Не находишь, что это прозвучало как-то странно. Такие фразы просто так не произносятся.

Марина тяжело вздохнула.

— Да ничего странного тут нет. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна, — она понимала, что все её предостережения, как мёртвому припарка, но остановиться уже не могла: — Если почувствуешь слабость, хоть малейшее недомогание, сразу же мне звони. Я приеду и помогу. Тань, пообещай, что позвонишь.

— Марин, ты меня пугаешь.

— Просто пообещай!

— Ладно, ладно, обещаю. В городе что, какая-то страшная эпидемия, о которой знают только медицинские работники?

«Да, чёрт возьми, эпидемия! — мысленно выкрикнула Марина. — Эпидемия под названием 'Нашествие чудовищ!» В слух же произнесла:

— Нет никакой эпидемии. Просто я о тебе беспокоюсь.

— Ну... хорошо раз так, — судя по голосу, Татьяна немного успокоилась. — Только больше не произноси подобных фраз.

— Договорились.

Попрощавшись, Марина повесила трубку и задалась вопросом: а как бы сестра отреагировала, поведай ей о существовании монстров? Татьяна была очень беспечна в своей легковёрности, её можно убедить в чём угодно. Любительница передач по РЭН-ТВ, она однажды умудрилась проникнуться словами одного якобы профессора, который на голубом глазу заявил, что патиссоны создали инопланетяне, намеренно придав им форму летающих тарелок. Поверила бы она в чудовищ, вытягивающих из людей жизнь? Да запросто. Вот только не нужно ей о них знать. Как сказал Семён — меньше знаешь, крепче спишь. Тут он был прав на все сто.

Опять зазвонил телефон, на этот раз мобильный.

Неизвестный номер. Поколебавшись пару секунд, Марина решила ответить.

— Да, я слушаю.

— Что ты творишь, Самарина?! — услышала она голос Семёна. Помяни чёрта... — Мы же с тобой договорились!

— Откуда у тебя мой номер?

— Не задавай тупых вопросов. Лучше подойди к окну.

Прижимая к уху мобильник, Марина подошла и у неё внутри всё похолодело. Во дворе стояли пять монстров. С высоты четвёртого этажа трудно было рассмотреть их морды, но тянущиеся из их раззявленных ртов щупальца различались чётко. «Хоботы» извивались точно огромные белёсые черви и выглядело это отвратно и сюрреалистично.

— Это что, акт устрашения? — голос Марины предательски дрогнул.

— Да, мать твою, он самый! — со злостью отозвался Семён. — Смотри на них, Самарина! Смотри внимательно! Я хочу, чтобы ты боялась. Ты должна бояться, потому что всё для тебя складывается очень, очень хреново. Ну скажи, неужели нельзя было пройти мимо?

Марина поморщилась, будто слова Семёна окатили её жгучей горечью. Выпалила:

— Тот говнюк забирал жизнь у ребёнка! У младенца! И ты спрашиваешь, почему я мимо не прошла? И кто ты после этого, Зайцев?

— Тот, как ты выразилась, говнюк, забрал бы у ребёнка немного жизненных сил и свалил к чертям собачьим. Он не убил бы его.

Марина услышала в его голосе неуверенность и это только подтверждало, что она поступила правильно.

— Не понимаю, Зайцев, как ты вообще можешь быть на стороне этих чудовищ? Они что, золотом тебя осыпают? Да ты настоящий предатель. Предатель по отношению к нашему городу, к людям!

— Давай без этого пафоса. Ты даже представить себе не можешь, с чем столкнулась. Твари, на которых ты сейчас смотришь, это всего лишь верхушка айсберга. За ними стоят чудовища пострашнее, опасней. И они очень не любят, когда вмешиваются в их дела.

Пять щупалец резко взмыли вверх, достигли уровня четвёртого этажа и принялись извиваться возле окна, усилив тем самым акт устрашения. Марина отпрянула.

— Послушай, Самарина, ты можешь считать меня последним подонком, но я действительно не хочу, чтобы ты пострадала. У тебя сейчас есть один вариант: сидеть дома. Как минимум — неделю. За порог даже носа не вздумай высовывать. Сейчас твой дом — твоя крепость. Надеюсь, через неделю о тебе забудут и оставят в покое. А потом...

— Нет, я не собираюсь прятаться, — прервала его Марина. — У меня работа.

— Что?

— Я сказала, что прятаться не собираюсь!

Семён видимо был ошарашен, потому что вновь обрёл дар речи лишь спустя десяток секунд:

— Знаешь, Марин, я думал ты храбрая, принципиальная, но теперь понял, это не храбрость, а дурость. Ты — редкостная дура. Похоже, после того, как торчок тебе горло перерезал, у тебя совсем крыша поехала. После такого у всех нормальных людей чувство самосохранения должно просто зашкаливать, а у тебя всё наоборот.

— Да пошёл ты, Зайцев! — процедила Марина, чувствуя, как поднимается волна ненависти.

— В общем, я тебя предупредил. В ближайшее время лучше на улицу не выходи и окна не открывай. Если что, помочь я не смогу.

Марина собиралась резко ему ответить, но он уже прервал связь. Ну и чёрт с ним. Не хочет он, видите ли, чтобы она пострадала, заботливого из себя строит. Должно быть совесть свою таким образом пытается успокоить. Вспомнились его слова: «Ты должна бояться, потому что всё для тебя складывается очень, очень хреново». И да, она боялась, но было ещё и бунтарство, не позволяющее поднять руки вверх и сказать: «сдаюсь». То самое бунтарство, что когда-то её исцелило, заставив снова и снова уничтожать в снах обдолбанного утырка.

Нет, прятаться она точно не станет. Но будет осторожна. Максимально осторожна. А сейчас — ромашковый чай.

После фитотерапии Марине в голову пришла идея поискать в интернете информацию о Семёне. Что именно намеревалась найти? Она толком и сама не знала, возможно, хоть какой-то намёк на связь Зайцева с чудовищами. Быть может, сеть укажет на ту ниточку, что тянулась из прошлого бывшего одноклассника в настоящее.

Во всех соцсетях у Семёна в качестве аватарки использовалась одна и та же фотография, где у него длинные волосы. Местом учёбы он указал их школу, а затем ВГИК. Марина с удивлением разглядывала его снимок на фоне нежно-зелёного здания МХТ имени Чехова. На ещё одном фото он стоял на сцене с однокурсниками. Последней картинкой на всех страничках оказался коллаж, составленный из изображений куклы вуду, чёрных свечей и пентаграммы. Пост он выложил семь лет назад.

Поисковик тоже не порадовал изобилием информации. Согласно Кинопоиску, ещё студентом Семён играл совсем не главную роль во второсортном сериале, который крутили на канале для домохозяек. И больше ничего. И какой из всего этого можно подвести итог? Да никакой, с информацией в сети промашка вышла. Интернет будто бы кричал: «Зайцев — самый обычный парень!» А коллаж с чёрными свечами, куклой вуду и пентаграммой — это всего лишь баловство, которое в актёрской среде встречается сплошь и рядом.

А баловство ли?

Всё, к чёрту интернет! Хватит. Иначе попрут домыслы — не остановишь. Спать пора.

* * *

Никак не получалось уснуть, муторно как-то было. Ворочалась с бока на бок, а перед внутренним взором то и дело возникали хари чудовищ. Задремала лишь под утро, а когда проснулась по звонку будильника, почувствовала себя совершенно разбитой. Немного помогли контрастный душ и чашка крепкого чая.

Пора на работу. От одной мысли, что придётся вливаться в пасмурную городскую серость, становилось не по себе. Там ведь монстры! Там опасно! Но упрямство всё же пересилило страх. Обувшись, одевшись, Марина сказала входной двери «плевать!» и открыла

замок.

* * *

Перед отъездом на первый вызов она поймала на себе взгляды Василия Ивановича и Даши. В их глазах читалось беспокойство.

— Что? — спросила Марина.

— Как выходной прошёл? — голос Даши звучал вкрадчиво.

— Нормально. С сестрой виделась.

— Семья — это хорошо, — Даша оживилась и энергично закивала. — У меня тётка от всех закрылась, ни с кем не общалась, а потом её нашли в квартире. Соседи пожаловались на запах. Хоронили в закрытом гробу.

Марина приподняла брови, не зная, что ответить. К чему Даша вообще об этом рассказала? Такими темами разговоры не поддерживают. Бред какой-то.

Василий Иванович кашлянул.

— Марин, ты это... уверена, что готова к работе?

От неловкости он прятал руки и переминался с ноги на ногу. Марина произнесла с расстановкой, пытаясь убедить не только коллег, но и себя:

— Со мной всё в порядке. Поехали уже.

Марина улыбнулась, но получилось натужно. Она понимала, что выглядит сейчас не лучшим образом — бессонная ночь давала о себе знать, да и нервозность сквозила в голосе и проступала в чертах лица. И взять себя в руки не очень-то получалось.

Василий Иванович и Даша переглянулись.

— Марин, если ты при старом дураке, как я, стесняешься чего-то, то Даше скажи, — скороговоркой выпалил Василий Иванович и сел за руль.

Ехали быстро, маневрируя в потоке машин. Чтобы не отвечать на вопросы, Марина прикрыла глаза. Надо выстроить стену между собой и теми, кто не видит, не знает, не подозревает. Так будет спокойнее, безопаснее. А внутри у неё закипала горечь и острое чувство одиночества. Хотелось выговориться, вновь наплевав на последствия. Она представляла, как хватает Дашу за руку и рассказывает про Семёна и Мамонта, про монстров и позор на детской площадке. И как ей удалось спасти женщину из тридцать восьмой квартиры, и ребёнка в коляске! Услышав невероятную историю, Василий Иванович обязательно даст разумный совет... Марина поморщилась — естественно, она только напугает коллег. Они предложат обратиться к психиатру, это ведь логично, правильно. А если поверят? То им будет угрожать опасность, как и ей. Нет, они такого не заслужили. Да уж, некоторые тайны хранить слишком тяжело, от такой тяжести свихнуться недолго.

Нарушив затянувшееся молчание, Василий Иванович рассказал анекдот. Даша засмеялась, а Марина даже улыбку выдать не смогла и ей немного стыдно стало за собственную угрюмость. Она отвернулась к окну. Прохожие куда-то спешили, обходя многочисленные лужи, в витринах отражалась осенняя серость, ветер трепал чахлую листву придорожных тополей. Как же хотелось, чтобы время ускорило, за один миг пролетели пасмурные дни, зима, весна и наступило лето. Детское желание, глупое, но Марина представила, как яркое солнце озаряет стены домов, как от жаркого марева колышется воздух, и приятно стало на душе. "«Я доживу до лета», — сказала она себе. — «Доживу. И в отпуск на море поеду. С Танькой». Как мало, порой, нужно для поднятия духа — всего лишь представить что-то хорошее.

— Василий Иванович, — обратилась она. — А расскажи ещё какой-нибудь анекдот?

Он поглядел в зеркало заднего вида над лобовым стеклом, улыбнулся.

— Вот это другое дело! А то сидела мрачная как грозовая туча. Анекдот? Ну слушайте...

* * *

До обеда было пять вызовов — ничего серьёзного, никого не пришлось госпитализировать. Однако Марина не раз ловила себя на том, что глядит на всех пациентов, как на потенциальных жертв чудовищ. А, когда входила в квартиры, её взгляд неизменно устремлялся на окна: не притаилось ли в открытой форточке призрачное щупальце? Впрочем, с каждым новым вызовом она чувствовала себя всё спокойней.

После полудня бригаду отправили на другой конец города, в старый район, где доживали свои дни дряхлые четырёхэтажки, а дальше начиналась промышленная зона.

Огибая лужи, Марина с Дашей направились к подъезду, возле которого на скамейке, с закрытым чёрным зонтом на коленях, расположился старик.

— Доброго утречка, — проявила приветливость Даша.

Дед не ответил, он сидел как каменный, лишь пялился на Марину и глупо улыбался, в его водянистых глазах было меньше осмысленности, чем в кусочках льда. Даша передёрнула плечиками, словно на неё холодом повеяло, и нажала на кнопку на потёртом домофоне.

Марина не сомневалась, что этот старикашка — монстр. На первый взгляд обычное лицо с глубокими морщинами и обвисшими бульдожьими щеками. Но в его чертах она видела что-то неуловимое — отпечаток хищного голода.

— Марин, тут кнопку заело.

— Жми сильнее.

Ей было тревожно, неудобно. Казалось, что кто-то за ней наблюдает помимо старика. Она бросила взгляд через плечо, но ничего необычного не заметила. Зато справа от двора увидела старую нерабочую трансформаторную будку, которая буквально молила: «Да снесите меня уже, наконец! Мой срок давно истёк!» На обшарпанной стене из красного кирпича было граффити. Среди разноцветных закорючек, Марина различила изображение монстра с щупальцем, который косит огромным серпом людей, словно колосья. У всех нарисованных человечков рты были в виде буквы «О», как на картине Эдварда Мунка «Крик». Жутковатое граффити, тот, кто его нарисовал, явно был психически нездоровым. Марине вдруг почудилось, что чудовище на стене взмахнуло серпом, срезав с десяток голов маленьких человечков... Она зажмурилась, тряхнула головой, с опаской открыла глаза... Всё было нормально. Всего лишь померецилось. Нервы. Прикусив губу, отстранила Дашу и со всей силы надавила на кнопку домофона. В динамике запищало, а потом послышался встревоженный голос.

В квартире Марина померила пожилой женщине давление, проверила сердце, дала парочку советов, поставила укол. Когда вместе с Дашей снова вышла на улицу старик всё ещё сидел на лавочке и пялился в пространство перед собой, не моргая. Проходя мимо, Марина до боли в кисти сжала ручку чемоданчика. У неё опять появилось неприятное ощущение, что кто-то за ней следит.

* * *

Электронные часы в комнате отдыха показывали 20:00. На смену заступили другие бригады. Пора домой. Марина вызвала такси, хотя до этого всегда ездила на автобусе — две остановки, потом метров сто по тротуару вдоль детского садика, и вот он — родимый двор. Вот только сегодня эти «метров сто» вызывали тревогу. Утром там было много людей, кто-то на работу спешил, кто-то собак выгуливал, а вечером...

Нет, лучше на такси, довезёт до самого подъезда. Бунтарство — это, конечно, хорошо, но нужно и осторожность соблюдать. Не стоит подтверждать слова Зайцева о том, что она дура.

Попрощавшись с коллегами, Марина вышла из здания. Такси прибыло минуты через три. На всякий случай она внимательно взгляделась в лицо водителя: нос картошкой, пухлые щёки, бесхитростные глаза. Никаких признаков чего-то неправильного. Марина сомневалась, что монстры способны водить автомобили, пока она видела только каких-то заторможенных, навевающих мысли о тупости. Но мало ли что?

— Мы едем или как? — проворчал водитель.

Марина забралась в салон, устроилась на заднем сиденье, сообщила адрес. Автомобиль тронулся, выехал с территории станции скорой медицинской помощи и влился в поток машин на проспекте.

«Вот и день прошёл», — подумала Марина, глядя на огни вечернего города. Она подвела итог прошедшей смены: помогла доброму десятку человек, видела очередное граффити и старика, который явно был монстром. И всё. Ничего особенного. Как бы ей хотелось, чтобы про все ближайшие дни она могла вот так же сказать: «Ничего особенного».

Минут через десять водитель свернул с проспекта на дорогу, ведущую вдоль забора детского садика — те самые «метров сто», что тревожили Марину. Горели фонари, ветви деревьев отбрасывали тени на мокрый асфальт, впереди стояли пятеро, две старухи, старик, девушка и парень...

Стоп! Что за фигня! Сердце Марины заколотилось, в голове вспыхнула мысль: «Особенное случилось, особенное случилось!» Эти пятеро стояли так, что не объехать.

Водитель затормозил.

— Не понял. Какого хрена?

Марина разглядела возле забора Мамонта. Ублюдок улыбался. Так и померещилось, как он выхватывает из-под полы своего чёрного плаща автомат Томпсона и начинает палить по машине.

— Езжайте назад! — голос Марины сорвался на фальцет. Она оглянулась и поняла, что её требование невыполнимо. Позади дорогу перегородили ещё пятеро. Это была ловушка, причём наглая! Мамонту и чёртовым монстрам похоже было плевать на свидетелей, которые могли объявиться в любую секунду.

Водитель сердито сдвинул брови.

— Пойду разберусь.

— Не выходите! — Марина схватила его за плечо.

— Спокойно, дамочка. Спокойно, — он набычился, явно желая показать, что он настоящий мужик, на раз решающий все проблемы.

— Прошу вас, не открывайте дверцу, не выходите! — взмолилась Марина. Она хотела добавить: «Езжайте прямо на них! Давите!» Но это было бы слишком.

— Да не переживайте вы так. Я разберусь, — водитель решительно открыл дверцу, вышел. Не успел сделать и пары шагов, как монстры, раззявив рты, буквально выстрелили в него своими щупальцами и словно пиявки присосались к шее, лбу, щекам. Он тяжело задыхался, пошатнулся.

— Бегите! — выкрикнула Марина. Она сообразила, что теряет время, ей самой нужно бежать! Впереди и позади чудовища, справа высокий забор, слева — пятиэтажки, дворы. Это

направление — единственный вариант!

Она распахнула дверцу, но выскользнуть из машины не успела, на пути встал Мамонт.

— Попалась, сучка! — он ощерился, став похожим на какую-то злобную пародию на Бенни Хилла. — Давай, давай, выходи. А ну выходи, коза драная!

Водитель приложил ладонь к груди в области сердца, проямлил «помогите» и упал на асфальт. Щупальца отцепились от него и втянулись в глотки монстров.

Марина подалась к противоположной дверце. Мамонт довольно резво для его комплекции нырнул в салон, вцепился ей в волосы, потянул, с яростным шипением выхаркивая ругательства. Марина, оскалившись, лягнула его в живот, а потом вонзила ногти ему в лицо, разодрала щёки, подбородок. Мамонт взвизгнул от боли и с такой силой рванул Марину на себя, что оба вывалились из салона.

Монстры приближались. Они выглядели как ожившие манекены, на их лицах не было ни единой эмоции. Какая-то женщина вышла из-за угла дома, поглядела на то, что творилось на дороге, охнула и побежала прочь, на ходу вытаскивая из сумочки сотовый телефон.

Мамонт ударил Марину кулаком в живот.

— Конец тебе, сука! Зайцев просил в живых тебя оставить, но нет, не оставлю! Сдохнешь за то, что рожу мне разодрала! Прямо сейчас сдохнешь! — он окинул взглядом чудовищ. — Заберите у неё жизнь! Всю, до капли!

И снова щупальца вырвались из разъявленных ртов. Марина попыталась подняться, но Мамонт тут же нанёс ей удар в челюсть. Перед глазами всё поплыло, однако она разглядела извивающиеся «хоботы» возле своего лица. Ещё мгновение — и присосутся, начнут выкачивать жизнь...

Этого не случилось. «Хоботы» задёргались и исчезли. Мамонт выкрикнул:

— Что за херня?!

Марина тряхнула головой, приходя в себя. Увидела каких-то людей в чёрных балаклавах, которые бегали от монстра к монстру и били их электрошокерами. Чудовища падали как подкошенные, щупальца судорожно втягивались в глотки. Мамонт растерянно попятился, распахнул плащ, вынул из наплечной кобуры пистолет, не целясь выстрелил и побежал, потеряв кепку. За ним погнался рослый мужчина.

— Убью, урод жирный!

Мамонт, набирая скорость, выстрелил через плечо, попал преследователю в ногу. Тот пробежал по инерции метра три и захромал, разразившись проклятиями.

— Уходим, Ярослав! — позвала его, судя по голосу, девушка.

Марине помогли подняться, повели куда-то. Она не сопротивлялась, в конце концов эти люди ей жизнь спасли. До сих пор спасали.

Ярослав догнал их, припадая на правую ногу.

— Ты как? — бросила девушка.

— Нормалёк, жить буду. Жирдяй из травмата палил.

Марина увидела, как из ртов поверженных монстров потянулись эфемерные струйки чего-то зеленоватого. Эта субстанция поднималась и рассеивалась в воздухе. Забранная у людей жизненная сила? Что-то Марине подсказывало, что это именно она. Впрочем, сейчас было не до построения догадок. Оглянулась.

— Водитель. Ему помочь нужно.

— Очухается, — резко заявила девушка. — Нам тебя спасти нужно.

— А эти чудовища? Вы их убили?

— Чем, шокерами? Скоро поднимутся и друг на друга начнут бросаться. На мразей электричество странно действует, с ума их сводит. Давай все вопросы потом, лады? — девушка стянула с головы балаклаву, высвободив гриву выкрашенных в фиолетовый цвет волос.

Марина покосилась на того, кто шёл справа: рост — маленький. Неужели ребёнок? А впереди, рядом с тем, кого звали Ярославом, шагала явно немолодая женщина. Странная компания, разношёрстная, но определённо эффективная. За минуту с монстрами разделались! Марина рассудила, что ей ничего не остаётся, как полностью довериться незнакомцам.

Добрались до припаркованной во дворе пассажирской «Газели». Девушка протянула Марине руку.

— Давай телефон. Быстрее!

Исполнила приказ, решив, что сейчас лучше не артачиться и не показывать гонор. Из телефона моментально была вынута и выкинута сим карта. Девушка буркнула «на всякий пожарный» и возвратила гаджет.

Все сняли балаклав. Марина в своих догадках не ошиблась, мелкий действительно оказался ребёнком, мальчишкой лет тринадцати. А женщина была немолодая, её голову венчали короткие седые волосы. И именно она заняла место за рулём. Остальные быстренько расселись на пассажирских сиденьях.

Резко выдохнув, женщина завела двигатель, повела «Газель» через двор, затем свернула в тёмный переулок.

— А неплохо мы их, а? — улыбнулся мальчишка.

— Нормально, — буркнул Ярослав, потирая раненую ногу.

Девушка посмотрела на Марину.

— Не слабо тебе досталось. Я видела, как толстяк тебя из машины выковыривал, но, уж прости, на помощь прийти не могла, остальных дожидалась. У нас правило — по одиночке не действовать.

Марина приложила ладонь к челюсти, которая уже опухла и жутко болела.

— Куда мы едем? — говорить было трудно.

Ответила ей седовласая:

— В безопасное место. Сама понимаешь, домой тебе нельзя. Ты теперь — цель.

«Я — цель, — с горечью подумала Марина. — Просто замечательно. Но это всё же лучше, чем быть мёртвой».

* * *

Когда «Газель» выехала на проспект, на дороге возле детского садика очнулся водитель такси. Он чувствовал слабость, в груди щемило, ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы просто сесть. В голове возникла вялая мысль: «Что случилось?» Он помнил, как вышел из машины, пошёл к перегородившим дорогу людям... и всё. Провал, темнота. Неужели это был сердечный приступ? Странно, на сердце он никогда не жаловался.

Обвёл взглядом пространство. На дороге, в свете фонарей что-то заворочалось. Кто-то! Люди, которые, похоже, как и он тоже потеряли сознание. Те самые люди, что дорогу зачем-то перегораживали.

Но что это с ними?

Сначала с недоумением, а потом и с ужасом водитель увидел, как они принялись шипеть точно змеи и бросаться друг на друга. Вон старик вцепился в горло тощему парню, а

вон девчонка принялась неуклюже размахивать руками и лупить старуху. Массовый психоз, не иначе!

Он решил, что нужно сваливать отсюда, однако сил не хватило, чтобы даже с места сдвинуться. Так и сидел на мокром асфальте, раскрыв от изумления рот.

Свет фар озарил дорогу, возле такси остановился полицейский автомобиль. Молодой сержант, что был за рулём, опешил от увиденного: десяток человек, большинство из которых старики и старухи, вели себя точно дикие звери.

— Ни фига себе! — выдохнул он. — Тут, кажись, санитаров нужно вызывать.

— Это точно, — кивнул сидящий на пассажирском сиденье старший сержант. — Вызовем. А пока пойдём, сами попробуем унять этих психов.

Глава пятая

Что за безопасное место такое? Марину начали обуревать сомнения: а не лучше ли ей всё-таки будет дома? Закроется, плотно зашторит окна, из квартиры носа не высунет. Впрочем, эти сомнения перекрывали чёткие аргументы: дома не получится спрятаться, слишком уж сильно она разозлила Мамонта и, возможно, тех, кто за ним стоит. Достанут, расправятся.

«Газель» выехала из города. Марина посмотрела на своих спасителей. Они уже успели представиться. Женщину за рулём звали Нонна, на вид ей было лет семьдесят, но выглядела она крепкой как дубок; в глазах и в чертах лица отражалась какая-то жёсткость, точно броня, позволяющая успешно противостоять атакам старости.

Девушка, Инга, была полна энергии. За короткое время эта непоседа три раза перешла с одного сиденья на другое. Постоянно вертелась, будто желая всем присутствующим показать, какие у неё замечательные фиолетовые волосы. А вот мальчишка, Вадик, наоборот сидел спокойно, и Марина невольно восхитилась его выдержкой. Ребёнок ведь, с чудовищами только что сражался, а вёл себя так, словно ничего и не было. Её саму-то не слабо потрясывало: «Мандраж первой степени», — как однажды не смешно пошутил Василий Иванович, когда одного молодого фельдшера начало колотить при виде раненых после массовой поножовщины.

Ярослав полулежал на заднем сиденье — небритый, весь какой-то растрёпанный, в чёрной, явно требующей стирки вязаной шапочке, которую он нацепил сразу же, как снял балаклаву. У него был массивный подбородок, выдающиеся скулы, а в глазах — нездоровый блеск. Время от времени он доставал из внутреннего кармана камуфлированной куртки фляжку, делал глоток и убирал обратно.

Удивительно, но именно потому, что все эти люди слишком разные, Марина почувствовала к ним симпатию, хотя и с долей подозрительности. В голове роились вопросы: кто они такие? Какова их цель? Одно было ясно: им не всё равно, что по улицам города расхаживают монстры. Они их видят, как видит она, а значит, тоже имели печальный опыт клинической смерти.

«Только тот, кто умер и воскрес, могут их видеть».

Они — свои! Потому и спасли её. Верный вывод? Пожалуй, да.

Инга в очередной раз пересела, оказавшись рядом с Мариной, и затараторила:

— Я мразей ещё часа полтора назад заприметила. К тётке ездила, она одна живёт, здоровье ни к чёрту, вот мне и приходится постоянно в город мотаться, чтобы её проведать. В общем, вышла я от тётки, дотопала до детского садика, гляжу — стоят возле забора. Одиннадцать насчитала, включая толстяка. Обычно мрази по одиночке пасутся, не

кучкуются, а тут... Короче, я сообразила, что это засада. Такое уже было. Они как-то вот также ловушку Ярославу устроили. Верно, Ярослав?

— Угу, было дело, — отозвался тот, снова приложившись к фляжке.

— Ну я и позвонила нашим. Сама же во дворе затихорилась, наблюдала. А потом такси прикатило и началось. Наши, конечно, чуток припозднились, толстяк всё-таки успел тебя поколотить.

— Спешили, как могли, — заявила Нонна.

— Ну ничего, — улыбнулась Инга. — Главное, мы их планы сорвали. С ловушкой они облажались.

— Вы этих монстров мразями зовёте? — спросила Марина.

— А кто они по-твоему? Мрази и есть. Или ты не согласна?

— Согласна. Вполне, — у неё в голове крутились не менее уничижительные эпитеты.

— Раз эти твари на тебя ловушку устроили, значит крепко ты им насолила, — Нонна бросила на неё взгляд через плечо и снова повернулась к лобовому стеклу. — Рассказывай, что ты сделала.

И Марина начала рассказывать, чувствуя себя так, словно выплёскивает из сознания какую-то застоявшуюся грязную жижу. Поведала о старухе, которую она прогнала, о предостережениях Семёна и Мамонта, о монстре, вытягивающим жизнь из ребёнка. Когда закончила, испытала облегчение. Наконец-то она с кем-то поделилась тем, что тяготило душу. Как же иной раз полезно просто выговориться.

— А ты крутая, — Инга глядела на неё с уважением. — Не зря мы тебя спасли. Из газового баллончика в морду мрази прыснула? При свидетелях? Ну ты даёшь! — рассмеялась. — Хотела бы я на это посмотреть.

— Молодчина, — одобрила Нонна. — Большинство тех, кто видит мразей, проходят мимо. Теперь ясно, почему на тебя ловушку устроили.

Вадик деловито показал большой палец. Он тоже одобрял. А Ярослав, похоже, историю Марины мимо ушей пропустил, его сонный взгляд был устремлён в окно — ещё чуть-чуть и носом начнёт клевать.

«Газель» свернула на мощённую бетонными плитами дорогу и минут через десять въехала на территорию коттеджного посёлка. Справа и слева высились ограды, над которыми проступали очертания домов различной конструкции и размера. Марина знала это место, не раз приезжала сюда на вызовы, и, насколько она могла судить, здесь в основном проживали люди, чей достаток был немногим выше среднего. Никакой элитарности, никакой охраны. Вокруг — лес, а в паре километрах отсюда располагалась городская свалка. Где-то неподалёку ещё была речушка, которую прозвали Грязнулей, потому что давным-давно в неё слили какую-то гадость и с тех пор она чище не стала. Богатые адвокаты, известные артисты, пузатые депутаты и криминальные авторитеты тут определённо не водились, они выбирали места получше.

Нонна провела «Газель» через весь посёлок, остановилась возле обнесённого сеткой рабицей участка на отшибе, где одиноко и как-то печально тускло горел фонарь, вяло озаряя своим светом фасад двухэтажного строения, разительно отличающегося своей неухоженностью от прочих домов посёлка.

— Приехали, — Нонна вышла из машины, за ней последовали остальные.

Марина шла по мощёной дорожке, с недоверием разглядывая коттедж. Грязные стеклопакеты напоминали глаза с бельмами, а серые стены, будто кожа больного псориазом,

шелушились остатками краски, печная труба обвалилась и торчала уродливым обрубок над крышей. Веранда и застеклённая терраса хоть и выглядели более-менее прилично, но всё равно навевали мысли о конце цивилизации. У небольшого сарайчика зачем-то были сложены полусгнившие покрышки и отсыревшие мешки с цементом. Сорняки нестройными рядами качались на ветру вдоль забора, намереваясь захватить всю территорию. Саму же дырявую рабицу, окружавшую участок, опутали остатки пожелтевших вьюнков. Пахло гнилой травой и мокрой землёй.

Случайно сойдя с дорожки, Марина едва не споткнулась о кротовину. Весь участок, изрытый оплывшими холмиками, напоминал импровизированное кладбище, где безумный могильщик в хаотичном порядке хоронил отряд лилипутов.

Вслед за остальными она дошла до крыльца с растрескавшимися перилами, поднялась по скрипучим ступеням, проследовала через небольшую прихожую в гостиную. Вадик щёлкнул выключателем, под потолком загорелся некогда ярко-жёлтый, но теперь конкретно выцветший абажур.

— Извини за такую обстановку, — Нонна развела руками, посмотрев на Марину. — Это мой коттедж. Да, не царские хоромы, но жить можно. Когда-то хотела тут всё обустроить, да всё руки не доходили. А потом и вовсе забросила.

— Фигня, — Инга плюхнулась в потёртое кресло. — Главное, электричество и водопровод есть, хотя вода и паршивая. И интернет тут ловит, прикинь?

Сделав вид, что ей плевать на обстановку, Марина всё же украдкой обвела взглядом комнату. Голые стены без отделки, лестница, ведущая на второй этаж, невзрачные шторы, большой накрытый клетчатой скатертью круглый стол, на котором лежал ноутбук и стояла массивная стеклянная пепельница, полная окурков. В углу примостилась кадка с землёй и выглядела она печально, словно скорбела по тому фикусу, что в ней когда-то зеленел. Диван возле стены не уступал в потёртости креслам, а вот стулья глаз радовали — не современные, крепкие, с резными спинками и кожаной обивкой. Марина обратила внимание на стеклопакеты и на добротные двери с красивыми металлическими ручками. Похоже, Нонна всё-таки пыталась что-то сделать для обустройства дома. Жить можно? Вполне. Тем более, выбора иного не было. Безопасное место? Хотелось бы на это надеяться.

— Голодна? — поинтересовалась Нонна.

— Нет, спасибо. Мне сейчас не до еды, — ответила Марина. Ещё час назад у неё были простые житейские планы: приехать домой, принять душ, приготовить лёгкий ужин и съесть его за просмотром какого-нибудь дурацкого ток-шоу по телеку. А теперь эти планы накрылись медным тазом вместе с аппетитом и мечтой хорошенько выспаться.

— Чай всё равно нужно попить. Пойду чайник поставлю, — Нонна ушла на кухню.

Вадик по-хозяйски открыл буфет, принялся выставлять на стол чашки. Ярослав развалился на диване, потёр ладонью раненую ногу.

— Холодный компресс поможет, — дала совет Марина, подумав, что и ей такой компресс не помешал бы, скула опухла и болела не слабо.

— Обойдусь. На мне всё как на собаке заживает. Рюмаху дёрну перед сном, утром буду как новенький.

— И перед сном, и за час до сна, и ночью, — усмехнулась Инга, закинув ноги на подлокотник кресла.

— Ты что-то имеешь против? — огрызнулся Ярослав.

— Да мне плевать, бухай на здоровье.

«Не всё гладко в Датском королевстве», — подумала Марина, хотя какие-то определённые выводы решила пока не делать.

Чай пили вчетвером, Ярослав, прихватив из холодильника початую бутылку водки, отправился на второй этаж, буркнув: «К себе пойду». Марину очень интересовало, что эти люди знают о монстрах, но Нонна для начала решила рассказать об этом коттедже:

— Муж его как-то купил по моей просьбе. Муженёк у меня был тем ещё скрягой, но всё же я его уговорила. Хотела яблони посадить, вишню. Представляла, как сижу летними вечерами на веранде в кресле качалке, курю, любуюсь закатом. Красота. А потом поняла, что всё это блажь. Ни яблони в итоге не посадила, ничего. Не для меня это. Но вот что странно, когда мужа не стало, я продала две из трёх наших квартир, огромную коллекцию картин, которую Жора чуть ли не полжизни собирал, редкие книги, а этот коттедж почему-то пожалела, как знала, что он пригодится. И, как видишь, пригодился. В посёлке мрази не пасутся, только в городе, так что это хорошее убежище.

— Я видела в переходе граффити, — сказала Марина, глотнув чаю. — Там была надпись: «Наш город — их пастбище». А что в других городах?

— Понятия не имею, — ответила Нонна. — Могу лишь с уверенностью сказать, что в тех городах, что я побывала за последние три года, я мразей не видела. Специально ездила по Московской, Калужской и Тульской областям, чтобы убедиться. Думаю, эти твари только в нашем городе пасутся, уж не знаю почему. Но мы выясним. Всё выясним. Мы только в начале пути.

— А то граффити Никитос намалевал, — сочла нужным пояснить Инга. Она болтала ложечкой в чашке, не сделав ещё ни глотка. — Он был одним из нас. Больной на всю башку, колёса горстями жрал, бегал по всему городу и граффити рисовал. Он считал, что мрази — это инопланетные захватчики, которые скоро всю землю поработят. Помер в начале осени из-за передоза. Жаль пацана. Так-то он хороший был, хоть и нарик конченный.

Что ж, одной загадкой стало меньше, автор граффити — наркоман по имени Никитос. Марина подумала, что каким бы ни был этот парень, но пользу своей настенной живописью он всё же принёс, предоставив хоть и скудную, но всё же информацию. И было горько, что его больше нет, очень хотелось выразить ему благодарность. Пришлось поблагодарить мысленно, словно он ещё живой.

— Мы начали действовать совсем недавно, — вернулась к главной теме Нонна. — До этого мы с Ингой вдвоём что-то пытались делать, присматривались, наблюдали, а в сентябре к нам Ярослав и Вадик присоединились.

С трудом скрывая недоумение, Марина посмотрела на мальчишку. Присоединился? Серьёзно? Она-то думала, что он или внук Нонны, или сын Ярослава, или, по крайней мере брат Инги. А теперь выходит... беспризорник, что ли? Где, чёрт возьми, его родители? Ну в самом-то деле, не сбежал же он из дома?

— Я детдомовский, — предвосхищая её вопросы, буркнул Вадик. — Сбежал. Пришлось сбежать, у меня выбора не было. Возле интерната постоянно мрази паслись и только я их видел. Страшно было, особенно по ночам. Они из детей жизнь пили. Я однажды не выдержал, когда одна мразь к моему другу присосалась, и попробовал помешать... Все меня за психа ненормального посчитали. А воспитателям пофигу было, что некоторые дети слабеют, думали витаминов не хватает. А я рассказывать о мразях не пытался. Кому рассказывать, если даже друг мне не поверил? Да я бы и сам не поверил, если бы собственными глазами не видел этих чудищ. А однажды во время прогулки я увидел пятерых

мразей за оградой. Они глядели на меня так, словно сожрать собирались. Я тогда в корпус рванул, а вечером совсем сбежал. А что мне ещё было делать?

— Получается, ты в розыске, — с сочувствием подытожила Марина. Законопослушная гражданка в ней даже не пискнула.

— Конечно же, он в розыске, — ворчливо подтвердила Инга. — Правда его только менты ищут, ну, может быть, волонтеры всякие, а монстры — вряд ли. Из нас четверых только Ярослав мразям крепко насолил. Точнее, им известно, что он насолил. Засветился по полной программе, прям как ты. Ко мне, Нонне и Вадику у них претензий нету. Мы все вместе провели недавно одну акцию, пятерых монстров электрошокерами вырубил, и кое-что полезное выяснили, но на нас тогда были балаклавы. Так что, мы вне подозрений.

— Зато я... — вздохнула Марина.

— Вы с Ярославом, — добавила Нонна. — Вам в открытую в город лучше не соваться. Слишком рискованно. Так что, если у тебя там какие-то дела, работа — забудь. Считай, у тебя на лбу мишень нарисована. И, чем быстрее ты с этой мыслью свыкнешься, тем лучше. А понадобится кому-то из близких что-то передать, это сделает Инга, она у нас постоянно в город мотается. За мразями следит.

— Как разведчица, — Вадик посмотрел на Ингу, как на героиню, за что девушка наградила его улыбкой.

Марина разумеется была благодарна всем этим людям, однако компания, состоящая из пожилой женщины, девушки, мальчишки и странного любителя бухнуть ей виделась абсолютно не серьёзной. То, что их до сих пор мрази не сцапали — это везение. А ведь они ещё и акции какие-то умудряются проводить, да и сегодня неплохо так себя показали. Хорошие люди, не равнодушные, но Марина предпочла бы, чтобы на их месте был отряд спецназа, вооружённый до зубов и с хитрым оборудованием.

— Как вы вообще друг друга нашли? — она постаралась, чтобы в её голосе не проскользнуло разочарование, но, кажется, не вышло.

Инга и Вадик уставились на Нонну, будто только она обладала правом ответить на этот вопрос. Возникла пауза. Нонна побарабанила пальцами по столу, вздохнула.

— Знаешь, Марин, давай я тебе об этом расскажу как-нибудь потом. Не думай, это не от недоверия, просто... лучше потом. Когда мы лучше друг друга узнаем. Пока одно могу сказать: встретились мы все не случайно.

Марина не могла понять причину такой таинственности. Она ведь задала несложный вопрос, неужели нельзя было ответить конкретикой? Зачем наводить тень на плетень? Ей всё сильнее начало казаться, что эти люди не борются со злом, а играют в войнушку, придумав себе военные тайны, которые должны знать лишь избранные. Как дети, ей богу.

— Конечно. Расскажите, когда мы узнаем друг друга получше, — Марина поглядела на Ингу, на Вадика и ей вдруг стыдно стало за собственные мысли. Эти ребята ей жизнь спасли, а она расценивает их как последняя стерва. Всё от усталости. От стресса. От чувства, что ничего уже не будет как прежде. И наверняка её спасители относились к ней снисходительно, не замечая раздражения, потому что сами через всё это прошли и понимали, в каких она сейчас растрёпанных чувствах.

— Расскажите тогда, что вы выяснили о мразях, — Марина надеялась, что, хотя бы эту информацию они не спрячут под покровом таинственности.

Не спрятали. Роль рассказчицы, видимо на правах разведчицы, на себя взяла Инга:

— Ты уже, наверное, догадалась, что мрази раньше были нормальными людьми. Но

я скажу больше: все они были одинокими...

То, что она рассказывала, Марина записывала в мысленный блокнот, подчёркивая красным самое главное. Каждое слово было точно деталь огромной головоломки, которую, казалось, невозможно собрать полностью из-за её абсолютной сюрреалистичности.

Инга поведала, что монстрами становятся в основном наркоманы и старики. Кто-то специально выбирал именно такую категорию людей. Зачем? На этот счёт не было никакой определённости. Однажды Инга долго следила за одним знакомым торчком, который в одночасье стал мразью, и сделала вывод, что тот больше не нуждался в наркотиках. Как отрезало. Но каким-то благом тут и не пахло, просто одно зло заменило другое, точнее — вытеснило. Ещё наблюдение: мрази ничем не руководствуются, выбирая своих жертв. Всё это дело случая и не более того, никто не застрахован. Жертвы слабеют, иногда теряют сознание. Кто-то потом быстро восстанавливается, кто-то медленно. Но бывали и смертельные исходы, люди умирали от сердечной, лёгочной, почечной недостаточности. Инга зафиксировала пятнадцать подобных случаев, но по её прикидкам их в десятки раз больше. На фоне населения огромного города это выглядело, конечно, не критично, в тех же автомобильных авариях гибнут тысячи, но сам факт, что к этому причастно нечто иррациональное, кошмарное, делало ситуацию из ряда вон выходящей, заслуживающей того, чтобы попытаться что-то изменить.

Ещё Инга отметила, что обычные люди, не имевшие опыта клинической смерти, мразей как будто не замечают. Проходят мимо, не смотрят, будто какая-то сила оберегает чудовищ от посторонних глаз, отводит взгляды. Никто не обращает внимания на одиноко стоящую во дворе старушку или щуплого паренька, притулившегося под сенью какого-нибудь дерева. Мрази — всё равно, что невидимки. Они становятся заметны, только если с ними столкнуться нос к носу.

Марина после этих слов сделала вывод, что того типа возле детской площадки никто бы и не заметил, не кинься она на него с газовым баллончиком. Он не прятался, но был для всех настолько «тусклым», что как будто его и вовсе не существовало. А сколько раз она сама раньше проходила мимо таких серых и неприметных, словно созданных для того, чтобы на них никто не обращал внимание?

— Так-то мрази от людей поведением не слишком отличаются, — продолжала Инга. — Едят то, что и мы едим. Я своими глазами видела, как один из них в кафешке булочку уплетал. Тормозные они только. Туго соображают. Потому мы их так легко и вырубали шокерами, не успели они сориентироваться. Это всё, конечно, нам на руку. А что касается жизненной силы...

— Мы уверены, что они её накапливают, — встряла Нонна. — Зачем? Это как раз нам в ближайшее время и предстоит выяснить.

Накапливают? Марина вспомнила, как из пастей обездвиженных тварей вырывалась эфемерная зеленоватая субстанция. Скорее всего — жизненная сила, то, что они зачем-то накапливали. Но вот вопрос: копили они эту силу для себя или для кого-то? Что-то подсказывало, что второй вариант более убедителен. Это отчасти подтверждали слова Семёна, который обмолвился, что есть те, кто страшнее уличный монстр.

Несмотря на усталость, Марина снова испытала чувство азарта. Ей хотелось раскрывать тайны, докапываться до правды, благо теперь есть с кем эту самую правду искать. А что ещё делать-то? Не сидеть же сложа руки? Все мосты сожжены, дороги назад нет, остаётся лишь вписаться в странную команду и идти вперёд, действовать. Не верилось ей, что можно

просто отсидеться.

— Я с прошлой осени за мразями наблюдаю, — Инга посмотрела на Марину и зачем-то понизила голос до заговорщицкого шёпота, — но только недавно мне удалось кое-что любопытное выяснить. Случайно это просекла. Я видела, как толстяк и длинный сажали мразей в автобусы на окраине города. Они их куда-то отвозят, а потом мрази возвращаются.

— Куда отвозят? — удивилась Марина.

— А мне почём знать? Я ведь не супергёрл, не могу за всем уследить. Но скоро мы это выясним, правда, Нонна?

— Разумеется, — последовал ответ, в котором не было ни тени сомнений.

— А Семён и Мамонт? Какова их роль во всём этом? — поинтересовалась Марина.

— Пастухи, — не скрывая отвращения, ответила Инга. — Они за стадом следят. И наказывают таких как ты, не внявшим их угрозам. Иуды. Ненавижу. Как по мне, они в сто раз хуже мразей. Против своих попёрли, против людей. Ярослав мечтает их отловить и бошки им свернуть. Я только за.

Радикально. И жутковато. Марина ощутила, как по спине холодок пробежал.

— А вы... — она замялась. — Вы уже...

— Убивали? — догадалась Нонна. — Нет. Пока только шокерами мразей отключали. Но кто знает, может быть и придётся когда-нибудь переступить эту черту. Мы считаем, что мразь уже не станет человеком. Они не люди и это бесповоротно. Ты ведь сама видела — они чудовища, их не мучает совесть, если кто-то по их вине умирает.

Марина сомневалась, что сможет эту черту пересечь. Прыснуть из газового баллончика в рожу — это пожалуйста, это не смертельно. А вот убить... пожалуй, нет. Мрази ведь были людьми. Были! Когда-то они любили, чем-то увлекались, ходили на работу, музыку слушали. Неужели в них не осталось ни капли человечности? Неужели они действительно стали чудовищами бесповоротно? Ничего кроме тяжести на душе эти вопросы не вызывали. А значит, нужно найти на них чёткие ответы.

* * *

Семён зашёл в бар с броским названием «Аврора» и огляделся в поисках Мамонта. Немногочисленные посетители сидели за столиками, и только напарник, нахохлившись, как мокрая ворона, занял место за стойкой.

Иногда Семён жалел, что связался с этим взбалмошным кренделем. Хотя «связался» — это неподходящее слово. Скорее — судьба привела, сука драная. Обстоятельства. Могло бы всё быть как-то иначе? Порой казалось, что нет. Получил то, что заслужил, хотя непросто в этом признаваться даже самому себе. Он давно топал по дорожке, вымощенной из ошибок и глупых решений. Когда-то это можно было списать на беспечность молодости, но теперь, по истечении лет, такое объяснение не устраивало. Теперь он отчётливо понимал, что упущенные возможности — это следствие непростительно пофигизма и ложного ощущения, что весь мир ему чем-то должен. А всё потому что красавчик, да и талантом не обделён.

Вот только кто-то там, наверху, такого мнения не разделял. Блистательное поступление во ВГИК с первого раза обернулось разочарованием. Проучился с горем пополам два курса. Актёрская карьера за пределами института сразу не задалась. Главные роли не предлагали, а заменяться на рекламу туалетной бумаги и средства от грибка ногтей желания не возникало. Но почему-то другого не предлагали. Начал выпивать. Он любил весело проводить время в общаге — пьяные вечеринки, дешёвое бухло, утренние похмельные пробуждения порой в самых неожиданных местах. В один «прекрасный» день его

отчислили.

На пару кастингов пришёл не трезвым. Тогда с ним перестали связываться и по поводу рекламы. Гонорар за сериал таял на глазах. Семён впал в уныние и мистицизм. Последние деньги отнёс гадалке-ведунье, тётке бывшей однокурсницы, которая обещала спасти его от чёрной полосы в жизни. Она то и посоветовала выложить «волшебную» картинку в соцсетях. Мол, это оберег отпугивал тёмные силы, приносящие неудачи. Ну не тупость ли? Естественно, картинка не сработала.

Платить за съёмную квартиру было нечем. Мать, не поддавшись артистичным уговорам Семёна, присылать деньги отказалась, и пришлось искать работу не по профессии. С трудом, поначалу подавляя гордыню, проработал несколько лет экспедитором, затем по знакомству умудрился устроиться в одну, как ему казалось, неплохую строительную компанию, но руководство скоро показало отличный наглядный пример, как из неплохой компании можно сделать не просто плохую, а токсичную, сбегав за бугор с деньгами акционеров. И снова наступило время жалкого существования и какой-то убийственной лени. Не осталось больше ни гордыни, ни желания смотреть в будущее даже с малейшим оптимизмом. Беспросветная тоска. Актёрская карьера в те дни виделась Семёну всего лишь миражом из прошлого, который поманил и обманул. Порой ему не верилось, что эта актёрская жизнь вообще была.

Однажды, находясь в полной апатии ко всему и всем он откликнулся на объявление, в котором искали крепких парней для коллекторского агентства. Несмотря на годы не слишком праведной жизни, хорошей физической формы он не потерял, так что на работу его взяли. Это было дно. Но ему уже было плевать. Там-то Семён и познакомился с Мамонтом.

Напарника по-настоящему звали Борисом. Тот не раз говорил, что погоняло «Мамонт» шло со времён криминального прошлого, но Семён в это не верил. Что-то подсказывало, что кликухой он обзавёлся ещё в детстве. Так и представлялся пухлый тупой пацанёнок, которого все дети дразнили словом, явно услышанным в каком-нибудь мультике. И теперь этот повзрослевший пацан ненавидел всех и вся, порой казалось, что и распух-то он лишь благодаря прущей из него злобе. Лучшей кандидатуры для работы в коллекторском агентстве трудно найти — действовал подло, нагло, жестоко. Поначалу Семён рядом с ним чувствовал себя неудобно, но потом приручил эту остервенелую зверушку и даже научился ей манипулировать, раскрыв истинную сущность Мамонта — сущность шестёрки, не туза и даже не валета.

В агентстве они проработали два года. Затем им предложили работку более денежную. Таковую, от которой трудно было отказаться. А теперь отказаться от неё и вовсе было невозможно при всём желании.

Пастухи при монстрах. Хозяйка сделала Семёна и Мамонта «видящими», путь назад, к нормальной жизни, отрезан.

— Ну и какого хера ты меня из дома выдернул? — проворчал Семён, усаживаясь на высокий барный стул.

— Какого... хера? — Мамонт уже был изрядно пьян, глаза осоловели, жирные как отъевшиеся черви губы ворочались с трудом. — А такого хера, Сёма, что мы в полной жопе. А всё из-за тебя! — ударил кулаком по стойке, едва не опрокинув стопку с водкой. — Из-за тебя, Сёма! Ты... ты на мою рожу погляди!

Семён брезгливо скользнул взглядом по лицу напарника: раны неумело и не полностью залепленные пластырем.

— Видал? Это, мать твою, та сучка сделала, вцепилась мне в морду как... как не знаю

кто. Как зверюга бешеная. Но это всё фигня. Они коровок наших покалечили, шокерами, и теперь коровки минимум неделю будут в себя приходить. Неделю, чтоб их!

— Кто «они»? О чём ты вообще?

— Я о тех мудозвонах в балаклавах, вот о ком!

Бармен отошёл в другой конец стойки всем своим видом показывая, что не подслушивает, а люди за столиками вообще не обращали внимания на крикливого мужика в плаще, пьяный бред в этом заведении был нормой.

— Значит, наказание Самариной пошло не по плану, — Семён напрягся. — Как я понял, она тебе рожу расцарапала, а потом...

— Она сбежала, — лицо Мамонта вдруг стало плаксивым, как у ребёнка, у которого отняли конфету. — Ей... ей помогли сбежать.

— Опять эти типы в балаклавах. С шокерами.

— Угу. Опять.

Недавно пятерых сборщиков какие-то люди в чёрных балаклавах вырубали электрошокерами. Сборщики сами об этом рассказали, когда оклемались. И вот опять. Как бы ни хотелось Семёну это признавать, но факт остаётся фактом — кто-то объявил войну чудовищам.

— И сколько же их было?

— Двадцать, не меньше! — взвизгнул Мамонт. — Целая армия! Было бы меньше, я бы с ними разобрался, а так... еле ноги унёс.

Семён знал, что Мамонт тот ещё любитель преувеличивать. Но это ничего не меняло. Есть проблема и её как-то нужно будет решать.

— А сучку эту я ещё поймаю! — прошипел толстяк. Его щёки затряслись, покрылись пунцовыми пятнами. — Поймаю, вот увидишь! — он даже как будто протрезвел от злости. — И больше не говори мне, Сёма, чтобы я её пожалел. Всё, поезд ушёл! — и опять удар кулаком по стойке. На этот раз стопка всё же опрокинулась. — Чё ты её жалеешь вообще, а? Чё жалеешь? Себя лучше пожалей, потому что Хозяйка нам завтра бошки оторвёт, из-за того, что случилось. А я, Сёма, молчать не стану. Всё, всё ей выложу, так и знай! Расскажу, что ты отказался идти врачу наказывать, потому что совесть тебя, видите ли, мучает.

— Плевать, — буркнул Семён. — Рассказывай, что хочешь.

Он врал, ему было не плевать. Мамонт хоть его и побаивался, слушался, но Хозяйку он боялся намного больше. Сдаст за милую душу. А Варвара ведь действительно накажет за такой косяк, и кто её знает, может даже грохнет. Она непредсказуема, от неё всего можно ожидать. Страшно? Ещё как, но будь он проклят, если покажет свой страх напарнику, этому ничтожеству.

— Водки! — потребовал Мамонт, насупившись, став похожим на угрюмого бегемота.

Бармен споро наполнил стопку и опять отошёл, словно не желая находиться в пределах нехорошей ауры буйного посетителя. Мамонт залил в себя пойло, засопел, повернулся на стуле, зыряка на всех мелкими злобными глазками. Его взгляд с трудом сфокусировался на неопрятной парочке, потягивающей пиво за столиком у окна, точнее на женщине с одутловатым лицом и синюшной гематомой на подбородке. Палец-сарделька указал в её сторону.

— Эта шмара и то получше твоей врачихи будет! — Мамонт произнёс это громко. — Верно я говорю, а? Эй, лярва, ты ведь лучше врачихи?

Женщина втянула голову в плечи, явно желая стать меньше и незаметней. Её спутник что-то недовольно пробормотал, но обострять ситуацию не пожелал, отвернулся к окну.

— Что, не нравлюсь я вам? — выкрикнул Мамонт, обращаясь уже ко всем посетителям. С его губ сорвалась слюна, повиснув на поросшей белёсой щетиной подбородке. — А вот я себе нравлюсь! Я знаю то, о чём вы, суки, даже не... — он икнул. — Не догадываетесь!

— Успокойтесь, — встрял бармен, показав, что его терпение не безгранично.

— Чё ты сказал? — набычился Мамонт. — Нет, ты чё только что ляпнул, гондон штопаный?! — его рука нырнула под полог плаща, травматический пистолет покинул своё место в кобуре.

Впрочем, наломать дров Мамонт не успел, потому что Семён выхватил из его руки пушку, сунул её в карман, потом взял напарника за шкурку и будто нашкодившего щенка вывел, а точнее — выволок из бара, швырнул на заднее сиденье своего Джипа.

— Ах вот так, да? — скалился Мамонт, Впрочем, уже беззлобно, потеряв весь запал. Его глаза стали совсем мутными. — Значит вот так ты с... с другом обходишься. А я всё Варваре расскажу. Всё... — он заклевал носом.

Как же Семёну хотелось отвезти его куда-нибудь в лес, да и придушить. Но нет, нельзя. Варвара об этом точно узнает и не простит. Тяжело вздохнув, он повёз напарника к нему домой, решив выкинуть его возле подъезда, а дальше пускай сам до квартиры добирается как может. Настроение было паршивое, хуже некуда. Завтрашний день обещал быть тяжёлым. Оставалось лишь надеяться, что этот день не станет для него последним.

Глава шестая

Нонна выделила Марине комнату на втором этаже, принесла электрообогреватель, чистое постельное бельё и с некоторой гордостью заявила, что дом хоть и старый, но сквозняков в нём нет. А потом развела руками и добавила:

— Добро пожаловать. Обживайся. Захочешь есть, еды в холодильнике достаточно. И бога ради, не чувствуй никакого стеснения, ты теперь одна из нас.

— Благодарю, — Марина посмотрела ей в глаза. — Почему вы мне так доверяете? Привезли сюда, в своё убежище, рассказали о своих планах. Вы ведь меня совсем не знаете.

— У нас есть причина тебе доверять, — Нонна прищурилась, будто не желая, чтобы Марина заметила хитринку в её глазах.

— Ясно. И эта причина — нападение на меня монстров.

— Не только. Есть причина посерьёзней.

Марина нахмурилась.

— Опять темните. Если вы мне доверяете, почему не всё рассказываете? Я ведь теперь одна из вас, сами сказали.

— Наберись терпения, — в голосе Нонны проскользнули холодные нотки. — Всему своё время.

— И это время наступит, как я понимаю, когда мы по лучше узнаем друг друга?

— Да, я так тебе сказала, но не совсем это имела в виду. Просто некоторые вещи очень трудно объяснить, лучше увидеть всё своими глазами, прочувствовать. Завтра я тебя кое-куда отвезу, и ты это увидишь. И всё поймёшь.

— И что же я увижу? — разволновалась Марина.

— Нечто удивительное.

Сильные слова. Будто поводыри, манящие в неизведанные страны, в глубины океана, в космические просторы — туда где тайны, много тайн. Марину эти слова буквально

зачаровали и больше не хотелось возмущаться и задавать вопросы.

За стенкой раздался громкий стон, больше похожий на болезненный крик.

— Ярослав, — поспешила объяснить Нонна. — Он часто стонет во сне. Жуть какая-то снится.

— Из-за алкоголя, — сделала логичный вывод Марина.

— Возможно. А может, из-за травмы. Он раньше в спецназе служил, случайно ранил кого-то из сослуживцев, его и выгнали. Запил. Однажды с третьего этажа с балкона спьяну свалился, да башкой об бордюр. Другой бы помер, а Ярослав ничего, живой остался, правда с тех пор у него приступы всякие случаются, боли головные. Лечится исключительно водкой.

Марина фыркнула.

— Помогает?

— Да щас, как же! Но он ответил бы тебе иначе. А вообще, он хороший мужик, нетерпеливый только, в бой постоянно рвётся. Злобы в нём много. Его нужно сдерживать, чтобы он чего-нибудь не натворил. Помни об этом. Мы нужны ему, очень нужны.

Что ж, по крайней мере один спецназовец в этой компании всё же есть, с грустной иронией заключила Марина.

Нонна направилась к выходу, возле порога обернулась.

— Скажи, после того, как ты спасла ребёнка от мрази, ты хоть раз об этом пожалела? У тебя ведь после этого поступка вся жизнь с ног на голову перевернулась.

— Увидь я такое снова, поступила бы так же, — уверенно заявила Марина, и она не лукавила, и не набивала себе цену.

Нонна улыбнулась.

— Хорошо. Это я и хотела услышать.

Оставшись одна, Марина несколько минут задумчиво расхаживала по комнате, затем подошла к окну, раздвинула полинявшие занавески. Вдалеке, в ночной темени, с трудом различался чёрный гребень леса. Ей вспомнилось, что вчера, примерно в это же время, она вот так же стояла возле окна в своей квартире. И испытывала тревогу, страх. А сейчас... отчего-то была твёрдая уверенность, что этот дом — надёжное убежище. Здесь её не найдут ни монстры, ни Семён с Мамонтом. Нет, это не вызывало абсолютного спокойствия, но той прежней удушающей тревоги всё же не было. А вот грусть — это да, накатила, да так, что глаза защипало от слёз. Марина считала себя сильной женщиной, но как, чёрт возьми, не расплакаться, когда жизнь раскололась на «до» и «после», словно какая-то вселенская мразь взяла да ударила по ней кувалдой? И что, спрашивается, будет «после»?

Неизвестность. Сплошная неизвестность. Выдержать бы всё это, не сломаться бы.

* * *

Обычно в новых местах люди спят неважно, однако Марина всю ночь проспала как младенец, а утром, после умывания холодной водой, почувствовала себя какой-то обновлённой, готовой, как ей казалось, ко всему, что уготовила судьба. А грусть, словно не сумев преодолеть ночной барьер, осталась где-то там, во вчерашнем вечере, возле окна со старыми занавесками.

Нонна и Инга готовили завтрак, во дворе Ярослав яростно молотил кулаками по набитому песком мешку, изгоняя из себя злобный дух алкоголя, а Вадик внимательно за ним следил, порой тоже начиная наносить удары по воображаемому противнику.

Марина уселась на верхней ступеньке крыльца. Впервые за последние недели у неё не было ощущения, что небо расплывается дождём, хотя погода оставалась всё такой же хмурой.

Ей вспомнилось, что сегодня они с Татьяной собирались поехать за город, чтобы развеяться, прогуляться по лесу. Что ж, значит, не суждено. А сестре нужно будет обязательно потом позвонить, успокоить, сказать... что же ей сказать? Что пришлось срочно уехать по важным делам? Каким делам? Танька ведь такая, засыпет вопросами. И на работу нужно позвонить и тоже что-то соврать. Она невесело усмехнулась, ощутив себя секретным агентом, вынужденным жить во лжи, дабы его не расшифровала вражеская разведка.

Вячеслав со всей дури вдарил по мешку, после чего повернулся к Вадику, весело подмигнул ему.

— Ну что, мелкий, спарринг?

— Со мной? — мальчишка рассмеялся. — Да у тебя силёнок не хватит!

Ответом ему стала шутливо свирепая физиономия и грозно сжатый кулак. Завязался не настоящий бой с громкими выкриками «ки-я» и нелепыми ударами.

Марина улыбнулась, подумав, что эти ребята умеют отстраняться от того кошмара, что нависает над ними точно грозовая туча. Это достойно уважения. А ещё её удивили такие перемены в поведении Вячеслава. Вчера он был мрачным, каким-то помятым, а сегодня странным образом преобразился, словно похмельная ночь пошла ему на пользу. Бред, конечно, всё наоборот должно быть, но факт оставался фактом. Видимо, у спецназовцев, даже бывших, как-то иначе устроены психика и возможности организма. Как медицинский работник Марина это не могла ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Ты-дыщь! — Вадик якобы нанёс удар по животу Вячеслава. Тот заохал, болезненно скривился, потом поднял руки в положение «сдаюсь!»

На этом игривый спарринг закончился. И вовремя, потому что Инга, выйдя на крыльцо, позвала завтракать. Марина не могла не отметить, что эти люди ведут себя так, будто они — семья. Нонна — бабушка, Вячеслав — её сын, Инга и Вадик — внуки. А ей какая роль отведена в этой псевдосемье? Почему-то на этот вопрос отвечать не хотелось, хотя ответ и напрашивался. Не чувствовала она пока себя среди них своей. Пока — нет.

* * *

Сразу после завтрака, как и обещала, Нонна повезла Марину туда, где та, якобы, должна увидеть нечто удивительное. С ними поехала Инга, у которой в городе были свои дела.

«Газель» шуршала шинами по бетонной дороге, коттеджный посёлок остался позади. Нонна вела машину с привычной небрежностью, что выдавало в ней опытного автомобилиста, а то, что она ещё и курила, зажав сигарету в уголке рта, добавляло её внешности боевитости. Эдакая престарелая Сара Коннор, чей жизненный путь был усеян тоннами обломков поверженных терминаторов.

Инга какое-то время болтала о всяких пустяках, а потом без всякого стеснения указала на шрам на шее Марины.

— Из-за этого у тебя клиническая смерть случилась?

Марине понравилась такая беззастенчивость. Ну а что? Девчонке было любопытно, вот и спросила, не ходя вокруг да около. Так и нужно. Это намного лучше, чем поглядывать украдкой и гадать, не решаясь задать прямой вопрос.

— Да, из-за этого, — ответила, коснувшись пальцами шрама. — Я на вызове была и один урод на меня напал, горло перерезал.

— Нифига себе! Охренеть! Ты приехала помощь оказывать, а какой-то утырок взял да напал на тебя? Убила бы, ублюдка.

И такая реакция Марине понравилась. Искренняя, без всяких надоевших слов

сочувствия. Определённо Инга заслужила крепкий балл на шкале симпатии. И хорошо, что она на этом остановилась, не став выпрашивать подробностей.

— А я под машину попала, — вздохнув, поведала та. — Каталась на чёртовом электросамокате, выехала на проезжую часть и попала под Запорожец. У нас в городе такой древней рухляди уже днём с огнём не сыскать, но я всё же умудрилась под неё попасть. Вот ведь непруха, да? А Вадик в пожаре чуть не сгорел, бедняга. Чудом жив остался. Вячеслав с балкона грохнулся, а Нонна...

— Помолчи, балаболка, — беззлобно осекла её Нонна.

Инга замолчала, с хитринкой поглядев на Марину, будто намекая, что позже расскажет всё и даже больше. Минут через двадцать миновали указатель с надписью «Светинск» и въехали в пределы города. Инга вышла возле автобусной станции и «Газель» продолжила путь.

— Надеюсь, у тебя нет домашних животных? — поинтересовалась Нонна.

— Нет, — ответила Марина.

— Хорошо. Это было бы большой проблемой, потому что домой тебе соваться опасно. Не думаю, что тебя так уж рьяно разыскивают, но лучше не рисковать. А что касается одежды, зубной щётки и прочего, это я сейчас куплю. Насчёт денег не беспокойся. Денег куры не клюют, спасибо моему муженьку, царство ему небесное. И мне приятно тратить их на что-то действительно полезное.

— Спасибо, — Марина хотела добавить, что все потраченные на неё финансы она обязательно вернёт, но передумала, сообразив, что Нонна это категорически не одобрит. — Мне бы ещё позвонить. Сестре, и на работу.

— Не проблема. Решим вопрос.

Всё, что нужно, Нонна купила в гипермаркете в центре города. Марина дождалась её в машине и даже в окно не выглядывала, хотя и понимала: шанс на то, что в это время мимо будет проходить Семён или Мамон, практически равен нулю. А кому ещё до неё есть дело, кроме этих двоих? Мразям? Вряд ли им раздали фотки с её физиономией. Однако параноидальное чувство всё же не покидало. И, возможно, это к лучшему, так легче свыкнуться с мыслью, что отныне улицы города таят опасность. В голове постоянно должна ярким неонам светиться вывеска: «Будь осторожна!»

Марина вставила в телефон только что купленную сим-карту и, пока Нонна вела «Газель» по проспекту, позвонила сестре. Татьяна предсказуемо ругалась, выпрашивала, почему вчера не могла дозвониться, что вообще творится и какого лешего звонок поступил с незнакомого номера? Как же тяжело было врать, но Марина старалась как могла. Наплела про каких-то старых друзей, которые связались с ней совершенно неожиданно и пригласили провести время на шикарной даче в другом городе. Наплела, что решила повременить с выходом на работу. Всё было ну очень неубедительно, фальшиво и Татьяну определённо такие ответы встревожили ещё больше. Но что поделать? Ничего другого Марина ей предложить не могла, а потому и извинялась постоянно, пока шёл этот нелёгкий разговор. И который закончился на не слишком хорошей ноте.

Следующий звонок — начальнику. Тут было всё проще, заведующий станции поворчал, но в конце концов сказал, что найдёт замену Марине. И посоветовал беречь себя. На всякий случай ещё и Василию Ивановичу позвонила, сообщила, что в целом у неё всё нормально, но на работу пока выйти не сможет. Тот, как и Татьяна, порывался задавать вопросы, однако лимит на враньё у Марины иссяк, пришлось ограничиться короткими неопределёнными

ответами и обещанием в скором времени связаться снова.

По указке Нонны Марина вынула из телефона симку, выкинула в окошко. После всех этих звонков у неё создалось впечатление, что она словно бы обрубилась связь с чем-то нормальным, с тем, за что хотелось держаться, но уже не получалось. И теперь её плот окончательно отчалил от берега и ушёл в свободное плавание, а вдалеке на берегу маячили фигурки сестры, Василия Ивановича, коллег по работе. Вот только очень не хотелось махать им на прощание — слишком это грустно и даже трагично. Оставалось лишь надеяться, что плот скоро причалит обратно, причём в целостности и сохранности.

«Газель» миновала мост через речку, новые городские районы остались позади. Марину так и подмывало спросить, куда они, собственно, направляются, но сдерживалась, не желая выглядеть нетерпеливой. Долгожданное слово «приехали» Нонна сказала минут через пятнадцать, когда остановила машину возле старого парка. Дальше пешком проследовали по усыпанной палой листвой тополиной аллее, свернули вправо и скоро оказались возле потрёпанного временем открытого кинотеатра.

Давно Марина здесь не была. С детства, когда вот на этой самой сцене на День города её школьный класс исполнял песню про дружбу. Родители и преподаватели сидели на скамейках, радовались, аплодировали. Теперь же здесь полнейшее запустение. Бетонная стена кинотеатра совсем обветшала, от навеса и следа не осталось, скамейки сгнили. Царство осени, куда, казалось, коммунальным службам вход категорически воспрещён. Уголок забвения. Всё выглядело каким-то застывшим, деревья вокруг походили на замерших причудливых стражей, охраняющих покой этого места, и лишь вездесущим воронам дозволялось вносить своим присутствием хоть какое-то разнообразие.

— Не понимаю, — сказала Марина, обводя взглядом пространство. — Вы собирались мне показать нечто удивительное, но...

— Идём за мной, — позвала Нонна, направившись к сцене. — Это особенное место. Я думаю, здесь находится душа нашего города, как бы странно это ни звучало. Кстати, в этом парке я ни разу не видела мразей, хотя, по сути, им тут и делать-то нечего.

Поднялись на сцену. Марина изо всех сил старалась не показывать разочарования. Ну не верилось ей, что в этом забытом людьми уголке города может обнаружиться то, что способно удивить. Всего лишь театр, всего лишь деревья с увядающей листвой, всего лишь...

В голове вдруг зазвучала та самая песня про дружбу. Будто, пробив все временные барьеры, из самого детства донеслась. И затихла. Что за наваждение? Марина потёрла пальцами виски, подумав, что слишком уж желала соприкоснуться с чем-то экстраординарным, вот воображение и сыграло странную шутку.

— Что такое? — улыбнулась Нонна, глядя на неё с хитринкой.

— Ничего. Кое-что померещилось.

— А померещилось ли?

— Вы о чём? Опять темните? — разозлилась Марина. — Если честно, эти ваши таинственные намёки уже начинают доставать.

Нонна рассмеялась.

— Прости. Ты права. С намёками пора кончать, — она устремила взор вверх деревьев и выкрикнула: — Мы ждём, друг! Покажись!

Дурдом какой-то! Кто должен показаться? Марина озиралась, ожидая, что из кустов или из-за стены театра выйдет какой-нибудь бомж. Или пёс по кличке Друг, которого Нонна, возможно, сюда подкармливать ходит.

Но случилось кое-что иное.

Поднялся ветер, вороны с пронзительным граем взмыли к небу, а потом всё вокруг заиграло буйными красками, словно природа, взбунтовавшись, стряхнула с себя надоевшую охру осени, вмиг сменив её на яркое платье. Красная, жёлтая, зелёная листва искрилась в солнечных лучах, откуда-то доносились звуки оркестра, играла приятная джазовая музыка.

Марина открыла рот от изумления. Всё происходящее ей одновременно казалось и реальным, и нереальным. Что-то на грани, словно сон наяву. Мелькнула мысль о наркотике, который Нонна умудрилась как-то ей незаметно вколоть. А как ещё объяснить такую метаморфозу природы? Такого ведь быть не может!

Над деревьями показалась громадная человеческая фигура, словно бы сотканная из сияющего тумана. Она бесшумно приближалась, при этом уменьшаясь в размерах, но не обретая чёткости. Марина едва не рухнула на сцену, это уже для неё было слишком. Нонна поддержала, слегка встряхнула.

— Всё в порядке! Ничего не бойся!

Ага, как же. Не бояться. Легко сказать! Если бы в ногах не образовалась предательская слабость, Марина уже вовсю мчалась отсюда сломя голову. А туманное существо тем временем стало размером со взрослого человека. Оно дошло, а точнее, доплыло до границы зрительских рядов и остановилось. Лицо — неясное пятно, лишь глаза были обозначены синими искорками.

— Кто ты? — выдавила Марина. В горле пересохло, голос прозвучал сипло.

Приложив ладонь к груди, эфемерное сознание поклонилось, а когда приняло прежнее положение, его глаза стали больше, ярче, сияющая синева из них буквально выплёскивалась. Существо сделала рукой неопределённый жест и пространство снова изменилось. Вернее, для Марины всё стало другим.

Она увидела своё прошлое.

Ей семнадцать лет. Фотограф перед школой машет рукой, чтобы одиннадцатый «А» встал кучнее и уместился в кадре. Одетые в яркие платья девушки и упакованные в костюмы юноши перешёптываются, предвкушая отрыв на выпускном балу в Доме культуры. Светлое будущее мерцало сквозь дурмящую дымку, сотканную из аромата лилий на клумбе перед школой, льющегося из динамиков вальса, улыбок одноклассников.

Марина всё это видела, как бы со стороны, но в то же время ощущала своё присутствие там, среди друзей и подруг. Как же было хорошо. Радость, беззаботность. Но что это за неясная фигура на крыше школы? Что за неведомый наблюдатель?

И опять мир стал другим, словно киномеханик сменил одну пленку на другую.

Залитый солнцем сквер. Марина идёт под руку с Сергеем. Высокий, с породистым лицом, он был мечтой всех одноклассниц, но пригласил на свидание именно её. Они болтают об учёбе, музыке, кино. Казалось, взгляды проходящих мимо женщин и девушек тлеют завистью. Дошли до пруда, где плавали огненные огари. Сергей чуть наклоняется, целует в губы...

Марина отлично помнила этот момент, в памяти он хранился на одном из самых почётных мест, как ценный артефакт в музее. Но она не помнила наблюдателя, который сейчас стоял вдалеке возле скамейки.

Эпизоды из прошлого менялись, но всех их объединяло одно — ощущение счастья. И Марина как будто всё это заново переживала. Ей хотелось, чтобы экскурсия в детство, юность не прекращалась, но мистический киномеханик решил, что для неё достаточно

впечатлений и отключил кинопроектор памяти. Возвращение в реальность оказалось болезненным, сопровождаемым внутренним протестом. Марина даже едва не начала возмущаться, требуя вернуть назад счастливые моменты.

— Спокойно, — услышала она голос Нонны. — Всё хорошо.

Туманное существо по-прежнему стояло на краю зрительских рядов, а мир вокруг всё так же фонтанировал красками.

— Да кто же ты? — повторила Марина, впрочем, уже без страха, но с благоговением.

Чудесное создание распростёрло руки, словно в попытке обнять всё пространство вокруг, после чего взмыло к небу, превратилось в бесформенное пятно и умчалось вдаль. Вместе с его исчезновением природа мгновенно утратила цвета, снова став невзрачной, пасмурной, скучной. Прошло немало времени, прежде чем Марина начала приходить в себя после увиденного.

— Может, уже снизойдёте до объяснений? — спросила она, чувствуя, как затянувшаяся пауза становится просто невыносимой.

— Согласись, это ведь было нечто удивительное, — Нонна глядела на неё с прищуром, явно наслаждаясь такой реакцией.

— Тут не поспоришь. Вы мне, часом, никакой наркотик во время завтрака в чай не подсыпали? Очень уж всё это похоже на глюки, — Марина потёрла пальцами виски. — Беспокоюсь за свой рассудок.

— Всё с твоим рассудком в порядке. А то, что ты сейчас видела... это дух этого места. В смысле не концертной площадки и даже не парка, а всего города. Огромной территории. По крайней мере, я считаю его духом. Он, как ты успела заметить, человеческими словами не изъясняется, только образами. Впервые я его увидела ещё в юности, но он до сих пор для меня загадка. Одно могу с точностью сказать: ему нужна помощь. То, что творится сейчас в городе, для него как тяжёлая болезнь.

— Вы имеете в виду монстров?

— Разумеется, — горестно вздохнула Нонна. — Думаю, это существо родилось когда в той деревеньке, что была до города, поставили первую избу. А быть может и раньше. Оно всякое повидало на своём веку. Пожары, эпидемии, убийства. В девяностых тут банды воевали, крови было хоть отбавляй. Но всё это входит в рамки нормального мира. Это естественно, это зло, которое было, есть и будет. А вот чудовища, забирающие у людей жизненную силу, это совсем ненормально, чуждо. А потому духу города страшно, он растерян, возможно, впервые за всё время своего существования. И в таком состоянии он пребывает уже два года, с тех пор, как объявились эти твари. Полагаю, с каждым месяцем ему становится хуже. А какие от этого могут быть последствия... думаю, самые что ни на есть паршивые.

— Последствия для нас, для людей? — уточнила Марина. Она поймала себя на мысли, что испытывает к чудесному существу жалость.

Нонна закурила, выпустила из уголка губ струйку дыма.

— Да, для людей. Для жителей города. Ты никогда не попадала в ситуации, когда чудом избегала чего-то плохого? Ну, допустим, в задумчивости едва не ступила на шоссе, но что-то как будто тебя удержало от рокового шага и та машина, что могла убить или покалечить, проехала мимо. Или, к примеру, словно бы в спину тебя кто-то подталкивал и на то место, где ты только что была, падала сосулька.

Марина озадаченно пожала плечами.

— Разное случалось, — ей вдруг вспомнилось, как однажды она споткнулась в подъезде, отвлекшись на зазвонивший телефон. Слетела по лестничному пролёту и за мгновение до падения и как следствие разбиение головы об ступеньку, что-то как будто её придержало. Будто ангел хранитель помог. А ведь были и другие случаи, после которых напрашивались слова «чудом повезло».

— Хотите сказать, это существо мне помогало?

— И тебе, и мне, и многим другим. Я в юности чуть не утонула в пруду возле города. Когда начала захлёбываться, вокруг моей головы будто бы воздушный пузырь образовался. Всего на мгновение, но я успела плотнуть воздуха, это меня и спасло. А недавно у одного водила грузовика тормоза отказали, он ехал прямиком в остановку, где куча людей ждали автобуса, но в последний момент какая-то сила изменила направление. Пострадал только водила, да и то не слишком. И таких случаев уйма. Где-то это можно смело списать на везение, а где-то объяснение найти трудно.

— И вы считаете, что это дух города помогает?

— Я в это верю.

— Звучит всё это как-то... — Марина сделала паузу, подбирая правильное слово. — Невероятно.

Нонна усмехнулась.

— И это говорит человек, который за последние дни уже не раз сталкивался с чем-то невероятным. Должна уже усвоить, что невероятное — вероятно, — она сделала очередную затяжку, бросила окурок на прогнивший помост и растёрла мысом сапога. — Пойдём к машине.

Они спустились с эстрады, не спеша двинулись к парковой аллее.

— Не слишком-то это существо мне помогло, когда наркоман на меня напал, — продолжила разговор Марина, — И Инге, когда она под машину угодила.

Нонна сделала рукой неопределённый жест.

— Думаю, некоторые события обязательно должны произойти, какими бы ужасными они ни были. Если хочешь, называй это судьбой. А что касается помощи Друга... Ты думаешь, Инга случайно вчера наткнулась на тех мразей, что засаду на тебя устроили?

— Она ведь сказала, что там тётка её неподалёку проживает.

— Так и есть, проживает, но факт в том, что она, когда вышла из подъезда, собиралась топтать совсем в другую сторону. Но увидела, как мигает фонарь, будто знак подаёт. А мы с Ингой уже давненько приучились к подобным знакам прислушиваться. Она и пошла к этому фонарю, а потом другой замигал. Так и дошла до школы, где Мамонт с мразями тебя поджидали. Не прислушайся она к этим знакам, тебе не поздоровилось бы.

Марина опешила.

— Хотите сказать, знаки подавало это существо?

— Ну ты прям чемпионка по догадливости, — рассмеялась Нонна. — Да, именно это я и хочу сказать. Кстати, ты вчера интересовалась, как мы все друг друга нашли. Ну так Друг нас и свёл. Сначала меня и Ингу, потом Вячеслав словно какой-то зов услышал спяну и явился в этот парк, к театру, где я в то время находилась. Затем Вадик из интерната сбежал, и кто-то его будто в спину подталкивал, пока он не пришёл к коттеджу.

— Невероятно, — снова выдала Марина, впрочем, с восхищением, а не с недоверием. — А что означают все эти видения, что мне... Друг показывал? Я видела свою юность, лучшие моменты жизни.

Нонна ненадолго задумалась.

— Наверное, он хотел тебе показать, что всегда был в твоей жизни. Незримо. Вместе с тобой радовался, вместе с тобой грустил.

— И чем же я это заслужила?

— Просто тем, что ты есть, — последовал незамысловатый ответ. — Он ведь радуется и грустит не только с тобой, но и со всеми нормальными людьми города. Он одновременно может быть везде. Вот такой вот парадокс.

— И он хочет, чтобы мы ему помогли, — сделала вывод Марина. — Он, что нас выбрал?

— Господи ты боже мой! — всплеснула руками Нонна. — Да никто нас не выбирал. Мы сами себя выбрали, когда решили не стоять в стороне. Ты прям как Инга, она вообще нас избранными называет, фэнтези всякого начиталась, дурашка.

В её сумочке затрезвонил сотовый. Это звонила Инга. Коротко переговорив с ней, Нонна посмотрела на Марину.

— Мразей опять куда-то сейчас на автобусе отвезут. Это наш шанс выяснить, куда именно. Инга нас возле старой школы ждёт. Поторопимся.

Марина рассудила, что в ближайшее время скучно уж точно не будет. Ну и отлично. Чего ей сейчас точно не хотелось, так это бездействовать.

Глава седьмая

Семён ездил к хозяйке раз в неделю, чтобы отвезти «коровок для дойки», как называл это Мамонт, но сегодня впервые ему казалось, что он направляется напрямик в пасть льва. Вчера как-то храбрился, а сейчас совсем стало не по себе. Простит ли Варвара за его косяк? Вряд ли. Накажет. Вопрос лишь в том, какое это будет наказание. Всё зависит от её настроения, а оно у хозяйки переменчиво, радость мгновенно может смениться лютой злобой из-за какого-нибудь пустяка, а гнев быстро поменяться на милость. Такой уж она человек... Дьявол, какой к херам человек? Антон поймал себя на мысли, что никак не отвыкнет видеть в ней ту, кем она не является. Наверное, потому что красивая, женственная. Да, это притворство, маскировка, но это работает, отлично вводит в заблуждение.

Рядом на пассажирском сиденье скукожился Мамонт. Хреново ему после вчерашнего, рожа красная, глаза мутные. Антон с ним за утро перекинулся всего парой слов, не хотелось общаться с этим воняющим перегаром утырком. Впереди, перед Джипом, ехало два автобуса полных сборщиков, водители были людьми Варвары и, разумеется, знали, кого именно везут. На самом деле ехали на «дойку», а официально — в оздоровительный центр.

— Паршиво что-то, — пожаловался Мамонт. Вот уже целый час жаловался, будто желая дождаться от Семёна слова сочувствия. — Не надо было мне вчера нажираться.

Как же Семёну хотелось зарядить ему локтем по роже — наотмашь, не отрывая взгляда от дороги, так, чтобы челюсть хрустнула. Это, пожалуй, слегка подняло бы настроение ненадолго. Но нет, такой способ психотерапии сейчас был неприемлем.

Автобусы, а следом и Джип свернули с извилистого шоссе на ровную как линейка дорогу, ведущую в экопосёлок «Флора». Мамонт принялся обкусывать заусенец на большом пальце. Нервничал. Проехали яркий билборд с призывом беречь природу. Ещё один. Показался пропускной пункт, возле которого возвышался очередной билборд с надписью «Флора — территория чистоты». Семён притормозил, шлагбаум, дёрнувшись, поднялся и внедорожник въехал на территорию посёлка.

Застроенных участков здесь было всего двадцать. Одноэтажные коттеджи с застеклёнными фасадами отличались друг от друга цветом, который вальировался от светло

зелёного, до ярко синего. На крышах глянцево блестели солнечные батареи, тут и там располагались аккуратные теплицы.

Семён проехал через центральную аллею, засаженную пока низкорослыми елями и соснами. Он взглянул на здание оздоровительного комплекса и поёжился. Вроде бы нормальное здание, светлое, современное, но по сути оно было точно капкан, в который попало уже множество жертв. Под предлогом бесплатных оздоровительных процедур они с Мамонтом туда доставили сотни стариков. И теперь эти старики годны лишь для одного — собирать жизненную силу для хозяйки.

Автобусы поехали к комплексу, а Джип свернул к участку, где возвышался трёхэтажный дом Варвары. Его стены были выкрашены в сложный серебристый цвет, меняющийся при разном освещении. За домом, возле шикарной оранжереи, бесшумно крутились два небольших белоснежных ветряка, у которых была больше декоративная функция, чем практичная.

— Что-то мне хреново, — в очередной раз пожаловался Мамонт.

— Да заткнись ты! — не выдержал Антон.

Он припарковал машину на бетонной площадке. Вышли. На веранде дома показалась хозяйка и Антон ощутил нехороший холодок в груди, по спине пробежали мурашки. Хотя с чего бы? Варвара была красивой, будто царевна из детских сказок. Причём, русских народных. Для этого у неё были все данные — длинная русая коса, румяные щёчки, стройная фигурка, изящные брови и пухлые губки, уголки которых сейчас были чуть приподняты, обозначая очаровательную с долей скромности улыбку. Не дать не взять — добрая хозяйка вышла встретить дорогих гостей. Каравая и хлеба соли только не хватало.

— Что-то мне... — опять было заканючил Мамонт, но решил не продолжать.

— Прошу, заходите, — радушно пригласила Варвара, когда они поднялись на веранду.

Антон отлично знал, что вне дома она всегда вела себя, можно сказать, образцово показательно, будто подозревала, что за ней постоянно следят ушлые папарацци, которые только и ждут, когда она выставит себя в неприглядном свете. Перестраховывалась.

Когда зашли в дом, улыбка мигом покинула лицо Варвары, впрочем, как и румянец. Злоба мелькнула в глазах. Она больше не была похожа на красавицу с лубочных открыток, даже походка её изменилась, стала какой-то дёрганной. Проследовали в гостиную. Антон никогда не понимал, почему в этом доме всегда так холодно. Мало того, что отопление не работало, так ещё и кондиционеры, похоже, были включены на полную мощность. А Варвара явно чувствовала себя в таком климате комфортно, учитывая, что расхаживала она босиком, в лёгком сарафане, открывавшим изящные руки и плечи.

Небрежным жестом Варвара пригласила посетителей расположиться на графитового цвета диване. Сама же принялась не спеша мерить шагами комнату. Семён чувствовал себя в этой гостиной более чем неудобно. Дизайнерская люстра с кристаллами заполняла холодным светом пространство. На стенах висели бледные акварели современных европейских художников, на тумбах стояли сверкающие хромом абстрактные скульптуры. Всё, по мнению Семёна, было каким-то безжизненным, будто застывшим во времени. Он не представлял, как вообще здесь можно жить, у него самого в таком доме уже через неделю развилась бы какая-нибудь психическая болезнь.

— Гадёныши, — голос Варвары тоже изменился, стал шипящим, злым. — Вы, ребятки, те ещё гадёныши, — она указала на них пальцем, будто уточняя, кто именно здесь гадёныши. — Расстроили вы меня очень. Может объясните мне, что за дерьмо творится в

вашем секторе города?

— Мы... мы... — замямлил Мамонт.

— Заткнись, у тебя изо рта воняет, я даже отсюда чую, — Варвара поморщилась. — И вообще, это был риторический вопрос, потому что, гадёныши, я и так всё знаю. И что же это у нас получается, я плачу вам хорошие деньги, а вы выполняете свои обязанности спустя рукава? Как так вышло, что на вашей территории какие-то мудаки в масках калечат моих сборщиков? Второй случай уже!

— Мы с этим разберёмся, — осмелился сказать Семён.

— Ах вы разберётесь. Но сборщики уже покалечены! Вышли из строя минимум на неделю! А кто будет жизненную силу собирать? И кто даст гарантию, что не случатся ещё нападения?

— Я вчера пытался сборщиков защитить! — выпалил Мамонт, предусмотрительно прикрыв рот ладонью. — Но я был один. Семён отказался со мной идти.

Семён с ненавистью покосился на Мамонта. Всё-таки сдал, зараза. Впрочем, Варвара и так, наверняка, уже всё знала. Попытаться как-то оправдаться? Слишком это будет глупо выглядеть. И унижительно.

Варвара, нахмурившись, долго стояла возле скульптуры в виде нагромождения серебристых спиралей, потом дёрнула плечами.

— Грохнуть вас что ли? Обоих.

— А меня-то за что? — жалобно проблеял Мамонт.

— За компанию. И за то, что ты тупой стукач, — она протянула руку и медленно спихнула скульптуру с пьедестала. Та с грохотом упала на пол и распалась на части, спирали покатались в разные стороны. Варвара задрожала, выпучив глаза, а потом топнула ногой и заорала: — Посмотрите, что вы сделали, гадёныши! Это ваша вина! Я эту херню на аукционе за бешеные деньги купила, а вы её об пол?!

Она развернулась, зашипела. Семён почувствовал, как какая-то сила буквально выдернула его с дивана, взметнула в воздух. Он завис под потолком. Рядом, в таком же положении, дёргался Мамонт. Жуткая боль молнией метнулась от кончиков пальцев к руке и дальше, позвоночник словно бы превратился в раскалённый прут, а кишки в огненных змей. В сознании замелькали страшные образы: искажённые мукой лица, расчленённые тела, потоки крови, черви в гнилых ранах, какие-то уродцы с огромными головами и рыбьими глазами... И всё это на фоне пронзительного воя, который причинял дополнительную боль, вонзаясь в мозг точно гвозди. А где-то на задворках слышалось шипение:

— Гадёныши, гадёныши... — и этот голос вовсе не походил на человеческий. Так мог бы говорить ящер, если бы умел.

Боль прошла резко, будто чья-то рука выдернула её из тела словно занозу. Семён очнулся на диване. Глаза слезились, зубы стучали, перед внутренним взором всё ещё мельтешили адские образы. Рядом стонал Мамонт, выглядел он так, будто его каток переехал.

Варвара обворожительно улыбалась. Она снова выглядела как сказочная царевна.

— Ну вот, — развела руками. — Мне легче стало. А скульптура, — махнула ладонью, — ну её, она мне всё равно не нравилась. Другую куплю. Вы как, мальчишки?

— Всё... всё хорошо, — соврал Семён сипло.

— Да, всё хорошо, — пропищал Мамонт, глядя на Варвару так, как, пожалуй, пещерный человек смотрел на саблезубого тигра. Несмотря на холод, на его лбу выступила испарина.

Варвара два раза хлопнула в ладоши и заиграла спокойная, но какая-то безмотивная музыка.

— Ну что ж, друзья мои, — мягкости её голоса позавидовали бы лучшие гейши, — подведём итог. У нас проблема и эту проблему нужно решать. Согласны?

Оба дружно кивнули.

— И как же мы будем её решать? Ну в самом-то деле, не обращаться же нам в полицию?! — она по-девичьи звонко засмеялась. — Оценили шутку, да?

Опять кивнули, как китайские болванчики.

Варвара сделала под музыку несколько плавных движений, потом застыла, будто играла в игру «море волнуется раз». Так она простояла около минуты. Когда очнулась, произнесла:

— Вы тех гадёнышей не поймаете. Не-а, не верю я в это. Придётся самой принимать меры. Нужна ищейка.

— Собака? — удивился Мамонт.

— Ну нет же, глупенький, — улыбнулась Варвара. — Никакая собака тут не поможет, как тебе только такое в голову пришло. Я сама сделаю ищейку. Сегодня же привезите мне какого-нибудь парня или девушку.

Семён понял, что она собирается сотворить очередного монстра. Особенного монстра. Привезти парня или девушку? Что ж, куда деваться, привезут. И да, им с Мамонтом найти тех людей в масках было бы очень затруднительно без посторонней помощи. В конце концов они ведь не сыщики. Есть кое-какие связи, но пока дёрнешь за все ниточки уйма времени пройдёт, и не факт, что это сработает. А Варвара слишком нетерпеливая.

— Вам ещё есть, что мне сказать? — её щека дёрнулась — верный признак, что настроение опять вот-вот изменится.

— Нет, — Семёну хотелось поскорее оказаться как можно дальше от этого дома.

Варвара как-то по птичьей крутанула головой, медленно моргнула и это было похоже, как если бы люки в бездонные колодцы закрылись и открылись.

— Тогда проваливайте к ебене фене! Вы утомили меня, гадёныши! Проваливайте! — топнула ногой.

Они даже не ушли, а сбежали из дома. Когда сели в машину, Варвара стояла на веранде, улыбалась и махала им рукой. По дороге в город, Мамонт начал плаксиво возмущаться:

— А меня за что она наказала? Ты виноват, а меня наказала. Я чуть не обосрался. Нечестно это.

Нервы Семёна сдали. Он остановил машину, вышел, выволок Мамонта наружу, вдарил по морде.

— Достал ты меня, сука! Если ещё хоть слово от тебя сегодня услышу, грохну к херам!

Мамонт обиженно засопел, но во взгляде было обещание припомнить этот удар.

— Грохну! — повторил Семён. — Ты понял меня?!

— Угу.

Они снова сели в машину, поехали. Мамонт косился на Семёна, играл желваками, но за всю дорогу до города больше ни слова не произнёс.

* * *

Ярослава достало уже это безделье. Да, вчера вырубили десяток мразей, но этого мало, ему хотелось действовать, рисковать, что-то менять. От остальных и то больше проку, чем от него. Прячется в этом долбаном коттедже, ждёт чего-то. Неровен час так и крыша поедет,

депрессуха начнётся.

Они с Вадиком сидели в гостиной. Мальчишка пил чай с печеньем, а Ярослав расхаживал туда-сюда, не находя себе места.

— Ты опять ночью кричал, — как бы невзначай сказал Вадик.

Ярослав поморщился.

— Хрень всякая снилась.

— И мне снится всякое. И то, что было в детдоме, и пожар. Нехорошие сны, — Вадик отложил недоеденное печенье — пропал аппетит.

Ярослав потрянул головой.

— Всё, больше не могу тут торчать! Тошно, хоть вой!

— А что нам ещё делать-то? Нонна сказала сидеть дома, значит надо сидеть.

— Нонна, Нонна, — передразнил Ярослав. — Слишком уж она осторожничает, а меня всё это уже достало, — он вынул из внутреннего кармана джинсовой куртки фляжку, сделал нервный глоток и повторил: — Достало! Рядом с детдомом, как ты рассказывал, постоянно мрази пасутся.

— Да, так и есть. Никогда не забуду, как во время тихого часа или по ночам щупальца в форточки пролезали и шевелились под потолком как водоросли. Страшно было. А форточки нельзя было закрывать, свежий воздух и всё такое. Тогда тепло ещё было...

Ярослав прошёл в прихожую, обулся, надел камуфлированную куртку поверх джинсовой. В дверном проёме показался Вадик.

— Ты куда собрался?

— К детдому. Вырублю парочку другую мразей, хоть какая-то польза.

— Но Нонна...

— К чёрту Нонну! — глаза Ярослава злобно блеснули. Он осёкся, сообразив, что ведёт себя как истеричка и сменил тон на более мягкий. — Нонна ничего не узнает. Я туда и обратно. Через лес пойду, не засвечусь.

— Я с тобой, — решительно заявил Вадик и тут же принялся одеваться.

Ярослав тяжело вздохнул. Брать с собой пацана — паршивая затея, но спорить и тем более ругаться с ним не хотелось. К тому же малец имеет полное право мстить мразям за то, что они творили в детдоме. А он, Ярослав, присмотрит за ним. Возможно, это безответственно, так наверняка сказала бы Нонна, но... к чертям собачьим все эти правила нормального мира. Мир сошёл с ума, по нему бродят монстры, а значит и правила нужно менять.

— Лады, — выдавил Ярослав. — Шокер не забудь прихватить.

* * *

Путь по тропинке через лес занял минут сорок. На шоссе поймали попутку, добрались до южной окраины города. Ещё десяток минут — и были на месте. Вадик закусил губу, увидев здание, где прошли три года его жизни. Ветхое, давно требующее ремонта, окружённое убогим забором, с которого спала вся краска. В этом месте даже деревья выглядели какими-то больными, усталыми. Казалось, власти города специально подыскали для интерната самую унылую территорию, чтобы отправлять сюда с глаз долой никому не нужных детей, будто индейцев в резервацию. Рядом с будкой расхаживал охранник, вид у него был сонный, помятый. Две женщины в белых халатах куда-то тащили здоровенный бак с красной надписью «отходы». Вороны с пронзительным граем вспорхнули с крыши и чёрными кляксами заметались в хмуром пространстве, словно дополняя всеобщую картину

осеннего увядания.

— Натяни капюшон на глаза, — сказал Ярослав. — Ещё не хватало, чтобы тебя узнали.

Вадик послушался. Они вдоль забора обошли здание. Вот и мрази. Три старухи и прыщавая девчонка лет семнадцати. У всех были одинаковые чёрные зонты — трости. Старухи стояли возле кустов — серые, неприметные, скучные. А девчонка расположилась на скамейке рядом с тонкими берёзами, выстроившимися в ряд точно щуплые солдаты, неспособные защитить даже самих себя. Четыре эфемерных щупальца тянулись за ограду, на территорию, где под присмотром молодой воспитательницы играли дети, и поочерёдно присасывались то к одному ребёнку, то к другому, понемногу выкачивая жизненную силу из каждого.

— Вырубим тварей и сразу же сваливаем, — заявил Ярослав. — Старух со спины обойдём. Ты вырубаешь вон ту, в берете, а я остальных.

— Может, я лучше прыщавую вырублю?

— Делай, как я сказал! — разозлился Ярослав. — Будешь спорить, никуда потом тебя с собой не возьму, усёк?

— Усёк, — обиженно пробубнил Вадик. Он вынул из спортивной сумки электрошокер. Корпус удобно лёг в ладонь.

— Двинули, — сказал Ярослав и, озираясь, направился к старухам. Вадик засеменял следом.

Мрази их не замечали, продолжая вытягивать жизненную силу из детей. Охранник зевнул, вынул сигареты и закурил. Вороны каркали истерично, словно им угрожала опасность. До старух осталось всего десятков метров. Ярослав, чувствуя что-то вроде охотничьего азарта, рассудил, что расправа над тварями займёт секунд тридцать, не больше. Ему хотелось, чтобы монстров было больше, хотелось настоящей битвы. Ну да ладно, пока и эти сойдут. Подушечка пальца легла на кнопку, ещё секунда и... Он вдруг захрипел, в голове помутилось, мир стал расплывчатым, словно в мгновение ока погрузился в грязную воду. Приступ! Опять. После травмы головы с ним такое поначалу часто случалось, а в последнее время приступы не происходили ни разу.

Старухи втянули в глотки щупальца, одновременно развернулись. Девушка встала со скамейки и, не проявляя ни единой эмоции, двинулась к старухам.

— Ярослав! — перепугался Вадик. — Эй, что с тобой?!

Тот не в состоянии был ответить. Он рухнул на колени, выронил шокер, обхватил голову руками. Ему казалось, что в мозг вонзили раскалённый прут, для него сейчас не существовало ничего, кроме адской боли.

Вадик бросил взгляд на старух, на прыщавую. Мрази раззявили рты, щупальца, закручиваясь штопорами, потянулись к Ярославу, а тот завалился на бок, выдавливая хрипы сквозь стиснутые зубы и вытаращив глаза, которые видели в данный момент лишь мельтешение тёмных и красных пятен. Вадик принялся его трясти, ощущая, как нарастает паника.

— Приди в себя! Ну же! Пожалуйста!

Щупальце вцепилось в шею Ярослава, будто пиявка присосалась. Затем второе, третье. Прыщавая устремила «хобот» к Вадиду. Он выкрикнул визгливо:

— Отвалите, твари!

И в каком-то безумном порыве бросился к старухам, нажав на кнопку шокера. Но, не успев сделать и пары шагов, как кто-то обхватил его шею рукой, стиснул ладонью запястье,

да так сильно, что пальцы непроизвольно разжались и оружие упало на землю. Вадик задёргался, будто рыба пойманная на крючок, в голове мелькнула мысль, что это всё, конец. Человек, который его схватил, с отвращением глянул на Ярослава. Так порой закоренелые трезвенники смотрят на конченных алкашей. Бывший спецназовец действительно выглядел упившимся вусмерть, неприглядную картину дополняла выпавшая из кармана фляжка. Старухи как по команде сделали вид, что удивлены и возмущены происходящим, они стали похожи на куриц, чей безмятежный покой нарушил похититель яиц. Вадика потащили в сторону проходной, шансов вырваться не было никаких. Глаза заволокло слезами и сквозь их пелену он видел, как ворочается на земле Ярослав, а к трём щупальцам присоединилось четвёртое.

— Очнись, — выдавил Вадик, вложив в это слово всё своё отчаяние, будто ману в волшебное заклинание.

— Замолчи, — сказал тот, кто его волок.

Вадик сразу же узнал этот голос с акцентом. Дамир Марсович, дворник. В сознании возник образ сухопарого пожилого мужчины со смуглым лицом, покрытым следами от оспин. Так вот кто его схватил! Дамир Маркович и раньше всегда появлялся как-то неожиданно, казалось, он незаметно подкрадывался и — вот он, тут как тут. Дети считали его очень странным.

— Отпустите! — Вадика было трудно кричать с зажатой рукой шеи и крик получился сиплым, жалобным.

Дворник втащил его за проходную.

— Ого! — удивился охранник. — И кто же это у нас? Краснов! Вадим! Да ты, Дамир хорошую рыбёшку поймал! — он склонился, приблизив своё помятое лицо к лицу Вадика. — Ну и где же, засранец мелкий, тебя носило, а? Ты, между прочим, в мою смену сдриснул, меня премии лишили, выговор вlepили и с работы чуть не погнали. Дамир, веди его к заведующему. И это, будь другом, скажи, что мы вместе его поймали, лады? С меня поляна.

— Скажу, — холодно отозвался дворник и поволок Вадика к главному зданию. На ходу он бросил: — Там возле забора алкаш какой-то валяется, он с мальчишкой пришёл. Ты бы проследил.

Охранник отмахнулся.

— Всё, что за оградой, не моё дело, Дамир.

— Лентяй, — чуть слышно отозвался дворник.

Приступ закончился резко, будто неведомая сила просто взяла да вырвала недуг из организма и сознания Ярослава. Зрение прояснилось, и он увидел старух и прыщавую. А ещё щупальца, они извивались как фантомные змеи. Нужно было действовать, причём, не теряя ни секунды, потому что на смену приступа приходила слабость, руки и ноги почти онемели, голова налилась тяжестью. Шокер — он лежал совсем рядом, мрази не озаботились тем, чтобы отшвырнуть его подальше, видимо были полностью уверены, что всё под их контролем. «Поехали!» — мысленно выкрикнул Ярослав и, собрав остаток сил в кулак, схватил шокер, не вставая с земли, вонзил контакты в ногу одной старухи, другой. Обе рухнули как подкошенные и принялись дёргаться так, словно электрический разряд по прежнему проходил через их тела. Третья старуха быстро заковыляла прочь, втянув щупальце в глотку. А прыщавая попыталась как копьём нанести удар кончиком зонта в лицо Ярослава, но тот уклонился, вскочил, ощутив, как на секунду снова потемнело в глазах, а к горлу подкатила тошнота. Однако, сейчас нельзя себе позволить даже мгновенья слабости. Блевать

и стонать потом будет. Он сделал бросок вперёд, вырвал зонт из рук прыщавой и вжал контакты в её шею. И вот на земле тряслась в припадке уже третья мразь.

Ярослав развернулся, увидел, как мужик в синей спецовке тащил Вадика к фасадной лестнице интерната. Что ж, нужно срочно выручать пацана, исправлять допущенный косяк. Сбежавшая старуха остановилась возле опушки небольшого пролеска, вынула сотовый, кому-то позвонила. Когда сунула телефон обратно в карман серого пальтишки, Ярослав, не забыв поднять флягу и шокер Вадика, уже вбежал за проходную.

— Куда, мать твою?! — возмутился охранник. — А ну пошёл обратно! Я сейчас...

Договорить у него не вышло, потому что Ярослав, решив не церемониться, нанёс ему удар в челюсть. Охранник, словно исполняя причудливый танец, крутанулся на месте и грохнулся на землю, лишившись сознания. А дворник тем временем затащил Вадика в здание.

Ярослав резко выдохнул. Силы были на исходе, мрази неплохо его осушили. Срочно нужен допинг. Он вытащил фляжку, сделал несколько глотков и ощутил себя лучше, точнее внушил, что ему лучше, но этого было достаточно, чтобы открылось второе дыхание. Сплюнув, он ринулся к зданию, решив действовать жёстко, на пределе — весь интернат на уши поставит, если понадобится! Ведомый злым куражом, он буквально ворвался в здание. Какая-то молодая женщина шарахнулась в сторону.

— Куда тот мужик пацана поволок?! — голос Ярослава больше походил на рык бешеного зверя.

Перепуганная женщина указала дрожащей рукой на ведущую на второй этаж лестницу. Пара секунд — и Ярослав уже был наверху. Допинг в виде алкоголя действовал превосходно. В коридоре горели все люминесцентные лампы, пара маляров на стремянках красили стену, а дальше, возле торцового окна, мужик, который держал за руку Вадима, стучал в дверь кабинета.

— Нормально, — сам себе сказал Ярослав и быстро зашагал по коридору. Задел стремянку, услышал ругань маляра, но сейчас было плевать на всё, кроме спасения мальчишки.

— А ну отпустил его! — выкрикнул.

Дворник зыркнул на него так, будто намеревался испепелить взглядом. Из кабинета вышел толстый лощёный заведующий.

— Что случилось? — его брови поползли вверх. — Краснов? Вернулся? Вот это номер!

— Я поймал его, — пояснил Дамир Марсович. — И... Валентин, охранник помог.

— Вот как?

Возможно, их беседа продолжилась бы, но им помешал Ярослав. Он оттолкнул Дамира Марсовича, брезгливо взглянул на заведующего.

— Я забираю мальчишку.

— Но...

— Рот закрой! — Ярослав подмигнул Вадику. — Уходим, пацан. Живо!

И они побежали обратно по коридору.

— Это возмутительно! Я полицию сейчас вызову! — визгливо выкрикнул заведующий, а Дамир Марсович принялся проклинать беглецов на своём языке, при этом яростно потрясая кулаками.

В запале Вадик пнул открытую ёмкость с краской, а Ярослав на этот раз так зацепил стремянку, что маляр свалился на пол и мощь его проклятий не уступала проклятиям

дворника.

Выскочив на улицу, миновали охранника, который только-только начал приходить в себя, пробежали проходную и устремились в лес. Мчались через кустарники, перелезали через поваленные деревья, остановились лишь минут через пятнадцать, когда окончательно выдохлись.

— Не вздумай никому проболтаться о том, что было, — Ярослав вытер ладонью испарину со лба. — Мы... я накосячил, признаю. Вот уж не ожидал, что со мной такая хрень случится.

— А что... — начал Вадик.

— Не спрашивай. Не сейчас. Но обещаю, впредь буду осмотрительней. Нонна всё же была права, нам нужно действовать всем вместе.

— А я говорил!

— Да, малой, говорил, — Ярослав рассмеялся и взъерошил его волосы.

— Я без шокера остался, — пожаловался Вадик. — Уронил, когда меня дворник схватил. Что мне теперь Нонне и остальным сказать?

Ярослав вытащил из кармана шокер.

— Держи. И больше не теряй. Всё, потопали домой, хватит нам на сегодня приключений.

А возле ограды интерната принялись драться старухи и прыщавая девчонка. Сначала они лупили друг друга зонтами, потом в ход пошли ногти и зубы. Уцелевшая бабка глядела на них, как на диковинных диких зверей в зоопарке. Скоро к детскому дому приехали Семён и Мамонт.

— Что стряслось? — Семён мог бы и не задавать этот вопрос, он и так всё видел.

Бабка рассказала, потом указала заскоружлым пальцем на лес.

— Вон туда убежали. Мальчишка и бугай. Минут двадцать уже прошло.

— Мы же не станем их преследовать? — скривился Мамонт.

Семён вздохнул.

— Нет. Поздновато для преследования. Они уже далеко. А у нас ещё дел полно. Паршиво всё это, конечно, но зато мы теперь знаем, кто состоит в той компашке. И знаем, откуда ищейка Варвары начнёт поиски.

Глава восьмая

Денёк был занятный. Марина и припомнить не могла, когда она так странно проводила время. Именно странно, потому что иного определения подобрать было нельзя. Мало того, что с духом города познакомилась, так ещё и роль разведчицы на себя примерила, следила вместе с Нонной и Ингой за автобусами с монстрами. И слезка привела их к экопосёлку. Теперь вся группа сидела за столом и обсуждала, что да как. Вопросов было уйма, а вместо ответов — одни лишь предположения. Нонна с подозрением поглядывала на Ярослава и Вадика. Те заявили полчаса назад, сказали, что по лесу шлялись, но какие-то они были тихие, а мальчишка так вообще выглядел почему-то виноватым и всё время потирал прикрытое рукавом свитера запястье.

— А эта Варвара красивая, — перед Ингой стоял открытый ноутбук с информацией о экопосёлке и фотографией Варвары Кузнецовой, основательницы и главного спонсора посёлка. — Не нравится она мне. Слишком красивая.

В интернете информация о Варваре была скудная: родилась тогда-то, училась там-то, вышла замуж за Марата Кузнецова, пожилого миллиардера, который скончался через год

после свадьбы от сердечного приступа. Экоактивистка, меценатка. Основала три экопосёлка в разных областях России. Ни в каких скандалах замечена не была, в гламурных тусовках не участвует. Вот, в общем-то, и всё.

— Оздоровительный центр, — сказала Нонна, побарабанив пальцами по столу. — Именно туда привезли мразей и вряд ли привезли на массаж и процедуры. Но вот вопрос: как нам выяснить, что с ними там делают?

Марина вспомнила, как монстры в человеческом облике заходили в здание оздоровительного центра. Будто стадо коров шествовало в стойло — не смотрели по сторонам, не переговаривались, тупо шагая в друг за другом. Всё это они с Нонной и Ингой наблюдали в бинокль с расположенного неподалёку от экопосёлка холма, благо ограда вокруг объекта была невысокая. Выяснили, что охраняется посёлок не слишком хорошо — двое охранников на въезде на территорию, двое возле оздоровительного центра. И никаких видеокамер, разве что скрытые. Похоже, Варвару Кузнецову, как основательницу, не слишком заботила безопасность. Возможно, она была уверена, что её детищу ничего не угрожает. А в самом деле, что может угрожать? Грабители? Марина про себя хмыкнула, вдруг осознав, что уже начинает расценивать тот посёлок, как какую-то секретную базу чудовищ, а все эти аккуратные домики с панелями солнечных батарей, теплицы, ветряки — это всего лишь маскировка. Воображение рисовало, тайную лабораторию, где красивая Варвара в белом халате, респираторе и одноразовых перчатках превращает несчастных стариков в монстров, делая инъекцию какой-то дряни. Или нет... Варвара склоняется над операционным столом, где распластался несчастный со вскрытой черепной коробкой. И сумасшедшая эко-активистка вживляет ему в мозг чип. Марина поёжилась. В голове роились и другие вариации самых разных конспирологических теорий, от которых начинало бросать то в жар, то в холод.

— Мы проникнем на территорию посёлка, — смело заявила Инга. — А что, скажите на милость, нам ещё остаётся?

— Поддерживаю, — поднял руку Ярослав. — Риск, как говорится, благородное дело. Только я один пойду. Как-никак у меня подготовка.

Все поглядели на него гневно, словно говоря: мы тоже не пальцем деланные!

Ярослав ухмыльнулся.

— Не надо на меня так смотреть. Дайте хоть как-то проявить себя, а то я уже лишним балластом себя чувствую. И клянусь, — он приподнял руку с раскрытой ладонью, — больше ни капли не выпью, серьёзность дела я ещё как сознаю. И не спрашивайте, справлюсь или нет. Справлюсь и точка. Задача поставлена, и я её выполню.

— Он справится, — подтвердил Вадик, будто точно знал итог опасной вылазки.

— Это всё нужно хорошенько обдумать, — с сомнением сказала Нонна.

— Нечего тут думать, — разозлился Ярослав. — Ко мне что, доверия никакого? Я для вас что, ни на что не способный алкаш?

— Не бухти, — Нонна откинулась на спинку стула и после небольшой паузы кивнула. — Ладно, пойдёшь один. Но детали операции нужно хорошенько спланировать.

Марина ощутила себя так, словно её занесло в военный штаб, где генералы обсуждают план грядущего сражения. В голову лезли полузабытые сцены из «Войны и мира» и кадры из американских фильмов. Вот только ни Кутузовыми, ни Багратионами, ни пентагоновскими генералами они не были и о стратегии и тактике имели весьма скромное представление.

* * *

Приказ Варвары был выполнен — нашли в притоне пацана нарика и доставили его в посёлок. Теперь Мамонт намеревался потратить время на свои дела, которые он мог бы обозначить маркировкой «мечь паскудно суке». Узнать, что у врачихи есть сестра не составило труда, а ещё проще оказалось выяснить где эта самая сеструха проживает. Теперь оставалось лишь пригнать пару коровок попасться — хорошенько так попасться.

* * *

Татьяна места себе не находила. Что с Мариной? Этот вопрос засел в сознании точно заноза и причинял почти физическую боль. Вчерашний короткий телефонный разговор вызвал тревогу, ворочающуюся в душе нервным зверьком. Сестра сказала, что у неё всё в порядке, но отчего-то в это не верилось. Марина даже в лучшие времена вот так не пропадала, несмотря на своё безрассудство. А теперь и на телефонные звонки не отвечает! Как вообще это понимать? Беспокойство, сплошное беспокойство. Может, опять сходить к ней домой, проверить, не вернулась ли? Да, нужно сходить, твёрдо решила Татьяна, и уже через минуту была на улице.

Мелкий дождик иголками впивался в лица прохожих и пробегался рябью по мутным лужам. Холодный ветер вырывал из рук зонты и пробирался за ворот курток и пальто, заставляя людей зябко приподнимать плечи. Уличные огни сотнями бликов отражались в каплях, которые стекали по стёклам витрин и сливались в тонкие ручейки, с которыми, казалось, утекало само время.

«Только бы она оказалась дома!» — беспрерывно твердила себе Татьяна, порой даже не мысленно, а вслух. Её злили и этот мерзкий дождь, и прохожие, и звуки города. Она желала душевного спокойствия, мечтала вернуться домой без тревоги и лечь спать без плохих мыслей в голове. Но что-то ей подсказывало, что этого не случится, хотя всегда отличалась оптимизмом.

Мимо прошёл толстый тип в кожаном плаще, кепке и пластырями на лице. Он как-то странно улыбнулся, словно пытаясь этой улыбкой что-то сказать. Татьяна решила не оборачиваться — не до странных типов сейчас, есть дела поважнее. А это кто впереди? Старуха и парень под зонтами. Чудные какие-то. Стоят с раскрытыми ртами и тупыми, почти дебильными физиономиями. Вот так парочка!

* * *

Совет закончился, все детали предстоящей операции обсудили. Вадик и Нонна разошлись по своим комнатам, Инга засела за ноутбук, а Марина вслед за Ярославом вышла на веранду. Дождь шумел, сверкающие струйки стекали с карниза, где-то далеко тоскливо завывала собака.

— Будешь? — Ярослав протянул сигарету.

Марина не отказалась, решив, что немного никотина после такого дня не помешает. Закурили. Какое-то время стояли молча, потом Ярослав заговорил с лёгкими нотками злости в голосе:

— Как ты думаешь, я уже конченный алкаш, да?

— Ничего я не думаю.

— Думаешь. Все вы думаете, кроме Вадика. Но он мелкий, что с него взять. Я не осуждаю... — он говорил сбивчиво, похоже, мысли не очень желали складываться в прямую цепочку. — Я... я ведь понимаю, что спиваюсь. Но мне плевать. Знаешь почему?

— Ну расскажи, — Марине не очень-то хотелось слушать его откровения. Она понимала, что он, пообещав накануне не пить, только и мечтает о выпивке, о своей вечерней

норме. Вопрос лишь в том, хватит ли у бравого спецназовца силы воли, чтобы не сорваться.

— Мой батя лупил мать, как говорится, смертным боем. Она рыдала, размазывала сопли по лицу, но терпела. Всегда терпела. Порой я её за это ненавидел. А я хоть и мелкий был, но уже тогда огрызался. Втык получал, но скалился, как волчонок. Уже тогда я понял, что не стану тряпкой как мать и буду давить таких тварей, как мой батяня.

— Поэтому ты пошёл в спецназ?

— Ну а почему же ещё. Там я впервые обрёл... что-то типа семьи, что ли. Там братство. Это, пожалуй, то, что мне было необходимо. И мне нравилось делать то, что мы делали. А потом... даже не знаю, как это произошло. Не пойму, как я ранил своего товарища. Сейчас вспоминаю, и всё как в тумане. А я ведь здоровый был, никаких отклонений. Будто сам дьявол мою руку направил не туда, куда нужно. Кто-то скажет, шальная пуля... Да вот хрен там. Не было никакой шальной пули, был идиот, у которого в мозгах что-то заклинило. Это я про себя, если что.

— Я поняла, — вздохнула Марина.

Ярослав сделал нервную затяжку и столь же нервно швырнул окурок в дождь.

— Меня поперли из спецназа, и я забухал по-чёрному. Из окна выпал. Это одна из версий.

— А что, есть другая? — заинтересовалась Марина.

— Есть. Есть другая версия. Моя версия. Я понимал, что я стал бесполезным куском дерьма и... А вдруг я не выпал, а решил самовыпилиться? Я ведь нихера не помню, но это, мать твою, логично. Я всё же стал тряпкой и... — он махнул рукой, решив не договаривать.

* * *

Мамонт улыбался, глядя, как сестра врачихи сначала пошатнулась, а потом, сделав несколько шагов, осела на асфальт. Коровки умели когда нужно действовать агрессивно. Несмотря на пелену дождя, он отчётливо видел их извивающиеся щупальца. Но то, что они сделали — этого мало. Нужно ещё, чтобы сеструха не оклемалась! Мамонт покусывал губы в предвкушении расправы, а его потные пальцы в кармане пальто теребили носовой платок.

Татьяна не понимала, что с ней происходит. Только что всё было нормально и вдруг — слабость невыносимая. Ноги и руки онемели, в голове туман образовался. Даже не заметила, как оказалась на асфальте, прямо в луже.

— Помогите, — прошептала она, глядя на старуху и парня. Но те так и стояли с раскрытыми ртами. — Прошу... помогите.

Ей вспомнились слова Марины: «Если ощутишь слабость, сразу же звони мне». Да уж отличный совет.

Дышать стало тяжело, будто лёгким не хватало сил для вдоха. Перед глазами всё поплыло, а с губ, уже почти беззвучно, продолжало безнадежно срывать:

— Помогите... помогите...

В тающем сознании вдруг появился образ из далёкого прошлого: они с Мариной, будучи совсем ещё маленькими, зарывали секретки возле кустов на даче — жестяные коробочки с бусинами, красивыми стекляшками, обрывками цепочек. Однажды они просто забыли про эти секретки, потому что нашлись дела поинтересней. И Татьяне сейчас подумалось: вот бы отыскать это сокровище. Невыносимо захотелось это сделать. А сознание всё меркло, меркло. Образ смазался, подёрнулся тёмной дымкой...

Мамонт об одном жалел — о том, что эта подыхающая девка не та сука, расцарапавшая ему морду. Но всё равно, удовлетворение он получил. Месть состоялась. Как же ему хотелось

увидеть лицо суки, когда она узнает, что её сестра кони двинула. Много он за это отдал бы.

В переулок заехала «Газель» ослепив фарами старуху и парня. Те вздрогнули, зашипели, втянули щупальца в пасти. Из машины выбежал крупный как бык мужчина, бросился к Татьяне.

— Эй, что с вами! — не теряя времени он вынул сотовый, позвонил в скорую.

Стоявший в тени Мамонт с досадой сплюнул — дело не доведено до конца. Хотя, возможно, коровки девку достаточно осушили, чтобы она уже не оклемалась. Так или иначе, а вечерок удался. А теперь пора сваливать.

Он поправил кепку и двинулся в сторону проспекта, монстры поплелись следом, прикрываясь зонтами от света фар, точно щитами. А равнодушный дождь продолжал окроплять вечерний город. Ему было плевать и на умирающую девушку и на чудовищ. Вообще на всё.

* * *

— Теперь я снова с в строю, — уже более бодрым голосом заявил Ярослав. — Странно такое говорить, но я даже рад, что в городе завелись мрази. У меня теперь есть враг. Мне необходим враг. А бухать я перестану. Слово даю.

— Кому, мне? — усмехнулась Марина.

— А хотя бы и тебе. Всё, считай ты свидетель.

Ярослав улыбнулся и словно бы помолодел, а его взгляд остановился на Марине. До этого она не замечала, какие у него ярко-синие глаза, способные лучиться весельем и мальчишеским задором. Она тоже улыбнулась. Ей захотелось смотреть так на него подольше.

— Договорились...

Дыхание Марины вдруг сбилось, в голове будто колокол зазвенел и тревожно стало, тяжело.

— Ты в порядке? — забеспокоился Ярослав.

Она мотнула головой. Паника подкатила к горлу тошнотворным комком, перекрывшим воздух.

— Нет, я не в порядке. Что-то случилось. С сестрой. Я это чувствую, — приложила ладонь к груди. — Вот здесь чувствую. Мне нужно в город! Срочно!

* * *

Варвара зашла в оздоровительный центр. Охранники поклонились ей, точно поданные королеве. Она, проигнорировав их жест, пересекла холл, проследовала в западное крыло здания, спустилась в лифте в подвал, куда вход был разрешён лишь для неё и для нескольких приближённых. Это была её особая территория. Здесь царил холод и горели тусклые лампы, как-то неохотно распространяющие голубоватый свет. Здесь Варвара могла быть сама собой.

Она сбросила одежду, расправила плечи, выдохнув в сумрачное пространство облачко пара. Блаженство! Наконец-то холод! Такой же, как в её родном мире, где царит лёд, где небо постоянно затянуто тучами, сквозь которые лишь изредка пробиваются лучи громадной синей звезды. Мир где водятся существа, от одного вида которых любой человек сойдёт с ума, где пространство воет, будто самому воздуху, земле непрерывно причиняется невыносимая боль.

Больше двухсот лет прошло с тех пор, как Варвара оттуда сбежала. Пришлось, ведь высшие Архонты приговорили её к смерти за множество преступлений. А здесь она в безопасности. Здесь у неё постоянно есть пища. Жизненная сила людей оказалась очень

даже питательной.

Она раскинула руки, тяжело задышала. Кожа начала становиться прозрачной и блестящей точно мокрый пластик, под ней были видны тёмные ветвистые вены и сухожилия. Зрачки сузились до крошечных точек, глаза заволокло голубой дымкой. С негромким хрустом из головы в области висков выдавились будто бы стеклянные рога — небольшие, сантиметров по пять. Черты лица обострились, подбородок вытянулся, губы стали тонкими, еле заметными и они кривились в странном подобии улыбки. Обращение явно доставляло Варваре удовольствие. Последним штрихом стало появление шипов на спине, они как и рога буквально выдавились из плоти, не повредив странным образом кожу.

— Хорошо, — прошептало существо и пар больше не шёл изо рта. Голос был чуть хрипловатым, похожим на хруст льдинок.

Плавно и даже изящно ступая по бетонному полу, Варвара зашла в большую комнату. На стенах сверкал иней, среди помещения располагалось сооружение, чем-то напоминающее гнездо, но сделанное из каким-то белёсых волокон. В этом «гнезде», в спячке, существу предстояло провести весну и лето, но перед этим насытиться жизненной силой до предела. Таков был цикл, на который Варвара повлиять не могла.

— Хорошо, — повторила она.

И будто ей в ответ из угла комнаты раздался скулёж. Там, прикованный наручниками к металлический стойке, сидел прыщавый парень с рыжей копной волос. Его колотило не только от холода. Ему нужна была доза.

Варвара, двигаясь столь же плавно, как и раньше, подошла к нему. Парень поднял на неё измученный взгляд, замотал головой.

— Нет, тебя не существует. Меня глючит, всего лишь глючит.

— Да неужели? — в голосе Варвары не было ни единой эмоции, все эмоции как будто были покрыты тем же инеем, что и стены вокруг. — Но вот ведь я здесь, перед тобой, мальчик. Тебе страшно, но, поверь, страх скоро пройдёт. Тебе будет хорошо и спокойно.

— Я хочу домой.

— Когда-нибудь. Может быть.

Её настроение было ровным, перепады случались только когда она была в человеческом обличье. Парень взгляделся в её лицо и, осознав, что это не галлюцинация, заорал — надрывно, визгливо. Он дрожал всем телом и кричал, выпучив ошалелые глаза. Варвара согнулась, издала глухой утробный звук и изрыгнула себе на ладонь вместе со слизью жирного красного червя. Повторила меланхолично:

— Сейчас тебе будет хорошо и спокойно. Страх пройдёт.

Червь извивался на её ладони. Варвара могла породить разные виды червей. Одни предназначались для создания сборщиков, другие для иных видов монстров. Красные — для создания ищек.

Парень давился собственными воплями, его джинсы стали мокрыми. Варвара не спешила. Она просто стояла и равнодушно взирала на того, кого собиралась обратить в чудовище. Её глаза походили на голубые льдинки и в них не было ни злобы, ни какой-то особой радости.

— Время пришло, — сказала она наконец и молниеносно запихала червя в рот наркоману. Тот успел лишь охнуть, а потом захрипел, задёргался.

Варвара отошла, отвернулась, потеряв всякий интерес к парню. Она своё дело сделала, теперь оставалось только дожидаться, когда червь превратится в нечто иное, пустит корни в

организме, как раковая опухоль пускает метастазы. На это уйдёт время, процесс создания ищек более длительный, чем процесс создания сборщиков.

Она забралась в «гнездо», улеглась, наслаждаясь холодом.

— Хорошо.

Ей вспомнился ледяной мир; молнии, пронзающие чёрные тучи; леса из гигантских каменных образований, отдалённо напоминающих деревья; дворцы высших Архонтов, башни которых терялись в небесной тьме. Как бы ей хотелось снова попасть в свой мир — хотя бы на час. Но пути назад нет, портал просуществовал всего минуту и исчез навсегда.

Наркомана больше не трясло. Он сидел с блаженной улыбкой, его глаза закатились, обнажив белки с лопнувшими сосудами. Варвара не обманула парня, ему действительно стало хорошо. Наркотик, который выпустил червь, вызвал эйфорию.

Глава девятая

Ей поверили. Все поверили, не усомнившись ни на мгновение, будто способность чувствовать боль родного человека на огромном расстоянии — это вещь обыденная. Марина была за это им благодарна, не пришлось что-то доказывать, описывать свои ощущения. А если бы пришлось... возможно, случилась бы истерика.

— Мне надо в город! — она твёрдо смотрела в глаза Нонне. — Дайте мне ключи от газели, — и добавила после паузы: — Пожалуйста.

Да, ей поверили, однако это вовсе не означало, что стоит ждать безоговорочной поддержки. В конце концов, сейчас уже почти ночь, все устали.

— Во-первых, за руль моей машины сажусь только я, — довольно холодно ответила Нонна. — Во-вторых, ты одна никуда не поедешь.

— Это моё дело.

— Нет больше твоих дел. Теперь все дела — наши. Привыкай. Мы как мушкетёры: один за всех и все за одного. Только так и никак иначе. Я отвезу тебя в город, и сама постараюсь всё выяснить, чтобы ты лишний раз не светила.

— Я с вами, и это не обсуждается, — встрял Ярослав.

— Мы все поедem, — заключила Инга. — А про мушкетёров мне понравилось. Кто из нас Д, Артаньян?

— Можно я? — поднял руку Вадик, словно ученик в классе.

Марине было не до шуток, но легкомысленное поведение Инги и Вадика немного разрядило внутреннее напряжение — так, что стало полегче.

Через несколько минут газель уже выезжала с территории коттеджного посёлка. «Дворники» расчищали лобовое стекло от дождевых капель, урчал двигатель. Марине казалось, что машина движется ужасно медленно, ей хотелось сказать Нонне, чтобы та вдавила педаль газа в пол, однако здравый смысл, хоть и с трудом, но всё же пробивающийся сквозь пелену тревоги, подсказывал, что следует сохранять благоразумие. «Спокойствие, только спокойствие!» — крутились в голове слова известного сказочного персонажа. Впрочем, эта мантра не слишком помогала.

— Куда конкретно едем? — спросила Нонна, не отрывая взгляда от дороги.

— Сначала к сестре, — Марина назвала адрес и добавила: — Хотя, я уверена, что она не дома. Если так, поедem на станцию скорой. Там есть человек, которые поможет всё выяснить. Василий Иванович. Сегодня как раз его дежурство.

Она прильнула к окну, взгляделась в дождливый мрак, в котором, будто мрачные великаны, проступали чёрные деревья. Ей мерещилось, что среди этих лесных сосен и елей

таятся чудовища. Их не видно, но они наблюдают.

Как и предполагалось, Татьяны дома не оказалось. Поехали на станцию скорой. За Василием Ивановичем Нонна отправила Ингу, остальные остались в Газеле, дабы лишней раз не подвергать себя опасности быть обнаруженными. Марина изнывала от неизвестности, выдержка стремилась опуститься к нулю по шкале терпеливости. Был бы салон Газели комнатой, ходила бы из угла в угол, не находя себе места. Ожидание ей казалось пыткой.

Но вот и Василий Иванович — забрался в машину вслед за Ингой. Повезло, что был не на выезде.

— Марина, что происходит? — он был предсказуемо встревожен. Даже не поздоровался.

— Мне нужна помощь. Таня...

— Да знаю я. Твою сестру час назад бригада Антонова забрала. Она была без сознания, её в больницу отвезли. Я звонил туда, она в реанимации, состояние стабильно тяжёлое. Пока неясно, что с ней. Я и тебе, чёрт возьми, раз сто пытался дозвонится! Что с твоим телефоном? — от возмущения, с его пышными усами, он стал похож на агрессивного моржа.

— С телефоном проблема, — рассеянно отозвалась Марина. В её голове огненными буквами горели слова: «состояние стабильно тяжёлое!» — Что вообще с Таней случилось?

— Неизвестно, — вздохнул Василий Иванович, потупив взгляд. — Её мужик один обнаружил, в скорую позвонил. Она просто лежала на асфальте в переулке.

Марина подумала, что могла бы и не задавать этот вопрос. И так понятно, что случилось с сестрой — мрази напали! Взяли, суки, и напали на девушку, которая даже не подозревала об их существовании! И как это расценивать? Как месть ей, Марине, посмевшей прыгнуть в кроличью нору?

— Сама понимаешь, в реанимацию тебя не пустят, — Василий Иванович взял её за руку. — Можешь, конечно, съездить в больницу, но тебе сообщат тоже самое, что я сообщил. Я буквально десять минут назад туда звонил.

Марина поникла, всхлипнула, жалея себя и сестру. Хотелось прильнуть к Василию Ивановичу и разреваться в голос, как маленькая девчонка. А потом вдруг стыдно стало за эти слёзы и она, резко выдохнула, расправила плечи. Отчаяние сменилось злостью, как в те времена, когда она выползала из болота страха и уныния после нападения наркомана.

— Я раздобуду телефон, — в её голосе появились ледяные нотки. — Буду вам звонить. А вы постоянно узнавайте, как там Таня.

— Разумеется, — кивнул Василий Иванович. — А теперь давай, рассказывай, что вообще происходит. То, что ты попала в беду, и так понятно, но хотелось бы конкретики.

— Вам лучше этого не знать, — встряла Инга.

Он зыркнул на неё гневно.

— Девочка, я сам разберусь, что мне знать, а что не знать! — прошёлся взглядом по салону. — Кто вы вообще? Марин, кто эти люди?

— Они мои... друзья. И да, Василий Иванович, вам действительно лучше не знать, что происходит. Уж простите. Это в целях вашей же безопасности. Вы для меня как родной, не хочу, чтобы с вами случилось тоже, что и с Таней.

А вероятность такая была, Марина это чётко сознавала. Уже то, что она встретила с Василием Ивановичем, подвергало его опасности. Кто знает, вдруг, решив ей отомстить, хозяева мразей решили уничтожить всех близких для неё людей? В этом был какой-то лютый, тупой смысл, который хоть и с трудом, но укладывался в голове.

— Ладно, — поморщился Василий Иванович. — Не хочешь, не рассказывай. Но знай, Марин, если понадобится моя помощь, я всегда помогу. Всё, мне пора. Работа, — он взглянул на Нонну, верно расценив, что она главная. — Берегите её, ясно? Если с ней что-то случится, клянусь, я разыщу вас и...

— Вам пора, — прервала его Нонна. — У вас работа, не забыли?

Наградив её суровым взглядом, Василий Иванович вышел из Газели. Нонна обратилась к Марине:

— Я понимаю, всё в тебе сейчас требует поехать в больницу, но там мы можем угодить в ловушку. Не исключено, что нападение на твою сестру, это часть их плана, чтобы выманить тебя. Да и нас заодно.

— Мне больно, Нонна, и я очень, очень сейчас злая, но мозги я ещё не растеряла, соображаю, что к чему, — процедила Марина, сжав кулаки. — Мы не поедem в больницу. Поедем в парк, к театру. Хочу пообщаться с духом города.

— Что ж, в парк так в парк.

* * *

К театру прибыли, когда время уже приближалось к полуночи. Свет фонарей с аллеи с трудом пробивался сквозь завесу дождя и едва озарял полуразрушенную старую сцену и пожухлую листву тополей.

Сжимая ручку чёрного зонта, Марина повернулась на месте, выкрикнула:

— Ты ведь всё видел! Видел, как напали на мою сестру! Неужели ты настолько беспомощный, что не смог ничего сделать? Ну же, ответь мне, хоть как-нибудь ответь!

Нонна, Ярослав, Инга и Вадик стояли в сторонке. Они понимали, что Марина сюда приехала, чтобы выплеснуть злость, избавиться от части kloкочущего в ней гнева, и не вмешивались.

— Не верю, что ты можешь только наблюдать! — распалаясь Марина. — Не верю! Почему ты не помогаешь? Это ведь тебе требуется помощь, а сам...

Она умолкла на полуслове, потому что увидела, как среди тополей засверкали дождевые струи, словно в каждой капле бесновались миниатюрные молнии. Зашумели листвой деревья, фонари на аллее замигали. А потом появился оно — сияющие, туманное. Существо пролетело над мокрой землёй, дождь будто бы расступался перед ним, образуя что-то вроде искрящегося тоннеля.

— Ты видел, что случилось, — уже без прежней злости сказала Марина. — Я знаю, что к этому причастны чудовища, но хочу знать подробности. Покажи. Я знаю, ты можешь. Сделай хотя бы это.

Дух города парил над сценой. Он явно сомневался, пытаясь принять решение.

— Почему ты не хочешь помочь? — в голосе Марины прозвучал печальный упрёк. — Я не о моей просьбе показать, что случилось с Таней. Я о чём-то большем. Нас всего пятеро против кучи монстров и тех, кто за ними стоит. Силы не равны. Неужели ты не можешь что-то сделать, чтобы у нас был хоть какой-то шанс победить?

После долгой паузы существо кивнуло, после чего медленно поплыло к Марине, окутало её своим сиянием. И она увидела тёмный переулок, Таню, двух монстров. И толстяка. О да, этот ублюдок тоже там был. Теперь не оставалось сомнений, кого конкретно нужно винить в случившемся. Видение померкло. Пролетев сквозь Марину, дух города почти потерял своё сияние. Он взмыл над эстрадой и растворился среди дождя. Но Марина чувствовала, что его часть осталась в ней, что мистическое существо поделилось с ней своей сутью. Она ощущала

себя какой-то иной, обновлённой. Как всё это расценивать? Как то, что дух города пожертвовал собой? Не потому ли он сомневался? Но какой во всём этом смысл?

Она спустилась со сцены, подошла к остальным.

— Что-то странное случилось. Со мной.

— В смысле? — Ярослав смерил её взглядом.

— Я... я не знаю. Но уверена, скоро всё прояснится. Дух города... он что-то сделал.

Нонна пожала плечами.

— Говоришь загадками. И да, все мы видели, что, пройдя сквозь тебя, он почти потерял свой свет. Как ты себя чувствуешь?

— На удивление хорошо, если не считать, что моя сестра в реанимации. Кстати, он мне показал, что случилось. Это Мамонт организовал нападение на Таню, — она взглянула на Ярослава. — Ты сегодня сказал, что тебе необходим враг. Пожалуй, мне тоже. И он у меня теперь есть. Никогда никому не желала смерти, даже тому наркоману, что меня порезал, но... сейчас желаю, чтобы толстяк сдох. Он заслуживает смерти, как никто другой. Ублюдохк натравил чудовищ на Таню, чтобы отомстить мне. Такая подлость выше моего понимания. Это уже за гранью.

— Он сдохнет, — твёрдо заверил Ярослав, — это я тебе обещаю, Марина. Давно руки чешутся, свернуть этому говнюку его жирную шею.

— Ладно, нечего тут под дождём торчать, — поставила точку Нонна. — Поехали домой, от усталости с ног валюсь.

Покинули парк, сели в Газель. Вадик примостился на сиденье рядом с Мариной. Когда Нонна завела двигатель, он заговорил тихо:

— Мне жаль, что с твоей сестрой такое случилось. И я знаю, что ты сейчас чувствуешь, знаю, что это такое, когда приходит большая беда. Но, твоя сестра жива, а мои брат с сестрой погибли. Колька и Зоя... маленькие совсем были. Сгорели, — он прервался, видимо, погрузившись в печальные воспоминания, затем угрюмо продолжил: — Мамка в тот день как обычно бухала. Помню, она сидела на диване с потухшей сигаретой во рту и бубнила: «где зажигалка, где зажигалка...» А глаза были, как у дохлой рыбы. Это почему-то лучше всего запомнилось. Там ещё Витёк был, её очередной хахаль. Он мамку в магаз потащил. Когда свалили, я со стола взял остатки еды и отнёс Кольке с Зоей. Они в своей комнате сидели, шушукались о чём-то. И я видел, что они что-то спрятали под половиком. Я спросил, что у них там, а Зоя сказала: «Отстать, мы играем», а Колька язык мне показал. Я не стал смотреть, что они там прятали, не очень мне это было интересно. Я просто ушёл в свою комнату. Уснул. На улице уже стемнело, вечер был. Ну почему я не просмотрел, что Колька с Зоей прятали под половиком? Всего лишь нужно было поднять половик и поглядеть, и тогда всего этого не случилось бы. А они там зажигалку прятали. У мамки стащили. Они в своей комнате что-то подпалили и пожар случился. Пожарные только меня смогли спасти. А мамка с Витьком в это время где-то квасили. Мне теперь постоянно огонь снится, и я иногда чую запах дыма, даже когда ничего не горит.

— Это тогда у тебя случилась клиническая смерть? — спросила Марина, чувствуя, как к горлу подкатил горький комок.

— Ага, — вздохнул Вадик. — Я чуть дымом не задохнулся, еле откачали. Доктор сказал, что я в рубашке родился. А вот Колька с Зоей... иногда я думаю, что лучше бы они вообще не рождались. Родились, чтобы скоро погибнуть. Это неправильно.

Марина обняла его, крепко прижав к себе.

— Согласна. Это неправильно. Очень неправильно.

Она подумала, что, какая бы беда не случилась, всегда найдутся люди, которые пережили несоизмеримо большее горе. Должно ли это утешать? Кого-то, возможно, и утешит, но не её. Легче от истории Вадика не стало. Она могла лишь разделить с ним душевную боль.

Холодный осенний дождик продолжал властвовать в ночном городе. Он был монотонный, скучный. Даже промокшие дома не желали на него глядеть, закрыв окна-глаза шорами темноты. Безлюдные улицы, дворы и подворотни, будто бы дремали, отдыхая от суеты, лишь по проспекту двигались редкие автомобили, пробивая себе путь сквозь ненастье светом фар.

Всё ещё обнимая Вадика, Марина рассудила, что она перенасытилась событиями. Это уже конкретный перебор. Не жизнь стала, а какой-то безумный калейдоскоп, в котором жутковатые узоры сменялись с дикой скоростью. Притормозить бы, но как? Это всё словно в кошмарном сне, когда ощущаешь опасность, но ничего не можешь поделать, потому что сон диктует свои жестокие правила. Если в ближайшее время ещё что-то случится, можно и спятить — рассудок не железный, у него есть свой предел, перегорит точно лампочка, и все дела.

Едва Марина об этом подумала, как случилось нечто такое, что ввергло её в шок. Она ощутила город, будто он был частью её самой. Мощно ощутила, так, что аж дыхание перехватило. Непонятным образом почувствовала присутствие нескольких тысяч живых существ в радиусе в десяток километров. И она с точностью могла сказать, что некоторые из этих существ очень не нормальные. Это были чудовища.

— Нонна, остановите машину! — ей с трудом удалось сдержаться, чтобы не выкрикнуть эти слова истерично.

— Что опять стряслось?

— Просто остановите машину. Прошу вас. Мне нужно выйти.

Вадик, Ярослав и Инга смотрели на Марину требовательно, явно ожидая, что та объяснит, в чём дело. Но она и сама пока не понимала, что именно случилось, ей нужно было время на осознание.

Нонна остановила Газель у обочины шоссе. Марина вскочила с сиденья, лихорадочно открыла дверцу и выскользнула наружу, не прихватив с собой зонт. Её сейчас меньше всего заботило, что она может промокнуть. За ней последовали остальные.

— Да объясни же ты, наконец! — разозлилась Инга. — Какого хрена происходит?

Марина повернулась на месте, прислушалась к своим странным ощущениям и указала рукой на пятиэтажный дом.

— Вон там, в двухкомнатной квартире на третьем этаже обитает мразь. Это однорукий старик в очках с толстыми линзами. Я его вижу прямо сейчас. Он просто сидит в кресле и пялится в неработающий телевизор. — она посмотрела в другую сторону. — А вон там, за школой, в девятиэтажке, молодёжь устроила попойку. Все уже вусмерть пьяные. Кроме одной. Это девушка, она вытягивает жизнь из спящего парня.

— Откуда ты... — начал Ярослав.

— Дух города, — прервала его Марина. — Это всё он. Я ещё там, в парке почувствовала, что он что-то странное сотворил, — она поёжилась. — Мне от всего этого не по себе. Я ощущаю город, людей, мразей.

— Бойся своих желаний, — загадочно произнесла Нонна.

— Вы о чём?

— Не ты ли упрекала его, что он не помогает? Ну вот, теперь помог, наградил тебя даром. Правда, подозреваю, он ещё и цену высокую заплатил, учитывая, что его сияние померкло.

Марина замотала головой.

— Нет, я не об этом его просила. Не хочу всё это видеть, ощущать. Это жутко, — ей казалось, что в сознании прорвало барьер и бурным потоком хлынула тяжёлая для понимания информация. И теперь никак этот поток не остановить. Дар? Едва ли. Больше похоже на проклятие.

Вадик глядел на неё, открыв рот от изумления, Ярослав и Инга смотрели с сочувствием, будто она заболела смертельной болезнью. Нонна положила ей руку на плечо.

— Что конкретно ты ощущаешь?

Марина поморщилась.

— Город теперь для меня как открытая книга, я могу открыть любую страницу этой книги и уже буду знать, что там написано.

— Очень образно. И ты можешь видеть мразей на расстоянии?

— Могу. Не совсем видеть, просто в голове рисуется картинка, — Марина устремила взгляд на проспект. — Вон в той стороне, в общежитии, сейчас находится около десятка мразей, — посмотрела направо. — А вон там наркоманский притон, чудовищ там тоже хватает. Куда не взгляну, тут же в голове рисуются образы. И как мне с этим жить-то? Я не могу это отключить, Дух города не вставил мне в мозги рубильник.

— Охренеть! — выдохнула Инга. — Всё чудесатее и чудесатее. Я бы от такой способности не отказалась, и плевать на рубильник.

Марина сердито сдвинула брови.

— Способность, дар... Ну, как ещё эту хрень назовёте? Вы не понимаете, у меня в голове сейчас полный сюр. Ощущение, что я спятила. Вижу мразей, людей и часть меня сомневается, что это правда. Но, чёрт возьми, это всё реально! Если так дальше продолжится, мне одна дорога — в психушку.

— Не нагнетай! — строго сказала Нонна. — Возьми себя в руки! Да, для тебя всё это сейчас, как обухом по голове, но я уверена, Дух города не сделал ничего, чтобы тебе навредить. Более того, не сомневаюсь, что твоя способность нам поможет. Как любил повторять мой муж: время покажет. А теперь живо все в машину, дома будем размышлять, что к чему.

Снова заняли места в Газели, поехали. Марина тёрла пальцами виски, словно это как-то могло помочь избавиться от мелькавших в сознании образов. Ей хотелось быть оптимисткой и верить, что Нонна права, и Дух города действительно распорядился частью своей сути очень достойно. Но, пока оптимисткой быть не получалось. Возможно, тому виной случившаяся с Таней беда и усталость.

— Всё наладится, вот увидишь, — сказал Вадик и даже, несмотря на обстоятельства, умудрился улыбнуться, хоть улыбка и получилась натянутой.

— Твои слова да Богу в уши, — буркнула Марина. — Но, спасибо за поддержку.

Газель выехала за пределы города и образы померкли. Всё стало почти как раньше, если не считать ощущения, что в голове поселилось нечто инородное. Это не доставляло физического дискомфорта, но настораживало. Марина глядела в окно и не видела ничего, кроме проступающих в темноте деревьев.

— Всё наладится, — шёпотом повторила она слова Вадика.

Порой некоторые фразы нужно произнести вслух, чтобы они подействовали исцеляюще. Вот она и произнесла, и почувствовала себя лучше. Паника уступила место допущению, что, возможно, всё не так плохо. Быть может, способность видеть мразей на расстоянии — это действительно дар, не проклятие. Нужно только свыкнуться, разобраться, как следует осознать. Получится ли? Время покажет.

Глава десятая

— Вот, прошу любить и жаловать, это Рыжик, — Варвара с обворожительной улыбкой погладила по голове растрёпанного парня, который сидел у её ног, словно верный пёс. — Ну, по крайней мере, он так представился. А мне нравится. Рыжик — это звучит красиво и оригинально, согласитесь?

Семён и Мамонт кивнули, хотя по поводу клички наркомана были с хозяйкой не согласны. Всех этих Рыжих, Рыжиков — как собак не резанных. У каждого второго, у кого волосы красноватого оттенка, такое погоняло. Что тут оригинального? И тем более, красивого? Это доказывало, что у Варвары какое-то иное восприятие.

Они стояли в гостиной её дома, стараясь не дрожать от холода. Был уже вечер. Хозяйка позвонила им час назад, сказала, что ищейка готова действовать и пора начинать охоту. Семён, конечно, предпочёл бы подождать до утра, но, слово Варвары — закон. Пора так пора. Ночь обещала стать не скучной.

— Вслух говорите! Нечего мне тут кивать! Ишь, кивуны нашлись.

— Да, мы согласны, — ответил Семён. Он подумал, что к резким переменам в настроении хозяйки просто невозможно привыкнуть.

— Согласны, — промямлил Мамонт.

— Ну и отлично, — Варвара сгорбилась, грубо взъерошила волосы Рыжика, уголки её губ обвисли, сделав её похожей на угрюмую старуху. — Теперь в вашей команде, он главный. Будете его слушаться как меня.

— Он же торчок! — неосмотрительно возмутился Мамонт.

Глаза Варвары блеснули. В мгновение ока она очутилась возле толстяка, схватила его за шею и выдохнула ему в лицо:

— Ты что-то сказал, гадёныш?

— Нет, нет... это я так, не подумав. Прошу прощенья, — просипел Мамонт, плаксиво.

— Прощаю, — Варвара отпустила его шею, подошла к креслу, вальяжно развалилась в нём, закинув ногу за ногу. Рыжик тут же подполз к ней, подставил голову, явно желая, чтобы хозяйка снова его погладила.

Семён тщательно скрывал своё отвращение. Возмущение Мамонта он полностью разделял. Подчиняться наркоману, который ещё вчера готов был за дозу мать родную прирезать — это уж слишком.

— Приведёте Рыжика в то место, где наши враги в последний раз засветились, а дальше он разберётся, что к чему, — заявила Варвара, снова став благодушной.

— Всё сделаем, — заверил Мамонт. — Приведём, покажем.

Семён уже было собирался ответить хозяйке в том же духе, что и напарник, но сдержался. Не хотелось лишний раз изображать подобострастие.

Дом они покинули уже втроём. Рыжик забрался на заднее сиденье Джипа, щёлкнул пальцами.

— Погнали!

— Попридержи язык, утырок, — разозлился Мамонт. — Ты это «погнали» своей конченной мамаше будешь говорить.

— Чего-о? — протянул парень, подняв правую бровь. — А ты не охренел, жирдяй? Забыл, кто здесь главный? Я ведь прямо сейчас могу пойти к хозяйке и стукануть, что ты меня оскорбляешь. Я теперь её любимчик, она за меня тебе пасть порвёт. Ты ведь знаешь, на что она способна, а? — он ухмыльнулся, откинувшись на сиденье. — Ладно, проехали. А теперь, погнали. И музычку включите, да погромче.

Семён стиснул зубы и завёл двигатель, глядя на парня в зеркало заднего вида. Тот походил на туго обтянутый желтушной кожей скелет, глаза на выкате, волосы точно рыжее воронье гнездо. Позавчера этот нарик выглядел, как оголённый нерв, а сейчас в нём сквозили уверенность, наглость. Какого рода монстра из него сотворила Варвара? Семён поймал себя на мысли, что не хочет знать ответ на этот вопрос, но, увы, узнать скоро придётся. Впрочем, каким бы чудовищем Рыжик не стал, былой ублюдочный тип никуда не делся.

Джип двинулся по освещённой фонарями улице посёлка. В это время здесь уже было совершенно безлюдно, будто при комендантском часе. В воздухе стояла морось, сонно крутились лопасти декоративных ветряков возле дома Варвары.

— Придумал! — ощерился Рыжик. — Тебя, жирдяй, я буду звать Свинотой. Ну согласишься, ты ведь похож на свиноту. А тебя, — он взглянул на Семёна. — Какую же кликуху тебе дать? Ага! Будешь Буратиной. Нос у тебя длинный. Как вам, а, чувачки?

Семён сжал руль так, что костяшки заломило.

— Слушай сюда... чувачок. Сказать, что ты меня бесишь, это значит ничего не сказать, и моё терпение может скоро закончиться.

— Нихера себе! — пискляво рассмеялся Рыжик. — Буратино у нас оказывается угрозами кидаться горазд. А я всё Варваре расскажу.

— Да пофиг, рассказывай кому хочешь.

— Смелый, да? Посмотрим, какой ты будешь смелый, когда в следующий раз будешь перед хозяйкой стоять. И где, мать вашу, моя музычка?! Давай, Свинота, врубай приёмник, найди рэп какой-нибудь или другую херню.

И Свинота-Мамонт врубил приёмник. Громко, лишь бы только заглушить этого урода.

Автомобиль выехал за пределы посёлка. Стоя под чёрным зонтом, ему вслед глядел охранник с глазами столь же пустыми, как пересохшие колодцы.

* * *

Наконец-то вечер. Весь день Марина ощущала себя так, словно в ней сжималась стальная пружина, ожидание доставляло душевную боль. Но вот час настал — пора действовать. Теперь всё, что было направлено против монстров и их хозяев, она воспринимала, как месть за страдания сестры — мощнее мотивации и придумать сложно.

Способность, которую вчера ей подарил дух города, больше никак себя не проявляла, но Марина каждой клеткой тела ощущала, что та никуда не исчезла, она где-то там, внутри. Это одновременно пугало и обнадеживало. Сегодня, больше обнадеживало. Не нравилось только, что остальные иногда поглядывали на неё, как на диковинную зверушку, от которой неясно чего ожидать. Марина их за это не винила, потому что, глядя в зеркало, она смотрела на себя так же. Утром даже со своим отражением говорила: «Ты теперь другая, привыкай. И не смей бояться. Слышишь? Не смей!» Отражение кивнуло в ответ, в чертах лица появился намёк на воодушевление.

Но то было утром, а сейчас воодушевление перестало быть всего лишь намёком, оно превратилось в полноценную уверенность, что хозяева монстров не всесильны и им вполне можно дать достойный отпор. Уверенность эта была иррациональной, основанной не на фактах, а лишь на злости, но Марину это вполне устраивало. Пока внутри неё горело это топливо, она, как ей казалось, могла горы свернуть.

С территории коттеджа выехали всей группой в одиннадцать вечера и к полуночи уже были на месте. «Газель» оставили возле опушки на просёлочной дороге, после чего проследовали к «наблюдательному пункту», как этот небольшой холм назвала Инга. Впрочем, наблюдательным тот сегодня был лишь отчасти, потому что видимость из-за висящей в воздухе мороси была так себе. Даже в бинокль удавалось разглядеть лишь размытые очертания зданий и деревьев в экопосёлке.

— Такая погода нам на руку, — не унывал Ярослав. — Какая никакая, а маскировка.

Марина глядела на посёлок, и в голове у неё будто бы что-то шевельнулось, перед внутренним взором промелькнули неясные абстрактные образы, а потом она чётко ощутила энергетику десятков существ. Это было похоже на то, как вчера вечером она почувствовала в городе присутствие людей и чудовищ, но в этот раз всё случилось без шока, без паники. Марине подумалось, что дарованная духом города способность теперь под контролем, та за ночь словно бы прижилась, нашла свою ячейку в сознании и теперь работала, как хорошо отлаженный механизм.

— Там нет людей. Ни единого человека. Я ощущаю три десятка тварей, не таких как мрази, — Марина стояла с закрытыми глазами, ей не нужно было зрение, чтобы видеть обитателей посёлка. — И там есть ещё что-то. Вернее, кто-то. От этого существа исходят жуткие волны, даже на таком расстоянии я ясно и чётко ощущаю эту энергетику. Тёмную энергетику, холодную, по-другому трудно выразиться. Думаю, это существо и есть наш главный враг.

— Ну нифига себе! — восхитилась Инга. — Ты действительно всё это сейчас видишь, чувствуешь? А я уж грешным делом подумала, что вчера у тебя просто крыша временно поехала. А ты...

— Да, я всё это сейчас вижу и чувствую, — спокойно сказала Марина. — И мне больше не страшно.

В отличие от остальных, Нонна удивлённой не выглядела, она, похоже, была готова к тому, что дар духа города приживётся и начнёт приносить пользу. Её голос прозвучал деловито:

— Логично предположить, что то существо с холодной энергетикой, это Варвара. Как-никак, она там главная. Что ж, будем считать её хозяйкой чудовищ.

Ярослав поглядел на посёлок в бинокль.

— Дом с ветряками... это ведь там сейчас Варвара, верно, Марин?

— Даже не смей! — рявкнула Нонна. — Знаю, Ярослав, о чём ты подумал, но не смей менять наш план!

— Я и не собирался.

— Да я тебя насквозь вижу. А ну-ка давай отойдём, мне тебе кое-что сказать нужно. Кое-что личное.

Они отошли от остальных на десяток метров.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — Нонна сурово поглядела на Ярослава.

Тот дёрнул плечами.

— Вы о чём вообще?

— Я насчёт вчерашнего. Вчера с тобой и Вадиком что-то произошло, я чувствую. К тому же, я видела у мальчишки на запястье синяк, словно кто-то его сильно за руку схватил. Уверена, это не ты. Тогда ответь мне, кто?

Ярослав замаялся, отвёл взгляд.

— Ну да, мы ходили к интернату, было дело. И с нами там кое-какая хрень случилась. Но всё обошлось, все живы-здоровы.

Нонна покачала головой.

— Что-то подобное я и предполагала. Знаешь, если тебе на свою жизнь наплевать, то пацана в свои авантюры не впутывай, ему ещё жить да жить.

— Да понял я, — грубо отозвался Ярослав. — И нечего меня, как щенка отчитывать. Вы узнали, что хотели, тема закрыта.

— Тема не закрыта! — повысила голос Нонна и тут же осеклась, взяла себя в руки. — Не закрыта тема, Ярослав. Я это к тому, что сейчас в твоей голове очередная авантюра назревает, ты хочешь одним ударом решить все проблемы, забравшись в дом Варвары и прикончив её. Что, я не права?

— Это было бы лучшим вариантом, — выдавил Ярослав, впрочем, в его голосе ощущалось сомнение.

— Да, вариант был бы отличный, — сказала Нонна, сделав сильный акцент на «был бы», — если бы мы побольше знали об этой самой Варваре. Но мы ни черта о ней не знаем, кроме той информации, что в интернете прочитали. Тебе не приходило в голову, что она намного сильнее тех тварей, с которыми мы уже имели дело? Врага нужно сначала изучить, уж ты-то об этом побольше моего должен знать. Короче, придерживайся изначального плана, договорились?

— Угу.

— Ты понял меня?

— Да, чёрт возьми, понял, — раздражённо ответил Ярослав. — Придерживаться изначального плана. Разрешите выполнять? — он приставил ладонь к виску.

— Не кривляйся. И, прошу тебя будь осторожен. А, коли что-то пойдёт не так, мы не подведём, отвлечём внимание, подстрахуем, как и договаривались. Главное, не сомневайся в нас, но, если что, беги оттуда со всех ног.

* * *

— Так-так-так, и что тут у нас? — Рыжик прошёлся взглядом по территории возле детского интерната. — Значит здесь эти пентюхи засветились?

— Здесь, — буркнул Мамонт. — Но с тех пор уже часов тридцать прошло.

— Да пофигу.

В здании интерната свет не горел ни в одном окне. Полночь вступила в свои права. Спал охранник в своей будке, разгадав накануне кроссворд всего лишь на четверть, спали воспитатели и дети, дрых дворник в подсобке. Эта промозглая полночь будто бы нащёптывала миру: «Усни, я создана для того, чтобы отправлять всех в мир грёз».

Рыжик посмотрел на своих спутников с ехидной улыбкой.

— Эх, и чтобы вы без меня делали, дурошлёпы.

— Ты нихера ещё не сделал, — огрызнулся Мамонт. — Давай уже, покажи на что ты горазд.

— Ай момент, Свинота. Ай момент! Чудеса не терпят суеты.

Парень не спеша подошёл к скамейке, возле которой более чем сутки назад произошла небольшая баталия.

— Как же руки чешутся грохнуть этого утырка, — скривился Мамонт. — Будь моя воля, кишки бы ему выпустил.

— Но у тебя нет воли, — мрачно сказал Семён. — Как и у меня. Нашей волей теперь владеет Варвара, хорошо за неё заплатив.

— И не поспоришь. Но кое-что мы и без одобрения хозяйки можем сделать. Втихоря. Как я сделал.

Семён с подозрением посмотрел на напарника.

— Ты о чём вообще?

Мамонт выдержал паузу, после чего его пухлые губы растянулись в злорадной улыбке.

— Сеструха врачихи. Я с ней разобрался. До самой врачихи пока не добратся, так что я отыгрался на её сестре. Двух коровок на неё натравил, они почти досуха её жизнь выпили, — в его голосе самодовольства было через край. — Жаль не удалось замочить, там какой-то крендель объявился, всю фишку обломал. Ну ничего, ничего, может, она и не оклемается, коровки хорошо постарались.

— Ну ты и мудак, — процедил Семён. Он отлично помнил Таню ещё по школе, та училась в младших классах. Хорошая девчонка, весёлая, внешне похожая на Марину.

— Ага, я знал, что ты всё это не одобришь, — Мамонт достал сигареты, закурил. — Потому и рассказал. Мне теперь насрать на твоё мнение, усёк? Ты мне не начальник. Что, опять вдарить хочешь? Ну давай, только потом ходи и оглядывайся, я, может, и послабее тебя буду, но ножичек в спину воткнуть могу.

Сыпать ответными угрозами у Семёна не было ни малейшего желания. Он чувствовал себя опустошённым. Всё достало — и Мамонт, и Варвара, и такая жизнь. Хозяйка ещё и этого утырка Рыжика навязала, чтоб его. Сбежать бы в какую-нибудь глушь и забыть об этом чёртовом городе, о том, что приходилось делать.

Рыжик повернулся на месте, сделал глубокий вдох. Глаза ввалились вглубь черепа, черты лица обострились, из глазниц потянулись сотни тончайших медленно извивающихся белёсых нитей, они становились всё длиннее, длиннее.

— Я вижу, — прошипел Рыжик. — Вижу.

Прощупав пространство, нити обнаружили энергетические следы Ярослава и Вадика, которые за прошедшие сутки хоть и померкли, но всё ещё были различимы.

— Твою ж мать, — Мамонт временно забыл о сигарете в своей руке.

Семён, содрогнувшись, про себя произнёс те же слова. Когда-то он долго привыкал к виду сборщиков, они до сих пор вызывали у него отвращение, но эта тварь была ещё отвратней. Вылезшие из глаз наркомана нити навевали мысли о глубоководных опасных существах, которые своими щупальцами-стрекалами способны обжигать и уничтожать.

Хоть и в абстрактном варианте, но Рыжик увидел всё, что происходило здесь позавчера: крупный мужик, у которого случился какой-то приступ, пацан, сборщики. Пацан бьёт сборщиков электрошокером...

— Нахер всё это, — пробормотал Рыжик. Ему ни к чему было знать, что здесь случилось, он должен выяснить, куда рванули тот мужик и пацан.

Нити потянулись к проходной интерната, монстр двинулся в этом направлении, отсеивая в голове ненужную информацию и игнорируя энергетические следы сотен побывавших здесь людей. А вот и нужные следы, выглядевшие, как застывшие в

пространстве туманные трассы. Они вели к лесу.

— Эй, дурушлёпы! — выкрикнул Рыжик, указав на чёрную стену деревьев. — Нам туда! Ноги в руки и потопали!

— Ну нормально, — проворчал Мамонт. — Нам что теперь, посреди ночи по лесу шариться?

— Похоже на то, — вздохнул Семён. — Тащи фонарики, Свинота.

— Да пошёл ты... Буратино.

* * *

Ограда была невысокой, на то, чтобы её перелезть у Ярослава ушло всего несколько секунд. И вот он на территории посёлка. Всё было тихо. Повсюду темнели островки декоративного кустарника, и бывший спецназовец расценил их как потенциальные укрытия — если что, будет где спрятаться. Впервые за долгое время он чувствовал себя в своей тарелке, в нём горел азарт, и никакого волнения, а тем более страха. И да, Нонна оказалась достаточно проницательной, чтобы раскрыть его помыслы, ему невыносимо хотелось проникнуть в дом Варвары и прикончить сучку. Но он дал слово этого не делать, а значит, придётся ограничиться всего лишь сбором информации. Пока ограничиться.

Крадучись, Ярослав добрался до стены одного из домов, выглянул. Отсюда отлично был виден въезд в посёлок. А где охранники? Дрыхли? Ну а что ещё делать такой промозглой ночью? Тут ведь не секретная военная база, чтобы патрулировать территорию. Хотя, поправил себя Ярослав, секретов здесь наверняка хоть отбавляй. Мысленно усмехнувшись, он добежал до следующего дома, выждал несколько секунд, оценил обстановку и рванул к оздоровительному центру.

* * *

Семёну казалось, что, пробираясь по тёмному лесу, они с Мамонтом идут вслед за какой-то инопланетной медузой. В свете фонариков, в окружении мокрых деревьев и коряг, вылезшие из глаз Рыжика нити выглядели ещё более жутко, чем раньше. Эти белёсые тонкие «черви» касались коры, палой листвы, веток кустарников, будто бы изучая всё, что попадалось на пути.

— Продрог совсем, — пожаловался Мамонт. — Нужно было бухла в фляжке захватить. Глоточек мне сейчас не помешал бы.

— И желудей, — услышал его нытьё Рыжик. — На закуску. Свиноты обожают жёлуди, — он издевательски захрюкал, ему это абсолютно не мешало и дальше прощупывать пространство. — А ты чего молчишь, Буратино? Давай, ляпни что-нибудь. Папа Карло не обижает? А Мальвину ещё не трахнул? Или ты предпочитаешь Пьеро? А может, этого... как там пса звали... О, вспомнил, Артемона?

Семён ничего не ответил, сдержался, но подумал о пистолете, который находился во внутреннем кармане его кожаной куртки. Пистолет был газовый, переделанный под боевой и стрелять из него ни в кого ещё не приходилось, да и желания особого не было. До этой ночи. Сейчас в прямом смысле руки чесались достать пушку и всадить пулю в затылок шествующему впереди чудовищу. Это же так просто, достать, нажать на спусковой крючок и... Нет, об этом лучше не думать, такие мысли до добра не доведут, грохнуть Рыжика означает почти тоже самое, что покуситься на саму Варвару.

Из леса выбрались на трассу и шли по ней километра полтора. Этот путь казался Семёну пыткой именно из-за Рыжика, тот без устали источал оскорбления, явно получая от этого какое-то извращённое удовольствие. А искушение росло, ширилось, пистолет в

кармане так и просился в руку.

— А мне вот интересно, почему вы именно меня привезли к Варваре? — сказал Рыжик, свернув с трассы на дорогу, ведущую в коттеджный посёлок. Нити извивались над бетонными плитами, продолжая указывать нужное направление. — Я что, показался вам каким-то особенным?

Мамонт коротко хохотнул.

— Это ты-то особенный? Обычный обдолбыш. Мы заявили в притон и схватили первого, кто нам попался. Хозяйка сказала привезти кого-нибудь, мы и привезли.

— Ну и гондон ты, Свинота, мог бы и соврать, — впервые в голосе Рыжика прозвучало раздражение. — А знаете, я вам благодарен. Правда. Валялся бы я сейчас в отключке в этом самом притоне. Ну, или шарился бы в поисках дозы. А теперь мне всё это пофигу, мне сейчас и без дозы кайфово. Я, мать вашу особенный. Ещё какой особенный. У меня новая жизнь началась.

— Ты стал монстром, если ещё не заметил, — съязвил Мамонт.

— Да похеру.

«И я стал монстром, — сказал себе Семён. — Причём уже давно, когда начал работать на Варвару». Чем он отличается от того же Рыжика? Тем, что нити из глаз не вылезают? А по сути ведь такое же чудовище с гниющей душонкой. И если этому наркоману всё похеру, то ему... а что ему? С чего вдруг вообще задумался над этим? Совесть пробудилась после долгой спячки? До этого жил себе, творил всякое дерьмо и ничего, всё было как будто нормально, а сейчас... Что пробудило совесть? Неужели то, что Мамонт совсем спятил и попытался убить сестру Марины? Пожалуй, что так, это стало последней каплей. Не хотелось больше иметь дело с жирным ублюдком. И с Рыжиком. И, тем более, с Варварой. Вот только выхода из этой беспросветной тьмы нет, попытаешься из неё сбежать — угодишь в пропасть.

— Пришли, — заявил Рыжик. — Вон тот дом, там их логово. Я ощущаю следы трёх баб мужика и пацана.

— Нормально, — оживился Мамонт. — Одна из этих баб та врачиха. Сука. Собственными руками сверну ей шею. Но сначала медленно буду сдирать с неё кожу. Медленно. Сдирать, — он как-то по-змеиному облизал губы.

Даже в темноте Семён разглядел, как блестят глаза толстяка, и было в этом блеске что-то звериное, дикое.

— Сейчас в доме никого нет, я чувствую, — со скучающим видом сказал Рыжик. — Но, думаю, скоро они вернутся. Нужно Варваре звонить, пусть присылает сюда команду для зачистки. Давай, Буратино, звони, или ты хочешь самолично тут засаду устроить?

Телефон лежал в под сумке на поясе, однако рука Семёна нырнула во внутренний карман куртки, ладонь обхватила пистолет. Просто невыносимо захотелось сделать в этой чёртовой жизни хоть что-то правильное. Чтобы душа перестала гнить.

Глава одиннадцатая

В оздоровительном центре должны быть охранники, Ярослав это помнил, а потому включил в мозгу режим повышенной осторожности. То, что двери в здание были не закрыты, его не удивило, он уже понял, что Варвара слишком самоуверенная дамочка и вряд ли допускала даже мизерную вероятность, что в её чёртово маленькое королевство может проникнуть лазутчик. Что ж, это только на руку.

В холле горела красным лампа дежурного освещения. Ступая совершенно бесшумно,

Ярослав прошёл вдоль стены и оказался рядом с дверью, за которой слышались приглушённые звуки. Предположительно, охранники находились в этом помещении, похоже, телевизор смотрели. Ему подумалось, что, если Марина права и в этом посёлке все монстры, то ничто человеческое им не чуждо. У него возникла мысль ворваться в комнату, вырубить электрошокером охранников, связать их, а потом можно свободно обследовать оздоровительный центр без особой опасности. Вопрос лишь в том, как хорошо эти ребята подготовлены. Если у них отличная реакция, то вырубить их моментально может и не получиться. Поднимется шум, вся операция пойдёт коту под хвост.

«Придерживайся изначального плана!» — снова вспомнились вдруг строгие слова Нонны.

А в изначальный план не входили агрессивные действия. Но так хотелось! Тихо вздохнув, Ярослав пересёк холл, зашёл в тёмный коридор. На поясе в чехле лежал фонарик, но использовать его сейчас было бы опрометчиво, отблески могли отразиться на стёклах в холле. Фонарик — на самый крайний случай, а пока, можно и так. Он медленно дошёл до первой двери, открыл, во мраке хоть и с трудом, но всё же разглядел очертания мебели. Какой-то кабинет. Вряд ли здесь можно обнаружить что-то полезное. Хуже всего то, что он и сам понятия не имел, что ему искать. Когда разрабатывали план, Нонна сказала: «Увидишь и поймёшь». Оставалось лишь верить, что так и будет. Мразей сюда привозят не просто так, причём свозили десятками за раз. Нахрена? Это и предстояло выяснить.

Ещё одна дверь. Небольшое помещение, заставленное картонными коробками. Ярослав открыл одну, внутри лежали какие-то небольшие шары, сделанные, похоже, из пластика. Гадать, зачем эти шары нужны, он не стал и отправился дальше. Коридор повернул направо. Теперь можно было и фонариком воспользоваться — аккуратно, не рассеивая свет как попало.

В висках кольнуло и Ярослав мысленно выругался. Ещё не хватало, чтобы у него случился приступ, как вчера, возле детского интерната. Со стороны его организма это было бы верхом подлости. Он сделал глубокий вдох, медленный выдох, сказал себе: «Спокойно, всё хорошо. Ты справишься и скоро вернёшься к остальным».

Продолжил путь, решив больше не заглядывать за однотипные двери. Интуиция подсказывала, что ничего путного там найти не получится. Коридор вывел к большому помещению с двумя бассейнами. Тут тоже ничего интересного. Поиск «странного и непонятного» продолжился. В течение минут двадцати Ярослав бродил по первому этажу здания, изредка включая фонарик, чтобы сориентироваться. Заходил в какие-то процедурные, в залы с тренажёрами. Всё выглядело так, как и должен выглядеть нормальный оздоровительный комплекс, и это разочаровывало.

В западном крыле он наконец наткнулся на нечто любопытное. Лестница, ведущая вниз, очевидно в подвальное помещение. Что-то ему подсказывало, что, если здесь есть тайна, то она непременно находится внизу. Спустился. Дверь оказалась закрытой, но замок был простенький, что в очередной раз подтверждало беспечность Варвары. Для вскрытия замкагодились предусмотрительно взятые с собой отмычки и навыки, которыми Ярослав обзавёлся в спецназе — тогда не всегда приходилось действовать напролом, иной раз тишина была важнейшим фактором.

И вот он в подвале, в огромном помещении со стеллажами, на которых в металлических ячейках лежали такие же шары, что он видел в коробках в кабинете. Вот только эти шары излучали слабое голубоватое свечение. Это было более, чем странно. Взяв сферу и покрутив

её в руках, Ярослав подумал, что она живая. Он и сам не мог понять, откуда такая абсурдная мысль пришла ему в голову, у него создалось впечатление, что она всплыла из глубин подсознания и обосновалась на первом плане, как незыблемая истина.

— Жизнь, — произнёс он тихо, зачарованно пройдясь взглядом по стеллажам.

Ему вспомнилось, как эфемерная голубоватая субстанция испарялась из мразей, после разряда электрошокера. Та субстанция будто бы улетала в никуда, тратилась впустую. Жизненная сила. Да, это она. Головоломка складывалась, впрочем, некоторых деталей всё ещё не хватало, вопросы оставались.

Он положил пару сфер в рюкзак, сфотографировал на телефон стеллажи, а потом заметил ещё одну дверь в дальнем конце склада и рассудил, что, возможно, оставшиеся детали пазла можно обнаружить именно там.

Прошло снова воспользоваться отмычкой. И опять лестница, ведущая вниз. Затаив дыхание, преодолел ступени. Тут было холодно, в луче фонарика сверкал иней на стенах. Поёжившись, Ярослав двинулся по бетонному полу, ему казалось, что он очутился в пещере ледяных троллей, так и мерещилось, что из темноты с рёвом выйдут уродливые чудовища. Впервые за последние полчаса он ощутил страх. Такая стужа в подвале — это ненормально! Абсолютно ненормально. И ведь обязательно должна быть причина, почему Варвара превратила нулевой этаж в царство холода.

Комната с похожим на гигантское гнездо сооружением в центре. Больше здесь ничего не было. Что за хрень? Ярослав поморщился, быть может, это «гнездо» и таило главный секрет этого места, вот только сообразить, какова природа этого секрета он не мог. Сфотографировал сооружение со всех ракурсов и решил, что пора сваливать. Да, узнал он об этом месте меньше, чем хотелось бы, но шары в рюкзаке — это хоть что-то. По крайней мере, вернётся к остальным не с пустыми руками.

Снова поднявшись в хранилище, Ярослав ощутил облегчение, будто выбрался из зоны необычайно высокого давления. Причём ледяной зоны. Он высветил фонариком ряды стеллажей и у него возникла идея, как-то уничтожить все эти шары. У него не было сомнения, что для Варвары они дороже золота, возможно, они ей жизненно необходимы. Проблема лишь в том, что без шума эти штуки не уничтожить, да и много их, по его прикидкам, штук триста. К тому же неясно, насколько они крепкие. Нет, идея хоть и хорошая, но лучше не рисковать, нужно придерживаться плана. А по плану у него сейчас одна задача — уматывать отсюда, и чем скорее, тем лучше. Впрочем, он дал себе обещание, что ещё вернётся сюда. Когда-нибудь. И тогда это хранилище ждёт разгром.

С сожалением, что иногда приходится делать не то, чего хочется, он вышел в коридор, проследовал до зала с бассейнами и обомлел. Впереди, в темноте, горели красным две точки. Глаза! Теперь вести себя как бесшумная тень не было смысла, его засекли, а потому он включил фонарик. Луч высветил охранника, вот только с лицом у того было что-то не то, оно, точно пластилиновое, менялось, обретая звериные черты. Не менялись лишь глаза, в которых будто бы раскалённые угли горели. Охранник приближался, его фигура на ходу становилась более приземистой, коренастой.

Никакого шока от встречи с чудовищем Ярослав не испытал. Он был к этому готов. Хреново, конечно, что не вышло свалить отсюда незамеченным, но зато теперь он с чистой совестью может навалить одному из монстров. А, возможно, и не одному. И даже Нонна уже не посмеет упрекнуть его за излишнюю агрессию. Тут будет чистой воли самооборона. Он оценил соперника: ростом чуть ниже него, точнее — стал ниже после трансформации;

мышцы под чёрной спецовкой не бугрятся. Пара крепких ударов — и урод ляжет. С этой оптимистичной мыслью Ярослав положил фонарик на пол, шагнул навстречу врагу, решив не пускать в ход электрошокер, а воспользоваться более надёжным оружием — кулаками.

Монстр оскалился, неестественно широко растянув пасть и продемонстрировав идеально белые иглы зубов. Пальцы скрючились, ногти превратились в столь же белые как и зубы когти, больше похожие на лезвия ножей. В свою очередь Ярослав улыбнулся, желая показать чудовищу, что не боится и готов к схватке.

— Ну что, мразина, давай, подходи! — жестом он поманил того к себе.

Охранник не подошёл, а прыгнул, причём резко, словно какое-то обладающее невероятной реакцией насекомое. Он сбил Ярослава с ног, занёс руку с растопыренными когтями, явно намереваясь исполосовать лицо бывшего спецназовца. Тот мгновенно сгруппировался, сделал ногами захват, свалил врага на пол, после чего вскочил и нанёс мощный удар в нос, с удовлетворением ощутив, как хрустнули под кулаком хрящи. Однако следующий удар прошёл мимо цели, потому что монстр поставил блок, с хриплым шипением оттолкнул ногами Ярослава, затем встал на четвереньки и снова прыгнул, раззявив пасть до предела. На этот раз Ярослав был готов к этому прыжку и ушёл в сторону. Он рассудил, что кулаки — это, конечно, хорошо, но пора воспользоваться ножом. Вынув оружие из чехла на поясе, принял боевую стойку и мысленно выругал себя за то, что недооценил противника, у того была отменная реакция, да и сил хоть отбавляй. Схватка обещала стать тяжёлой. А ведь на помощь монстру в любую секунду может прийти второй охранник.

* * *

Семён достал пистолет, направил его на Рыжика. Тот как-то глупо улыбнулся, поднял руки.

— Какого рожна ты творишь, Буратино? Совсем что ли крыша поехала? Ты так не шути, не надо, — его голос стал елейным. — Ну давай, убери свою пушечку в карманчик и успокойся. Разнервничался немного? Да с кем не бывает. А я Варваре об этом ничего не скажу. Ни словечка, — он изобразил, как закрывает рот на замок. — Клянусь, ни словечка, честно-честно.

«Он не человек!» — подумал Семён, колеблясь.

Мамонт попятился, оступился и упал на спину. Попытался что-то произнести, но, похоже, все слова застряли в горле.

— Если ты обиделся, что я тебя Буратиной обзывал, так я больше не буду, — заверил Рыжик. — Мы же почти напарники, одно дело делаем. И подумай сам, что с тобой сотворит Варвара, если ты меня пристрелишь. Ты от неё не спрячешься, она тебя где угодно найдёт. Но если уберёшь пушку...

Из его глаз выскочили нити, в мгновение ока обвили голову Семёна. Тот ощутил, как нечто липкое, холодное буквально вонзилось в мозг, сознание захлестнула тёмная волна, утопив все мысли, чувства. Но палец, будто повинувшись отголоску воли хозяина, всё же нажал на спусковой крючок, раздался выстрел, который звонким эхом отозвался в ночном пространстве. Пуля попала в глаз Рыжику, бывший наркоман рухнул на землю, забился в агонии. Эфемерные нити рассеялись, освободив Семёна от тёмного морока. Как раз вовремя, потому что Мамонт уже поднялся и собирался броситься прочь.

— Стоять!

Толстяк застыл, подняв руки, как до этого сделал Рыжик. Семён тряхнул головой, после

нитей у него осталось чувство, что его сознание осквернило нечто невероятно мерзкое, даже зубы заломило от этого ощущения. Впервые за долгое время ему захотелось выпить, затопить мозг алкоголем, вытравив всю погань.

— Так и надо, ублюдку, — Мамонт кивнул на труп Рыжика. — Правильно, что ты его пристрелил. Давай знаешь, что сделаем... скажем Варваре, что этого утырка грохнули те мудаки в масках, ага?

— Мы ничего ей не скажем, — выдавил Семён. — Ты уж точно.

— Что ты имеешь в виду? И меня тоже пристрелить хочешь? — на лице Мамонта появилось плаксивое выражение. — Всё из-за того, что я пытался сеструху врачихи замочить?

— Не только. Меня просто всё это достало. И ты меня достал.

— Да я ведь всегда слушался тебя. Ты всегда был главным. Вот чёрт, я кажется обделался, — Мамонт тяжело задышал, глядя на Семёна с мольбой. — Не надо. Слышишь? Не надо!

Семён подумал о Марине, о той девчонке, которая училась с ним в одном классе, и вдруг защемило что-то в груди. Теперь эта девчонка повзрослела, но осталась такой же боевой. Она не испугалась бросить вызов монстрам, хотя отлично сознавала последствия. Она должна жить! А для этого должен сдохнуть Мамонт, иначе тот нынешней же ночью помчится к Варваре, чтобы рассказать, где убежище бунтарей. Да, нелегко убивать человека, но придётся.

— Не надо, — тонко заскулил Мамонт. — Сёма, братишка, не надо, а?

Семён стиснул зубы и надавил на спусковой крючок. Выстрела не последовало, расточенный под боевое оружие газовый пистолет дал осечку. Надавил ещё раз — опять осечка.

Воспользовавшись ситуацией, Мамонт рванул в лес, бежал изо всех сил, пыхтя как паровоз. Несмотря на свою объёмную комплекцию, он порой был чрезвычайно шустрым. Семён ещё пару раз попытался произвести выстрел, целясь толстяку в спину, после чего громко выругался и начал преследование, в голове глухим набатом звенела мысль: «Мамонт не должен уйти! Не должен!»

* * *

Монстр, не взяв паузы для передышки, снова бросился на Ярослава. Тому лишь оставалось уклоняться от когтей, не помышляя о контратаке. Отступая, рассудил, что долго так продолжаться не может, какую бы хорошую подготовку в спецназе он ни получил, но чудовище было всё равно сильнее и быстрее. Это объективно. Ситуацию к тому же осложняла темнота, света от лежащего на полу фонарика слишком мало для манёвров.

А вот и второй охранник. Во мраке, по ту сторону бассейна, появились две красные точки. Это означало, что путь к выходу отрезан. Ярослав со злостью признал, что дело — хуже некуда. Нужно бежать. Но сначала...

Он подался к краю бассейна. Монстр незамедлительно рванул за ним и тут Ярослав сделал подсечку, вложив в этот приём всю свою концентрацию. Удачно получилось, охранник упал в воду. Однако второй уже был близко и выглядел он намного внушительнее, чем первый. Не зная, улучшил ли это ситуацию, Ярослав сорвал с пояса электрошокер, включил и швырнул в бассейн, после чего схватил фонарик и устремился назад, в коридор, из которого только что пришёл. Там была лестница на второй этаж. Луч фонарика лихорадочно метался по стенам, позади раздавался топот монстра.

Лестница. Ярослав буквально взлетел по ступеням, ворвался в первое попавшееся помещение, захлопнул дверь и принялся баррикадироваться — опрокинул ко входу шкаф, взгромоздил на него кресло, приволок стол. Раздался удар, охранник уже был тут и пытался выломать дверь, при этом рыча будто разъярённый волк. Ярослав кинул настольную лампу в окно, но стекло не разбилось, слишком было толстое. Пришлось сорвать со стены массивную полку и воспользоваться ей как тараном. Стекло не выдержало натиска, разлетелось вдребезги. А снаружи к зданию оздоровительного центра приближались остальные обитатели посёлка.

— Я в полной жопе, — резюмировал Ярослав.

Нужна была помощь. Он вынул сотовый, нажал на кнопку вызова и, когда в трубке послышался голос Нонны, произнёс:

— Ситуация паршивая. Отвлеките внимание и бегите к «Газели», не задерживайтесь ни на секунду. Я постараюсь выбраться отсюда, как можно быстрее. Если что, не ждите меня.

Не дожидаясь ответа, он отключил связь, убрал телефон в карман. Охранник продолжал ломиться в дверь. К нему присоединился второй. Ярослав подумал, что баррикада продержится недолго, секунд тридцать. А монстры внизу скапливались чётко возле стены с разбитым окном, прыгать в самую их гущу — смерти подобно. Мигом накинутся не дадут шанса, чтобы сориентироваться и броситься прочь. Оставалось надеяться на друзей. Если они быстро поднимут шум, отвлекут внимание, то возможность сбежать появится.

Глава двенадцатая

— Действуем! — скомандовала Нонна.

Остальные с азартом рванули к ограде посёлка, прихватив с собой объёмную сумку. Они желали не только помочь Ярославу, но и жаждали хоть как-то проявить себя в этой операции, внести свою лепту. Нонна осталась на наблюдательном пункте. Для своих лет она выглядела вполне крепкой, но всё же действовать на больших скоростях ей было непросто.

Под покровом темноты добежали до ограды, открыли сумку, полную шумовых и дымовых гранат, которые смастерил Ярослав, используя кое-какие нехитрые химикаты и консервные банки. Он был в этом отличным экспертом. Причём мастерил он эти штуки в одиночку, не позволив другим даже по мелочам помогать. Для него отчего-то это было делом принципа. Даже накричал на Вадика, чтобы не тёрся рядом и не отвлекал. Да и вдруг рванёт раньше времени — пацана жалко.

Возле стены оздоровительного центра скопилось уже с десятков местных, остальные забежали в здание. На вид вполне обычные люди. Из своего дома вышла Варвара, её лицо обрело нечеловеческие черты, кожа стала прозрачной, а в глазах будто бы кружились снежные вихри.

Через ограду полетели самодельные гранаты, и загрохотало, задымило, будто бы война началась. Поделки Ярослава сработали безотказно. Сбитые с толку, местные устремились к центру посёлка, готовые драться с неведомым противником. Погода была ветреной, дым быстро расползлся по территории, грохот раздавался то тут, то там. От группы требовалось создать видимость массовой атаки. Марина швыряла гранаты, что было мочи, вкладывая в каждый бросок всю свою ненависть к мразям. Она надеялась, что попадёт в кого-то на той стороне и хотя бы покалечит. Очень хотелось отомстить за сестру за себя и за каждую жертву, которая лишилась хоть капли энергии из-за мерзких монстров.

Ни теряя ни секунды, Ярослав выпрыгнул из оконного проёма и помчался к ограде, мысленно благодаря друзей. Они всё сделали вовремя, в комнате монстры уже выломали

дверь, разрушив баррикаду.

Гранаты закончились, и Марина, Инга, и Вадик побежали к Нонне. Ярослав, перемахнув через ограду, бросился следом. Варвара на веранде своего дома напряглась, отчего на тонкой шее вздулись жилы, и пронзительно завизжала, и это был вовсе не визг паники, а проявление ярости. Дымом заволокло всю территорию посёлка, местные метались в его клубах будто какие-то потусторонние сущности. Они и не принадлежали больше этому миру, они принадлежали Варваре. В какой-то момент они словно бы получили слышимый только им сигнал, после чего кинулись к проходной, чтобы начать преследование.

* * *

«Мамонт не должен уйти!» — мысленно повторял Семён.

Он высвечивал фонариком ночной лес, прислушивался и ругал свой пистолет за осечку. А ещё недоумевал, как этот толстяк смог так быстро скрыться. Хотя, жить захочешь, и не такое сотворишь. Семёна подмывало выкрикнуть: «Эй, урод, я ведь всё равно тебя поймаю!» Но сообразил, что прозвучит это глупо. И могло оказаться рискованно. Было неясно, сумел ли Мамонт убежать или затаился под каким-нибудь поваленным деревом. Время упущено, истрачено на холостые выстрелы, и теперь приходилось пожинать плоды этой ошибки.

Слева хрустнула ветка. Семён двинулся в этом направлении, напомним себе, что Мамонт тип опасный и у него всегда при себе нож — выскочит из-за дерева, вонзит лезвие в шею. Ножом тот владел неплохо. По спине сразу побежали мурашки. Семёну уж очень не хотелось на собственной шкуре испытать, как холодная сталь разрывает горло.

* * *

Они бежали через поле, а с территории посёлка уже выскочили, пожалуй, все местные и начали преследование, причём мчались не как люди, а по-звериному, на четырёх конечностях. И получалось у них так передвигаться удивительно ловко. Обернувшись в очередной раз, Ярослав понял, что за ними бегут существа со мохнатыми мордами и длинными лапами.

Но вот и опушка, микроавтобус. Нонна мигом заняла место на водительском сиденье, остальные нырнули в салон. Хлопнула дверь, взревел двигатель, и автомобиль рванул по просёлочной дороге.

— Они догоняют! — предупредила Марина, чувствуя каждого монстра. — Трое совсем уже близко!

Нонна поглядела в зеркало заднего вида. Тёмные силуэты приближались.

— Плевать, — её голос прозвучал хладнокровно. — Мы справимся, верно?

— Справимся! — за всех ответил Вадим.

Глаза пацана лихорадочно блестели, а щёки пылали алым, будто у него был жар. Инга кусала губы и постоянно переключивала из одной руки в другую шокер. Ярослав тяжело дышал, переводя взгляд с одного монстра на другого.

За микроавтобусом мчалась целая стая, в темноте глаза монстров горели красным. Свет фар скользил по ухабистой дороге, шумел лес.

— Догнали! — выпалила Марина.

В тот же миг на крышку автомобиля запрыгнули два чудовища, они одновременно походили на обезьян и на волков — широкие когтистые конечности, вытянутые морды, длинные шеи. Их отверстые пасти, полные зубов, мелькали слева и справа. Один монстр пробрался к лобовому стеклу, вдарил по нему лапой. Стекло треснуло, и тварь хищно

ощерилась. Марина вскрикнула, а Нонна вывернула руль, выкатив микроавтобус к самой обочине, где было много молодой поросли. С трудом, но монстр всё же удержался на узком капоте. Второе чудовище свесилось с крыши и тоже начало наносить удары по стеклу. Остальные твари бежали рядом с автомобилем. Нонна вильнула вправо, влево. Ещё один монстр запрыгнул на крышу, но соскользнул.

* * *

Мамонт себя не обнаруживал. В лесу царил тишина. Семёна начинала бить дрожь не то от холода, не то от напряжения. Он до боли сжал пистолет и глубоко вдохнул лесной воздух. Пахло гнилой палой листвой, сыростью и осенью.

— Сука! — Семён злился всё сильнее.

Он начал сомневаться, что толстяк спрятался. Возможно, тот двинулся к шоссе. Это примерно километровое расстояние. А если учесть поваленные деревья, овраги... Есть шанс его догнать. Мамонт, конечно, удивил своей прытью, однако вряд ли его надолго хватит. Однажды он тоже поразительно шустро преследовал одного должника. Из-за адреналина Мамонт без устали гнался за ним по лестнице в подъезде. Догнав, затолкал жертву в узкое пространство между стеной и мусоропроводом, о который предварительно приложил бедолагу головой, так что разбил ему нос.

Семён быстро зашагал в сторону шоссе, представляя, как найдёт бывшего напарника и свернёт его жирную шею. И не было даже намёка на сентиментальные мысли, что они вместе через многое прошли и надо бы проявить сочувствие. Мамонт сейчас виделся абсолютным злом, которое необходимо уничтожить. Было лишь сожаление, что не грохнул ублюдка раньше.

* * *

— Гони! — не выдержала Инга.

В её голосе слышались истеричные нотки.

— Умолкни! — огрызнулась Нонна. — Делаю, что могу!

Твари буквально облепили микроавтобус и пытались выбить стёкла. Чудовища ещё и царапали когтями окна и корпус автомобиля, словно наслаждались страхом людей внутри. Все в салоне приготовились к бою, достав электрошокеры, а Ярослав вооружился ножом. Автомобиль продолжал гнать по просёлочной дороге, виляя туда-сюда. В какой-то момент Нонна пошла на риск, проехала возле самой кромки леса, где было много мелких деревьев. Это сработало, несколько монстров слетели с борта, но тут же вскочили и продолжили преследование.

Наконец, одно стекло со звоном разбилось, блеснули когти, в салон протиснулась уродливая морда. Ярослав вонзил нож ей в глаз, и тварь, подвывая, исчезла, зато вместо неё в проём попытался пролезть ещё один монстр. Тут уж Инга не растерялась, тряхнула чудовище электрошокером. Тварь взвизгнула и вытащила мохнатую бошку наружу. Треснуло стекло с другой стороны. Нонна снова проделала трюк с мелкими деревьями и успешно — одному из монстров ветка пронзила шею. На капот и лобовое стекло брызнуло кровью. Нонна поморщилась и сжала зубы. «Газель» полетела по дороге ещё быстрее. Двигатель под капотом ревел как раненный зверь.

Впереди показались огни автострады.

— Ну, немного ещё! — Нонна буквально молила многострадальную «Газель» выдержать, не подвести.

Стекло разбилось, засыпав салон осколками, и теперь твари лезли с двух сторон.

Бестолковые, они втискивались все сразу, мешая друг другу пролезть внутрь. Трещали электрошокеры, нож Ярослава вспарывал морды, кромсал лапы. Салон машины был залит кровью. Когти зацепили Вадика, тот вскрикнул от боли, но мужественно продолжил битву. Марина только со второго раза оттеснила мальчика ближе к Нонне, так он рвался в бой. Монстр спрыгнул с крыши на капот, соскользнул и микроавтобус, подпрыгнув, подмял его, впечатал в грязь, с хрустом переломав все кости.

— Ещё чуток продержитесь! — выкрикнула Нонна.

Ярослав рассёк ножом горло чудовища, которое почти пролезло в салон, и вытолкнул труп на дорогу. Марина ткнула электрошокером в раззявленную пасть другого монстра.

И всё, больше твари атаковать «Газель» не пытались, отстали.

— Фух! — выдохнула Инга. — Мы справились!

Микроавтобус выехал на автостраду.

* * *

Выйдя к шоссе, Семён понял, что облажался. Упустил Мамонта. Это означало, что тот сегодня же доложит Варваре обо всём. А последствия будут хуже некуда. Впрочем, хреновые последствия были бы в любом случае. Вот только есть нюанс: королева монстров теперь узнает, где находится база бунтарей. Узнает и устроит бойню.

Семён выругался и сел на поваленное дерево. Ну вот почему у него никогда ничего не получалось нормально? Как же достала вечная непруха! В кой-то веки решил поступить правильно, пожалел Маринку... А сделал только хуже. Семён не представлял, как исправить ситуацию, хотелось пустить себе пулю в лоб, чтобы Варвара не запытала его в припадке агрессии. Или того хуже — не превратила в свою чудовищную марионетку. Семён усмехнулся: да ведь он уже её марионетка. Такая милая послушная игрушечка Сёма. Ха-ха!

Он брезгливо поморщился. Лучше действительно прямо сейчас сдохнуть. Так он сохранит хотя бы каплю самоуважения. Он избавиться от власти твари из параллельной вселенной, или откуда там пришла эта проклятая Варвара. Вот бы она сейчас была здесь, и Семён мог пристрелить её, а не себя. Тогда он наконец-то будет станет свободным.

Семён приставил дуло пистолета сердцу. Посидел так несколько секунд, и упёр его в правый висок. Холодный металл обжёт кожу. Рука дрожала. Трус! Чёртов трус!

Он зажмурился и вспомнил лицо Марины. А ведь она борется. Знает, что шансов против Варвары у неё мало, но борется.

* * *

Ветер почти разогнал дым в экопосёлке. Варвара, снова приняв человеческий облик, велела всем собраться на площади возле оздоровительного центра. В этот раз перепадов настроения у неё не было, потому что сознание полностью затопил гнев, не давая шансов проявиться другим эмоциям. Сгорбившись, точно старуха, она исподлобья посмотрела на своих созданий.

— Вы все меня разочаровали! Все, до единого! Как вы могли упустить тех говнюков, а? Как, я спрашиваю? Это же всего лишь хилые людишки! Но больше всего меня разочаровали охранники центра. Ко мне, суки!

Двое охранников с поникшими плечами подошли к Варваре и опустились на колени. Оба дрожали, в глазах горел страх.

— В центр проник человек, — щека Варвары нервно дёргалась. — Мало того, он проник в хранилище и в мои покои! Вы это допустили! Проспали, гады! Я оказала вам честь, сделала вас иными, и вот как вы мне за это оплатили? Что скажете в своё оправдание?

— Мы... — начал был один из охранников.

— Заткнись! — завизжала Варвара, топнув ногой. — Нет вам оправдания! Вы предали меня! Предали моё доверие!

Она сделала глубокий вдох, распростёрла руки в разные стороны. Охранники взмыли в воздух, и их начало корёжить, ломать. Трещали кости, рвались жилы, выдавились из глазниц глазные яблоки, лопнули животы и на землю вывалились внутренние органы. Десяти секунд не прошло, как от охранников остались лишь бесформенные груды плоти и костей.

Варвара встряхнула руками, скомандовала:

— Уберите отсюда эту пададь. А мне нужен отдых. Худшая моя ночь в этом мире.

* * *

Она лежала в своём «гнезде», а в сознании рождались образы прошлого.

Земля тряслась под ногами — это архонты бились друг с другом. Воздух наполнялся лютой стужей, ведь их тела были сотканы из мороза и тьмы. От такого холода ломило кости даже у самой Варры. Десятки других самых отчаянных существ ждали своей подачи. Из очередной глубокой раны одного из архонтов вот-вот брызнет поток энергии. Но в эпицентре битвы было настолько холодно, что её брызги замерзали налету, превращаясь в светящиеся кристаллы, на которые с жадностью набрасывались падальщики вроде Варры и её рабов.

Архонты. Сгустки непроглядной тьмы и стужи, внутри которых пульсировала энергия невероятной мощи. Оказавшись в нашем мире, Варра узнала про чёрные дыры и вспомнила про архонтов. В них было много общего. И главное — все они внушали ужас.

Крупица энергии упала к ногам Варры. Крохотная, она совершенно не могла унять вечный голод. Пока Варра глядела на кристалл, к нему подползло другое существо — синяя кожа блестела изморозью, вдоль позвоночника выступал ряд костистых наростов, которые переходили в тонкий острый хвост. Тварь напряжённо глядела на кристалл.

— Моё! — прошипела Варра.

Существо метнулось к кристаллу. Варра бросилась на соперника. Вцепились друг в друга. Взвился костистый хвост, Варру полоснуло болью по спине — она взвыла, чувствуя, как теряет силы. В последнее время ей не везло: всех рабов сожрали ледяные великаны, и на создание новых не было энергии... А хвостатое существо заглогло кристалл и поползло прочь.

— Мы не должны драться за эти крохи! — бросила ему вслед Варра.

Тварь повернула голову.

— Это всё неправильно.

— Что ты хочешь сказать? — прохрипело существо.

— Такие как мы должны объединиться и прикончить одного их архонтов. Хватит питаться подачками. Мы заслуживаем большего.

Время будто замерло, замёрзнув от ледяного воздуха, исходящего из гущи битвы. Варра подумала, что её существование не должно быть настолько бессмысленным. Надо что-то делать.

Существо прищурило чёрные глаза. В этом мире не бывает ни друзей, ни союзников. Лишь одни голодные враги, готовые перегрызть друг другу глотку. А ещё все они мечтали уничтожить архонтов, поэтому существо ответило:

— Есть те, кто согласен с тобой.

— Так пусть они придут сюда! — закричала Варра, от тела которой пошла волна силы.

И они ощутили её.

Вскоре их набралось пара сотен.

Варра глядела на тех, кто, как и она, устал от жалкого положения. А архонты продолжали терзать друг друга — им было плевать на крошечных существ, которые вдруг возгордились и решили окружить их. Варра пожирала взглядом бьющихся повелителей, ожидая, когда улыбнётся удача. И она улыбнулась. Вернее, оскалилась. Один из архонтов рухнул под мощным ударом противника, от чего загудела земля.

— Вперёд! — скомандовала Варра.

Сотня обезумевших тварей бросилась на архонта. Варра была в первых рядах. От холода, который исходил от тела архонта сводило челюсти, но все рвали тьму на части. Тщетно. Гигант спрятал энергию вглубь своего бесформенного тела. Второй архонт заметил, что мелкие твари терзали его вечного врага, и случилось небывалое. Он обрушился всей громадой, решив уничтожить всех одним ударом — и архонта, и поверивших в Варру. Последовала вспышка. Варру отбросило в сторону скал.

Колоссальный всплеск энергии от удара архонта сотворил что-то невообразимое с пространством. Варра ощутила жар, будто архонтов вывернуло наизнанку, и энергия вырвалась наружу.

Когда Варра пришла в себя, она впервые увидела свет Солнца.

Глава тринадцатая

Едва заехали в город, Нонна остановила «Газель». Нужна была передышка. Отстранив руки от руля, она с шумом выдохнула.

— Поверить не могу, целое поселение чудовищ. Я всякое могла предположить, но только не такое, — повернулась и поглядела на Ярослава. — Скажи, что мы рисковали не напрасно.

Тот выдержал паузу, ухмыльнулся.

— Не напрасно, Нонна, не напрасно. Я кое-что видел. Хранилище в подвале, — он открыл сумку, вынул сферу. — Вот. Таких хреновин в этом хранилище уйма. Я, когда взял такой шар в руки, что-то ощутил. И сейчас ощущаю. Внутри него, кажется, жизненная сила.

— Дай гляну, — заинтересовалась Марина.

Ярослав передал ей шар. Едва она коснулась сферы, как в сознании начали появляться образы людей: женщина с веснушками на переносице, парень в кепке, девочка в розовой куртке, толстый мужчина с двойным подбородком... Марина чувствовала, что в этом шаре заключена жизненная сила всех этих несчастных. А это уже любопытно. Ярослав действительно сегодня рисковал не зря.

— Ты тоже это ощущаешь? — не скрывая волнения, спросил он.

— Да. И более того, я прямо сейчас вижу лица всех тех, у кого мрази эту жизненную силу забрали. Похоже, дар Духа Города масштабней, чем я предполагала.

Нонна хмыкнула.

— Хранилище, значит. Это интересно.

— Я ещё кое-что видел, — заявил Ярослав. — Там была комната с каким-то непонятным сооружением, похожим на большущее гнездо. И холод, такой, что аж на стенах иней. Я в разных рискованных спецоперациях участвовал, но впервые мне было настолько жутко. Когда спустился в чёртов подвал... не знаю, прям накатило, хотелось бежать оттуда, сломя голову. Жаль не додумался взрывчатку соорудить, с радостью к херам взорвал бы и хранилище, и гнездо это.

Инга улыбнулась.

— Но мы и так сегодня неплохо порезвились, а? — она рассмеялась. — Да мы, когда удирали, кажись, нескольких тварей умудрились грохнуть! Как по мне, это хоть и небольшая, но всё же победа.

Вадик протянул к ней руку с раскрытой ладонью, по которой Инга радостно хлопнула.

— Живы остались, и то слава Богу, — резюмировала Нонна. — «Газелька» вот только пострадала. Но это ничего. И так, что мы имеем... В оздоровительном центре, в подвале, находится хранилище жизненной силы. И что-то мне подсказывает, что без этой жизненной силы монстры не могут существовать. Ну, или их хозяйка, Варвара. Будем считать, это её Ахиллесова пята.

— Не забывай про «гнездо», — напомнил Ярослав. — И про холод. Мне кажется, всё это не менее важно, чем жизненная сила.

Нонна снова взялась за руль.

— Ладно, поехали. Утром над этим поразмыслим. Сейчас голова совсем не соображает.

«Газель» тронулась. Марина пристально глядела на сферу в своих руках, думая о том, что в ней заключена жизненная сила не менее десятка людей. И, очевидно, в одном таком шаре в хранилище Варвары находится энергия, украденная у Татьяны. Когда-нибудь одно из чудовищ, возможно, та же хозяйка экопосёлка, просто напросто сожрёт эту энергию. Для чего? Быть может, для того, чтобы жизнь продлить. Такая версия казалась логичной. Ей вспомнились слова Ярослава: «...жаль не додумался взрывчатку соорудить, с радостью к херам взорвал бы и хранилище, и гнездо это». Марина всем сердцем поддерживала его желание взорвать хранилище. Да, это походило на чёртов теракт, ну и плевать. Уж лучше взрыв, чем то, что жизненная сила достанется монстрам. Ей представилось, как взрывная волна уничтожает сферы, как высвобожденная из них голубоватая эфемерная субстанция кружится среди ревущего пламени, а потом находит выход к свободе и улетает в небесную высь. Станет ли когда-нибудь воображаемый образ реальностью? Марина не любила загадывать наперёд, что бы не случиться, но сейчас на собственный вопрос она дала твёрдый ответ «ДА!» Ей так было легче. Уверенность придавала сил, поддерживала накал злости.

— Марина! — окликнула Инга. — Отдай шар, ты ведь его раздавишь.

Действительно. Забылась. Стиснула в руках сферу так, что пальцы побелели. Слишком глубоко погрузилась в омут фантазий, туда, где царил чистый, ничем не замутнённый гнев. Нахмурившись, Марина отдала шар Инге.

«Газель» пересекла ночной город, миновала промышленный район, минут через двадцать заехала на территорию коттеджного посёлка. Только Нонна припарковалась возле «убежища», как впереди, в свете фонаря, показалась фигура.

— Какого хрена?! — выдохнула Инга.

— Семён? — изумилась Марина. — Это Семён!

Лицо Ярослава исказила гримаса злобы.

— Пришибу, ублюдка!

— Похоже, мы в ловушку угодили, — поморщилась Нонна и снова завела двигатель. — Тикаем, ребята. Тикаем!

Семён поднял руки в примирительном жесте, сделал пару шагов, выкрикнул:

— Стойте! Я один! Нам нужно поговорить, вам угрожает опасность! У вас сейчас каждая минута на счету! — без резких движений, он вынул из кобуры пистолет, положил его на землю перед собой. — Я вам не враг, больше — нет! Кое-что случилось, и мы с вами

теперь в одной лодке! Выслушайте меня, если хотите жить!

— Я не ощущаю никаких монстров вокруг, — заявила Марина. — Это не ловушка, он действительно один. Мы должны его выслушать.

— Не нравится мне всё это, — проворчала Нонна, — но ты права, нужно с ним поговорить. Уверена, что это не ловушка?

— На все сто.

Ярослав с досадой поглядел на Марину, на Нонну.

— Какая, нахрен, разница, что он нам скажет? Ему по-всякому верить нельзя. Он на мразей работает. Давайте я просто выйду и разберусь с этим мудаком.

— Решайте скорее! — нетерпеливо выкрикнул Семён. — Возможно, Варвара уже послала сюда своих монстров. Вы сильно рискуете, оставаясь здесь!

— Я ему верю, — сказала Марина.

Инга удивлённо захлопала глазами.

— Это твой дар, да? Ты теперь ложь от правды отличать умеешь?

— Нет, — покачала головой Марина. — Это не дар. Я ему просто верю. Да и включите логику, в конце концов. Зачем ему предупреждать нас об опасности, если он что-то замышляет? Наше убежище раскрыто, это факт. Был бы Семён настроен против нас, он просто дождался бы подкрепления, но он пришёл к нам.

Нонна приняла решение. Открыла дверцу.

— Давай в машину.

Семён подхватил пистолет, сунул в кобуру, затем быстро забрался в салон и уселся на сиденье рядом с Мариной.

— Повторяю, времени у нас нет. Об этом месте знает Мамонт. Я пытался его грохнуть, но он, сволочь, сбежал. Наверняка он уже позвонил Варваре.

Нонна хлопнула ладонями по рулю, выругалась, но тут же успокоилась и произнесла почти ласково:

— Инга, деточка, будь добра, поступи так, как мы поступаем с мразями. Прямо сейчас.

— Поняла, — отозвалась Инга со злорадной усмешкой.

Она сидела позади Семёна и ей даже с места не пришлось вставать, чтобы приставить контакты электрошокера к его шее и нажать на кнопку. Бывший слуга Варвары задёргался точно паралитик и потерял сознание.

— На всякий пожарный, — прокомментировала содеянное Нонна.

— В этом не было нужды! — возмутилась Марина. — Он пришёл, чтобы помочь...

— Быстро же твоя злость прошла, — перебил её Ярослав. — Совсем недавно ты готова была всех мразей и их приспешников на части разорвать, а теперь заступаешься за этого, — кивнул на Семёна.

— Хватит! — повысила голос Нонна. — Похоже, времени у нас действительно мало. Так. Ярослав, возьми у него пистолет. Сейчас бежим в дом, забираем документы, ноутбук, деньги, да вообще всё, что необходимо. На всё про всё у нас пять минут.

Пяти минут хватило. А через семь, «Газель» уже выезжала с территории посёлка.

* * *

Мамонт стоял на коленях перед Варварой в гостиной её дома, и мямлил:

— Семён предал тебя... предал...

Ему пришлось ехать сюда на такси. Раз двадцать пытался дозвониться, но хозяйка не брала трубку. Теперь он знал почему: ей не до того было, здесь, в экопосёлке, произошла

какая-то лютая хренотень. Не для него одного эта ночь стала паскудной.

— Семён, этот мудака, Рыжика замочил. Пряма в глаз ему выстрелил. А я еле ноги унёс. Если бы пистолет не дал осечку, лежал бы сейчас там, в лесу, рядом с Рыжиком, — он хлопнул носом и содрогнулся, вспомнив, как продирался в кромешной тьме через кустарники, как в овраг свалился и чудом себе ничего не переломал. Сейчас ему казалось, что какие-то высшие силы его сберегли. Или, скорее, низшие, те, что далеко от Бога, учитывая, кем он являлся. Выбравшись из оврага, ломанулся дальше. Падал, поднимался и бежал, бежал, гонимый паникой. Ему мерещилось, что Семён догоняет, что тот уже близко. Хотелось забиться под какую-нибудь корягу или поваленной дерево, затаиться. Но ноги, словно взбунтовавшись против рассудка, несли вперёд. И тут случилось ещё одно чудо — продравшись сквозь молодую поросль, выскочил на шоссе. Словно всё это время знал, куда бежать. Вдалеке показался свет фар, и он ощутил себя самым удачливым человеком в мире. Встал посреди дороги, замахал руками, закричал: «Помогите!» Перед ним остановилась фура. Водителем оказался крепкий мужик дальнотойщик. Выбравшись из кабины с монтировкой в руке, тот выплеснул из себя поток отборного мата. Пока тот ругался, Мамонт, едва не плача, умолял до города его подвести. Наконец, водила успокоился, вошёл в положение. Подвёз. Мир всё-таки не без добрых людей.

— Но мы ведь теперь знаем, где логово этих ушлёпков, — Мамонт набрался мужества и поглядел в глаза Варвары. Лучше бы не глядел, появилось ощущение, словно прикоснулся к чему-то невероятно холодному. Снова усталился в пол перед собой. — Нам бы прямо сейчас туда... с большой командой. Всех перебьём.

Варвара меланхолично моргнула.

— Плохая ночь, — её голос был тягучим. — Очень плохая. Шпион проник в мой дом, несколько слуг погибло, Рыжик... ещё и предательство Семёна.

После событий в посёлке она провела в «гнезде» в подвале не больше часа. Пыталась успокоиться, привести растрёпанные чувства в порядок, но не получилось. Её бесило, что какие-то людишки посмели бросить ей вызов. С тех пор, как попала в этот мир, она воспринимала людей исключительно как расходный материал, как марионеток. И вот нате, пожалуйста, нашлись те, кто взбунтовался. В своём ледяном Аду Вара расценила бы это как достойное уважения бунтарство. Но не здесь, не в случае с жалкими человечками. Гордыня не позволяла всё так расценивать.

— А вот скажи мне, милый мой толстячок, как так вышло, что, будучи напарником Семёна несколько лет, ты не разглядел в нём эту гниль? Я-то с ним не так много общалась, мне простительно, но ты... — её лицо сморщилось, став похожим на лицо старухи, в глазах появился серебристый блеск. — Ты должен был догадаться, что он меня предаст!

Мамонт, скукожился, задрожал, сообразив, что хозяйка решила сделать из него крайнего. И как, чёрт возьми, оправдаться? В голову лез только исключительный бред.

— Я... мы... прости... — он всхлипнул. — Семён хитрый. Хитрый он. Хитрый. Прости что не увидел в нём эту гниль.

— Простить?

— Да, да, прости, хозяйка! Всё для тебя сделаю! Всё!

Лицо Варвары было наигранно задумчивым. Прищурившись, поглядела на свою руку, кожа на которой стала прозрачной, словно состояла из крошечных ледяных чешуек. Ладонь вытянулась, ногти удлинились и теперь походили на чуть изогнутые хрустальные лезвия причудливых ножей.

— Ладно. Хорошо, — дёрнув плечами, она подступила к Мамонту, вонзила пальцы ему в ноздри и разорвала нос, превратив в кровавое месиво. — Ты прощён, толстячок.

Мамонт заорал, прижав ладони к лицу. Варвара, потеряв к нему интерес, подошла к окну. Вздохнула.

— Нет уже никого в том логове. Удрали. На всякий случай я пошлю туда десяток созданий, но я более чем уверена, Семён уже предупредил тех людишек. — она повернулась. — Хватит орать, Мамонт, твои вопли мне на нервы действуют. Неужели так больно? Подумаешь, нос порвала. Беги в лазарет, там тебе перебинтуют твой хобот. А потом... сделаю-ка я из тебя нечто иное.

Крик Мамонта сменился жалким скулежом. Пачкая кровью пол, он пополз прочь из гостиной. Да, Варвара причинила ему боль, но в своих страданиях толстяк сейчас винил не хозяйку, а Семёна. И «тех людишек».

* * *

— Вот же... — Семён застонал, приходя в себя. — Что... что случилось?

— Ничего страшного, — с циничным весельем отозвалась Инга. — Я тебя электрошокером долбанула.

— Охренеть.

Когда он был в отключке, Ярослав тщательно его обыскал. Как опять сказала Нонна — на всякий пожарный, вдруг у неожиданного союзника обнаружился бы «жучок», с помощью которого прихвостни Варвары могли бы отследить, куда теперь направились пассажиры «Газели». Сейчас осторожность — это самое важное. Никаких шпионских устройств Ярослав не обнаружил и, похоже, сей факт его слегка расстроил, очень уж ему хотелось видеть в Семёне врага, очень уж сильное было желание переломать тому руки и ноги.

— И куда мы теперь? — хмуро поинтересовалась Марина.

Минут пять назад Нонна остановила «Газель» у обочины дороги. Все сидели молча, пытаясь осмыслить своё новое незавидное положение, пока Семён не очнулся. Его слова «Вот же...» стали первыми в затянувшемся затишье.

— У меня большая квартира в городе, — вздохнула Нонна, потерев пальцами переносицу. На её лице отражалась усталость. — Можно, конечно, туда, но... кажется, Инга, наш с тобой статус «инкогнито» пошёл коту под хвост. Там, в экопосёлке, мы конкретно засветились. Твари в мою квартиру рано или поздно нагрянут, тут к гадалке не ходи.

— Чувствую себя бомжихой, — буркнула Инга.

— Есть вариант, — прохрипел Семён, потирая шею, на которой контакты электрошокера оставили ожог. — Я недавно домик в деревне купил, о нём вообще никто не знает, ни Мамонт, ни Варвара. Хотел со временем на покой уйти и жить там как бирюк. Деревня Хомутовка, это километров двадцать отсюда. Там только с десяток стариков обитают.

— Не-а, — мотнул головой Ярослав и поглядел на Семёна, как на полное ничтожество. — Паршивый вариант. Не верю я ему. Мы туда прикатим, а там нас уже ждать будут.

Семён фыркнул.

— Дурак ты. Два и два сложить не можешь. Начерта мне было вас предупреждать об опасности? Чтобы в другую ловушку заманить? Тебе не кажется, что это уж слишком заковыристая получается многоходовочка?

Ярослав поднялся с сиденья, подошёл к нему и влепил крепкую оплеуху.

— Это тебе за дурака.

— Ну хватит уже! — рывкнула Нонна. Она поглядела на Марину. — А ты. Ты ему по-прежнему веришь?

Вместо того, чтобы дать ответ, Марина обратилась к Семёну:

— Почему ты переметнулся?

Он скривился, будто от боли, на лбу появились складки.

— Впервые за много лет мне захотелось сделать что-то по-настоящему правильное. Устал от такой жизни. Не желаю больше быть шестёркой Варвары. А ещё... — он замялся, потупил взгляд. — Мне была невыносима мысль, что тебя убьют. Я бы себе этого не простил.

— Что, урод, совесть, наконец проснулась? — съязвил Ярослав. — Долго же она спала и будить ты её, походу, даже не пытался.

Вадик хихикнул, а Марина наградила бывшего спецназовца уничижительным взглядом, говорящим: ты не мог бы хоть немного помолчать?!

Тот поднял руки с раскрытыми ладонями.

— Ладно, ладно. Слова больше от меня не услышите. Как все решат, так и будет. Против коллектива не попру.

Марина на всех посмотрела поочерёдно.

— Да, я ему по-прежнему верю.

Семён кивнул.

— Спасибо, Марин, — после чего обратился к Нонне: — Я вам нужен. Я знаю про других «пастухов», знаю, как Варвара ведёт свои делишки, мы можем конкретно ей навредить. Мне пути назад нет. Сейчас я для этой твари враг номер один. И я очень хочу, чтобы она сдохла.

Нонна долго молчала. Потом всё же вынесла решение:

— Хорошо. Доверимся тебе. Но учти, мы будем начеку, если Марина почувствует засаду, тебе не поздоровается.

— В смысле, почувствует? — удивился Семён.

— Потом объясню, — устало сказала Марина.

Она рассудила, что в этой команде её расценивают не как врача, не как человека, способного дать бой монстрам, а как локатор, улавливающий этих самых монстров. Что ж, пусть так. Что-то доказывать и переубеждать она не собиралась.

Нонна завела двигатель.

— Значит, едем в Хомутовку.

— Да, но только нам попетлять придётся, — заявил Семён. — Для подстраховки. Вы думаете, как мы с Мамонтом ваше убежище отыскали? С нами был особенный монстр, ищейка. Рыжик. Он взял след возле детского дома, там ваш пацанёнок и вот этот, — кивнул на Ярослава, — наследили. Рыжик умел видеть ментальные следы. Я его пристрелил, но кто знает, возможно, Варвара создаст ещё одну ищейку, и след на этот раз она возьмёт в вашем убежище.

— Но мы же в машине, — резонно заметил Вадик. — Никаких следов мы не оставляем.

Семён пожал плечами.

— Да кто знает, на что эти ищейки способны. Лучше попетлять на всякий случай.

— Так и сделаем, — согласилась Нонна, и вывела «Газель» с обочины на шоссе.

Пока ехали, Марина рассказала Семёну про сегодняшнюю рискованную акцию.

Выслушав, тот одновременно восхитился и ужаснулся.

— Да вы совсем безбашенные! Можете считать, что в рубашках родились. Все вы. Сунулись в самое логово. Вы в курсе, что там людей вообще нет? Только чудовища. И некоторые из них в несколько раз сильнее человека.

Ярослав усмехнулся.

— Схлестнулся я с такими. Было дело. Охранники. Сказать по чесноку, еле ноги унёс.

— Повезло, что вообще унёс, — Семён окончательно оправился от удара электрошокером. И настроение улучшилось. Его приняли в команду. Принятие было пока зыбким, но это уже что-то. — Трое таких монстров однажды расправились с целой бандитской группировкой и местного авторитета завалили. Я лично тому свидетелем был. Этот авторитет на Варвару глаз положил в день открытия экопосёлка, её муж, миллиардер, к тому времени уже кони двинул. Журналюги всякие собрались, чинуши, ну Паша Мурманский там объявился. Бизнесмен, мать его. В девяностые он был классическим бандюганом, я видел его как-то, когда пацаном был: пиджак малиновый, цепь золотая с палец толщиной. А потом он прям другим человеком стал. Итальянский костюм, ролексы, официальный бизнес, а вместо братвы в спортивных костюмах и адиках, невозмутимые типы в чёрном. В общем, Паша к Варваре подкатывать начал, цветы ей дарил — венки такие, почти в её полный рост, — Семён показал ладонью расстояние от пола до своей шеи. — Да ладно цветы, он и драгоценности ей посылал. А однажды приехал в посёлок, бриллиантовое кольцо Варваре сунул. Я не слышал, что он говорил тогда, но Варвара взбесилась, кольцо это ему в рожу швырнула, а затем расхохоталась. У неё бывает такое — ярость мигом может смениться весельем. Задела она тогда Пашу Муромского, крепко задела. Он хоть с годами и стал выглядеть лощёным и цивильным, но суть-то его не делась никуда. Он сказал, что экопосёлок с землёй сравнивает и житья не даст, если Варвара не будет его подстилкой. Дебил. Знал бы он, с кем связался, бежал бы сломя голову напрямиком в свой Мурманск.

Все слушали Семёна с интересом. Нонна вывела «Газель» на окольную дорогу, решив петлять по окрестностям не меньше часа, прежде чем ехать в Хомутовку. В разбитые окна задувал ветер, в салоне было холодно.

— Хозяйка... — Семён осёкся, выругал себя за то, что по-прежнему называет эту тварь «хозяйкой». — Варвара приказала мне тогда отвести троих охранников в гости к Паше. Так и сказала — «в гости». Она хоть и чудовище, но с чувством юмора у неё полный порядок. Я и отвёз. Ночь была, зима, мороз стоял лютый. А эти трое выбрались из машины и тихонько так по снегу к особняку Мурманского двинули, через ограду точно пауки перелезли. Ну и началось. Думаю, никто из людей Паши даже не успел понять, что на них напали. Пяти минут не прошло, как всё было кончено. Твари всех замочили — и прислугу, и самого Мурманского. Ему натурально башку оторвали и привезли Варваре в качестве трофея.

— Вот же дерьмо, — подвёл итог Ярослав.

Марина содрогнулась, подумав, что сегодня их могла постичь участь этого Паши Мурманского. Если бы такие монстры нагрянули в убежище, никакой дар духа города не помог бы. Варвара сильный враг. Очень сильный. А потому, в борьбе с ней, нужен особый подход. Переть напролом — не вариант. И вот вопрос: поможет ли изменить ситуацию та информация, которой обладает Семён?

Она обратила внимание, что остальные теперь поглядывают на него без прежнего недоверия.

— А ты талант, — сказала тихо.

— Ты это о чём? — Семён приподнял бровь.

— Кажется, своей болтовнёй ты сумел расположить к себе моих друзей. Вот что значит профессиональный актёр. Этому на актёрских курсах учат?

Он коротко рассмеялся.

— Нет, такому меня не учили. Сейчас мне кажется, что, прислуживая Варваре, я просто исполнял какую-то роль. Роль морального урода. А теперь, после того, как сделал правильный выбор, я снова стал самим собой. И мне сейчас легко как-то. Я больше не исполняю никакую роль, я просто живу. И меня меньше всего заботит, что жизнь эта может скоро оборваться.

— А этот монолог из какой пьесы? — пошутила Марина.

— Из моей собственной, Марин. Из моей собственной. И называется она «Переосмысление».

— Твоя жизнь не оборвётся, — заверила Марина. — Я верю, что мы справимся с Варварой. И ты верь.

После долгой паузы, Семён произнёс с горечью в голосе:

— По поводу твоей сестры... то, что с ней случилось... Я хочу, чтобы ты знала, что я тут ни при чём. Это всё Мамонт.

— Знаю, — Марина расслабленно откинулась на сиденье, сомкнула веки. — Я всё видела собственными глазами, хотя меня там и не было.

— Не понял. Это как?

— Долгая история, Семён. Долгая и очень странная.

Едва заехали в город, Нонна остановила «Газель». Нужна была передышка. Отстранение руки от руля, она с шумом выдохнула.

— Поверить не могу, целое поселение чудовищ. Я всякое могла предположить, но только не такое, — повернулась и поглядела на Ярослава. — Скажи, что мы рисковали не напрасно.

Тот выдержал паузу, ухмыльнулся.

— Не напрасно, Нонна, не напрасно. Я кое-что видел. Хранилище в подвале, — он открыл сумку, вынул сферу. — Вот. Таких хреновин в этом хранилище уйма. Я, когда взял такой шар в руки, что-то ощутил. И сейчас ощущаю. Внутри него, кажется, жизненная сила.

— Дай гляну, — заинтересовалась Марина.

Ярослав передал ей шар. Едва она коснулась сферы, как в сознании начали появляться образы людей: женщина с веснушками на переносице, парень в кепке, девочка в розовой куртке, толстый мужчина с двойным подбородком... Марина чувствовала, что в этом шаре заключена жизненная сила всех этих несчастных. А это уже любопытно. Ярослав действительно сегодня рисковал не зря.

— Ты тоже это ощущаешь? — не скрывая волнения, спросил он.

— Да. И более того, я прямо сейчас вижу лица всех тех, у кого мрази эту жизненную силу забрали. Похоже, дар Духа Города масштабней, чем я предполагала.

Нонна хмыкнула.

— Хранилище, значит. Это интересно.

— Я ещё кое-что видел, — заявил Ярослав. — Там была комната с каким-то непонятным сооружением, похожим на большущее гнездо. И холод, такой, что аж на стенах иней. Я в разных рискованных спецоперациях участвовал, но впервые мне было настолько жутко. Когда спустился в чёртов подвал... не знаю, прям накатило, хотелось бежать оттуда,

сломя голову. Жаль не додумался взрывчатку соорудить, с радостью к херам взорвал бы и хранилище, и гнездо это.

Инга улыбнулась.

— Но мы и так сегодня неплохо порезвились, а? — она рассмеялась. — Да мы, когда удирали, кажись, нескольких тварей умудрились грохнуть! Как по мне, это хоть и небольшая, но всё же победа.

Вадик протянул к ней руку с раскрытой ладонью, по которой Инга радостно хлопнула.

— Живы остались, и то слава Богу, — резюмировала Нонна. — «Газелька» вот только пострадала. Но это ничего. И так, что мы имеем... В оздоровительном центре, в подвале, находится хранилище жизненной силы. И что-то мне подсказывает, что без этой жизненной силы монстры не могут существовать. Ну, или их хозяйка, Варвара. Будем считать, это её Ахиллесова пята.

— Не забывай про «гнездо», — напомнил Ярослав. — И про холод. Мне кажется, всё это не менее важно, чем жизненная сила.

Нонна снова взялась за руль.

— Ладно, поехали. Утром над этим поразмыслим. Сейчас голова совсем не соображает.

«Газель» тронулась. Марина пристально глядела на сферу в своих руках, думая о том, что в ней заключена жизненная сила не менее десятка людей. И, очевидно, в одном таком шаре в хранилище Варвары находится энергия, украденная у Татьяны. Когда-нибудь одно из чудовищ, возможно, та же хозяйка экопосёлка, просто напросто сожрёт эту энергию. Для чего? Быть может, для того, чтобы жизнь продлить. Такая версия казалась логичной. Ей вспомнились слова Ярослава: «...жаль не додумался взрывчатку соорудить, с радостью к херам взорвал бы и хранилище, и гнездо это». Марина всем сердцем поддерживала его желание взорвать хранилище. Да, это походило на чёртов теракт, ну и плевать. Уж лучше взрыв, чем то, что жизненная сила достанется монстрам. Ей представилось, как взрывная волна уничтожает сферы, как высвобожденная из них голубоватая эфемерная субстанция кружится среди ревущего пламени, а потом находит выход к свободе и улетает в небесную высь. Станет ли когда-нибудь воображаемый образ реальностью? Марина не любила загадывать наперёд, что бы не случиться, но сейчас на собственный вопрос она дала твёрдый ответ «ДА!» Ей так было легче. Уверенность придавала сил, поддерживала накал злости.

— Марина! — окликнула Инга. — Отдай шар, ты ведь его раздавишь.

Действительно. Забылась. Стиснула в руках сферу так, что пальцы побелели. Слишком глубоко погрузилась в омут фантазий, туда, где царил чистый, ничем не замутнённый гнев. Нахмурившись, Марина отдала шар Инге.

«Газель» пересекла ночной город, миновала промышленный район, минут через двадцать заехала на территорию коттеджного посёлка. Только Нонна припарковалась возле «убежища», как впереди, в свете фонаря, показалась фигура.

— Какого хрена?! — выдохнула Инга.

— Семён? — изумилась Марина. — Это Семён!

Лицо Ярослава исказила гримаса злобы.

— Пришибу, ублюдка!

— Похоже, мы в ловушку угодили, — поморщилась Нонна и снова завела двигатель. — Тикаем, ребята. Тикаем!

Семён поднял руки в примирительном жесте, сделал пару шагов, выкрикнул:

— Стойте! Я один! Нам нужно поговорить, вам угрожает опасность! У вас сейчас

каждая минута на счету! — без резких движений, он вынул из кобуры пистолет, положил его на землю перед собой. — Я вам не враг, больше — нет! Кое-что случилось, и мы с вами теперь в одной лодке! Выслушайте меня, если хотите жить!

— Я не ощущаю никаких монстров вокруг, — заявила Марина. — Это не ловушка, он действительно один. Мы должны его выслушать.

— Не нравится мне всё это, — проворчала Нонна, — но ты права, нужно с ним поговорить. Уверена, что это не ловушка?

— На все сто.

Ярослав с досадой поглядел на Марину, на Нонну.

— Какая, нахрен, разница, что он нам скажет? Ему по-всякому верить нельзя. Он на мразей работает. Давайте я просто выйду и разберусь с этим мудаком.

— Решайте скорее! — нетерпеливо выкрикнул Семён. — Возможно, Варвара уже послала сюда своих монстров. Вы сильно рискуете, оставаясь здесь!

— Я ему верю, — сказала Марина.

Инга удивлённо захлопала глазами.

— Это твой дар, да? Ты теперь ложь от правды отличать умеешь?

— Нет, — покачала головой Марина. — Это не дар. Я ему просто верю. Да и включите логику, в конце концов. Зачем ему предупреждать нас об опасности, если он что-то замысливает? Наше убежище раскрыто, это факт. Был бы Семён настроен против нас, он просто дождался бы подкрепления, но он пришёл к нам.

Нонна приняла решение. Открыла дверцу.

— Давай в машину.

Семён подхватил пистолет, сунул в кобуру, затем быстро забрался в салон и уселся на сиденье рядом с Мариной.

— Повторяю, времени у нас нет. Об этом месте знает Мамонт. Я пытался его грохнуть, но он, сволочь, сбежал. Наверняка он уже позвонил Варваре.

Нонна хлопнула ладонями по рулю, выругалась, но тут же успокоилась и произнесла почти ласково:

— Инга, деточка, будь добра, поступи так, как мы поступаем с мразями. Прямо сейчас.

— Поняла, — отозвалась Инга со злорадной усмешкой.

Она сидела позади Семёна и ей даже с места не пришлось вставать, чтобы приставить контакты электрошокера к его шее и нажать на кнопку. Бывший слуга Варвары задёргался точно паралитик и потерял сознание.

— На всякий пожарный, — прокомментировала содеянное Нонна.

— В этом не было нужды! — возмутилась Марина. — Он пришёл, чтобы помочь...

— Быстро же твоя злость прошла, — перебил её Ярослав. — Совсем недавно ты готова была всех мразей и их приспешников на части разорвать, а теперь заступаешься за этого, — кивнул на Семёна.

— Хватит! — повысила голос Нонна. — Похоже, времени у нас действительно мало. Так. Ярослав, возьми у него пистолет. Сейчас бежим в дом, забираем документы, ноутбук, деньги, да вообще всё, что необходимо. На всё про всё у нас пять минут.

Пяти минут хватило. А через семь, «Газель» уже выезжала с территории посёлка.

* * *

Мамонт стоял на коленях перед Варварой в гостиной её дома, и мямлил:

— Семён предал тебя... предал...

Ему пришлось ехать сюда на такси. Раз двадцать пытался дозвониться, но хозяйка не брала трубку. Теперь он знал почему: ей не до того было, здесь, в экопосёлке, произошла какая-то лютая хренотень. Не для него одного эта ночь стала паскудной.

— Семён, этот мудака, Рыжика замочил. Прямо в глаз ему выстрелил. А я еле ноги унёс. Если бы пистолет не дал осечку, лежал бы сейчас там, в лесу, рядом с Рыжиком, — он хлюпнул носом и содрогнулся, вспомнив, как продирался в кромешной тьме через кустарники, как в овраг свалился и чудом себе ничего не переломал. Сейчас ему казалось, что какие-то высшие силы его сберегли. Или, скорее, низшие, те, что далеко от Бога, учитывая, кем он являлся. Выбравшись из оврага, ломанулся дальше. Падал, поднимался и бежал, бежал, гонимый паникой. Ему мерещилось, что Семён догоняет, что тот уже близко. Хотелось забиться под какую-нибудь корягу или поваленной дерево, затаиться. Но ноги, словно взбунтовавшись против рассудка, несли вперёд. И тут случилось ещё одно чудо — продравшись сквозь молодую поросль, выскочил на шоссе. Словно всё это время знал, куда бежать. Вдалеке показался свет фар, и он ощутил себя самым удачливым человеком в мире. Встал посреди дороги, замахал руками, закричал: «Помогите!» Перед ним остановилась фура. Водителем оказался крепкий мужик дальнобойщик. Выбравшись из кабины с монтировкой в руке, тот выплеснул из себя поток отборного мата. Пока тот ругался, Мамонт, едва не плача, умолял до города его подвести. Наконец, водила успокоился, вошёл в положение. Подвёз. Мир всё-таки не без добрых людей.

— Но мы ведь теперь знаем, где логово этих ушлёпков, — Мамонт набрался мужества и поглядел в глаза Варвары. Лучше бы не глядел, появилось ощущение, словно прикоснулся к чему-то невероятно холодному. Снова усталился в пол перед собой. — Нам бы прямо сейчас туда... с большой командой. Всех перебьём.

Варвара меланхолично моргнула.

— Плохая ночь, — её голос был тягучим. — Очень плохая. Шпион проник в мой дом, несколько слуг погибло, Рыжик... ещё и предательство Семёна.

После событий в посёлке она провела в «гнезде» в подвале не больше часа. Пыталась успокоиться, привести растрёпанные чувства в порядок, но не получилось. Её бесило, что какие-то людишки посмели бросить ей вызов. С тех пор, как попала в этот мир, она воспринимала людей исключительно как расходный материал, как марионеток. И вот нате, пожалуйста, нашлись те, кто взбунтовался. В своём ледяном Аду Вара расценила бы это как достойное уважения бунтарство. Но не здесь, не в случае с жалкими человечками. Гордыня не позволяла всё так расценивать.

— А вот скажи мне, милый мой толстячок, как так вышло, что, будучи напарником Семёна несколько лет, ты не разглядел в нём эту гниль? Я-то с ним не так много общалась, мне простительно, но ты... — её лицо сморщилось, став похожим на лицо старухи, в глазах появился серебристый блеск. — Ты должен был догадаться, что он меня предаст!

Мамонт, скукожился, задрожал, сообразив, что хозяйка решила сделать из него крайнего. И как, чёрт возьми, оправдаться? В голову лез только исключительный бред.

— Я... мы... прости... — он всхлипнул. — Семён хитрый. Хитрый он. Хитрый. Прости что не увидел в нём эту гниль.

— Простить?

— Да, да, прости, хозяйка! Всё для тебя сделаю! Всё!

Лицо Варвары было наигранно задумчивым. Прищурившись, поглядела на свою руку, кожа на которой стала прозрачной, словно состояла из крошечных ледяных чешуек. Ладонь

вытянулась, ногти удлинились и теперь походили на чуть изогнутые хрустальные лезвия причудливых ножей.

— Ладно. Хорошо, — дёрнув плечами, она подступила к Мамонту, вонзила пальцы ему в ноздри и разорвала нос, превратив в кровавое месиво. — Ты прощён, толстячок.

Мамонт заорал, прижав ладони к лицу. Варвара, потеряв к нему интерес, подошла к окну. Вздохнула.

— Нет уже никого в том логове. Удрали. На всякий случай я пошлю туда десяток созданий, но я более чем уверена, Семён уже предупредил тех людишек. — она повернулась. — Хватит орать, Мамонт, твои вопли мне на нервы действуют. Неужели так больно? Подумаешь, нос порвала. Беги в лазарет, там тебе перебинтуют твой хобот. А потом... сделаю-ка я из тебя нечто иное.

Крик Мамонта сменился жалким скулежом. Пачкая кровью пол, он пополз прочь из гостинной. Да, Варвара причинила ему боль, но в своих страданиях толстяк сейчас винил не хозяйку, а Семёна. И «тех людишек».

* * *

— Вот же... — Семён застонал, приходя в себя. — Что... что случилось?

— Ничего страшного, — с циничным весельем отозвалась Инга. — Я тебя электрошокером долбанула.

— Охренеть.

Когда он был в отключке, Ярослав тщательно его обыскал. Как опять сказала Нонна — на всякий пожарный, вдруг у неожиданного союзника обнаружился бы «жучок», с помощью которого прихвостни Варвары могли бы отследить, куда теперь направились пассажиры «Газели». Сейчас осторожность — это самое важное. Никаких шпионских устройств Ярослав не обнаружил и, похоже, сей факт его слегка расстроил, очень уж ему хотелось видеть в Семёне врага, очень уж сильное было желание переломать тому руки и ноги.

— И куда мы теперь? — хмуро поинтересовалась Марина.

Минут пять назад Нонна остановила «Газель» у обочины дороги. Все сидели молча, пытаюсь осмыслить своё новое незавидное положение, пока Семён не очнулся. Его слова «Вот же...» стали первыми в затянувшемся затишье.

— У меня большая квартира в городе, — вздохнула Нонна, потерев пальцами переносицу. На её лице отражалась усталость. — Можно, конечно, туда, но... кажется, Инга, наш с тобой статус «инкогнито» пошёл коту под хвост. Там, в экопосёлке, мы конкретно засветились. Твари в мою квартиру рано или поздно нагрянут, тут к гадалке не ходи.

— Чувствую себя бомжихой, — буркнула Инга.

— Есть вариант, — прохрипел Семён, потирая шею, на которой контакты электрошокера оставили ожог. — Я недавно домик в деревне купил, о нём вообще никто не знает, ни Мамонт, ни Варвара. Хотел со временем на покой уйти и жить там как бирюк. Деревня Хомутовка, это километров двадцать отсюда. Там только с десяток стариков обитают.

— Не-а, — мотнул головой Ярослав и поглядел на Семёна, как на полное ничтожество. — Паршивый вариант. Не верю я ему. Мы туда прикатим, а там нас уже ждать будут.

Семён фыркнул.

— Дурак ты. Два и два сложить не можешь. Начерта мне было вас предупреждать об опасности? Чтобы в другую ловушку заманить? Тебе не кажется, что это уж слишком

закорючистая получается многоходовочка?

Ярослав поднялся с сиденья, подошёл к нему и вклеил крепкую оплеуху.

— Это тебе за дурака.

— Ну хватит уже! — рявкнула Нонна. Она поглядела на Марину. — А ты. Ты ему по-прежнему веришь?

Вместо того, чтобы дать ответ, Марина обратилась к Семёну:

— Почему ты переметнулся?

Он скривился, будто от боли, на лбу появились складки.

— Впервые за много лет мне захотелось сделать что-то по-настоящему правильное. Устал от такой жизни. Не желаю больше быть шестёркой Варвары. А ещё... — он замылся, потупил взгляд. — Мне была невыносима мысль, что тебя убьют. Я бы себе этого не простил.

— Что, урод, совесть, наконец проснулась? — съязвил Ярослав. — Долго же она спала и будить ты её, походу, даже не пытался.

Вадик хихикнул, а Марина наградила бывшего спецназовца уничижительным взглядом, говорящим: ты не мог бы хоть немного помолчать?!

Тот поднял руки с раскрытыми ладонями.

— Ладно, ладно. Слова больше от меня не услышите. Как все решат, так и будет. Против коллектива не попру.

Марина на всех посмотрела поочерёдно.

— Да, я ему по-прежнему верю.

Семён кивнул.

— Спасибо, Марин, — после чего обратился к Нонне: — Я вам нужен. Я знаю про других «пастухов», знаю, как Варвара ведёт свои делишки, мы можем конкретно ей навредить. Мне пути назад нет. Сейчас я для этой твари враг номер один. И я очень хочу, чтобы она сдохла.

Нонна долго молчала. Потом всё же вынесла решение:

— Хорошо. Доверимся тебе. Но учти, мы будем начеку, если Марина почувствует засаду, тебе не поздоровается.

— В смысле, почувствует? — удивился Семён.

— Потом объясню, — устало сказала Марина.

Она рассудила, что в этой команде её расценивают не как врача, не как человека, способного дать бой монстрам, а как локатор, улавливающий этих самых монстров. Что ж, пусть так. Что-то доказывать и переубеждать она не собиралась.

Нонна завела двигатель.

— Значит, едем в Хомутовку.

— Да, но только нам попетлять придётся, — заявил Семён. — Для подстраховки. Вы думаете, как мы с Мамонтом ваше убежище отыскали? С нами был особенный монстр, ищейка. Рыжик. Он взял след возле детского дома, там ваш пацанёнок и вот этот, — кивнул на Ярослава, — наследили. Рыжик умел видеть ментальные следы. Я его пристрелил, но кто знает, возможно, Варвара создаст ещё одну ищейку, и след на этот раз она возьмёт в вашем убежище.

— Но мы же в машине, — резонно заметил Вадик. — Никаких следов мы не оставляем.

Семён пожал плечами.

— Да кто знает, на что эти ищейки способны. Лучше попетлять на всякий случай.

— Так и сделаем, — согласилась Нонна, и вывела «Газель» с обочины на шоссе.

Пока ехали, Марина рассказала Семёну про сегодняшнюю рискованную акцию. Выслушав, тот одновременно восхитился и ужаснулся.

— Да вы совсем безбашенные! Можете считать, что в рубашках родились. Все вы. Сунулись в самое логово. Вы в курсе, что там людей вообще нет? Только чудовища. И некоторые из них в несколько раз сильнее человека.

Ярослав усмехнулся.

— Схлестнулся я с такими. Было дело. Охранники. Сказать по чесноку, еле ноги унёс.

— Повезло, что вообще унёс, — Семён окончательно оправился от удара электрошокером. И настроение улучшилось. Его приняли в команду. Принятие было пока зыбким, но это уже что-то. — Трое таких монстров однажды расправились с целой бандитской группировкой и местного авторитета завалили. Я лично тому свидетелем был. Этот авторитет на Варвару глаз положил в день открытия экопосёлка, её муж, миллиардер, к тому времени уже кони двинул. Журналисты всякие собрались, чинуши, ну Паша Мурманский там объявился. Бизнесмен, мать его. В девяностые он был классическим бандюганом, я видел его как-то, когда пацаном был: пиджак малиновый, цепь золотая с палец толщиной. А потом он прям другим человеком стал. Итальянский костюм, ролексы, официальный бизнес, а вместо братвы в спортивных костюмах и адиках, невозмутимые типы в чёрном. В общем, Паша к Варваре подкатывать начал, цветы ей дарил — венки такие, почти в её полный рост, — Семён показал ладонью расстояние от пола до своей шеи. — Да ладно цветы, он и драгоценности ей посылал. А однажды приехал в посёлок, бриллиантовое кольцо Варваре сунул. Я не слышал, что он говорил тогда, но Варвара взбесилась, кольцо это ему в рожу швырнула, а затем расхохоталась. У неё бывает такое — ярость мигом может смениться весельем. Задела она тогда Пашу Муромского, крепко задела. Он хоть с годами и стал выглядеть лощёным и цивильным, но суть-то его не делась никуда. Он сказал, что экопосёлок с землёй сравнивает и житья не даст, если Варвара не будет его подстилкой. Дебил. Знал бы он, с кем связался, бежал бы сломя голову прямиком в свой Мурманск.

Все слушали Семёна с интересом. Нонна вывела «Газель» на окольную дорогу, решив петлять по окрестностям не меньше часа, прежде чем ехать в Хомутовку. В разбитые окна задувал ветер, в салоне было холодно.

— Хозяйка... — Семён осёкся, выругал себя за то, что по-прежнему называет эту тварь «хозяйкой». — Варвара приказала мне тогда отвести троих охранников в гости к Паше. Так и сказала — «в гости». Она хоть и чудовище, но с чувством юмора у неё полный порядок. Я и отвёз. Ночь была, зима, мороз стоял лютей. А эти трое выбрались из машины и тихонько так по снегу к особняку Мурманского двинули, через ограду точно пауки перелезли. Ну и началось. Думаю, никто из людей Паши даже не успел понять, что на них напали. Пяти минут не прошло, как всё было кончено. Твари всех замочили — и прислугу, и самого Мурманского. Ему натурально башку оторвали и привезли Варваре в качестве трофея.

— Вот же дерьмо, — подвёл итог Ярослав.

Марина содрогнулась, подумав, что сегодня их могла постичь участь этого Паши Мурманского. Если бы такие монстры нагрянули в убежище, никакой дар духа города не помог бы. Варвара сильный враг. Очень сильный. А потому, в борьбе с ней, нужен особый подход. Переть направо — не вариант. И вот вопрос: поможет ли изменить ситуацию та информация, которой обладает Семён?

Она обратила внимание, что остальные теперь поглядывают на него без прежнего

недоверия.

— А ты талант, — сказала тихо.

— Ты это о чём? — Семён приподнял бровь.

— Кажется, своей болтовнёй ты сумел расположить к себе моих друзей. Вот что значит профессиональный актёр. Этому на актёрских курсах учат?

Он коротко рассмеялся.

— Нет, такому меня не учили. Сейчас мне кажется, что, прислуживая Варваре, я просто исполнял какую-то роль. Роль морального уroda. А теперь, после того, как сделал правильный выбор, я снова стал самим собой. И мне сейчас легко как-то. Я больше не исполняю никакую роль, я просто живу. И меня меньше всего заботит, что жизнь эта может скоро оборваться.

— А этот монолог из какой пьесы? — пошутила Марина.

— Из моей собственной, Марин. Из моей собственной. И называется она «Переосмысление».

— Твоя жизнь не оборвётся, — заверила Марина. — Я верю, что мы справимся с Варварой. И ты верь.

После долгой паузы, Семён произнёс с горечью в голосе:

— По поводу твоей сестры... то, что с ней случилось... Я хочу, чтобы ты знала, что я тут ни при чём. Это всё Мамонт.

— Знаю, — Марина расслабленно откинулась на сиденье, сомкнула веки. — Я всё видела собственными глазами, хотя меня там и не было.

— Не понял. Это как?

— Долгая история, Семён. Долгая и очень странная

Глава четырнадцатая

Команда чистильщиков, которую послала Варвара, вернулась ни с чем. Что и следовало ожидать. Бунтари сбежали. Их предупредил Семён — в этом создательница чудовищ ни капли не сомневалась. В своём ледяном мире она часто сталкивалась с предательством, но здесь — впервые. Ей в голову не могло прийти, что кто-то из людишек, кто-то из этих жалких насекомых, найдёт в себе смелость, чтобы отвернуться от неё. От неё! От той, кто одной силой мысли способна превратить любое существо в грудку мяса и костей!

И теперь ей хотелось мести. Вот только она понятия не имела, где искать Семёна и его соратников. Для создания новой ищейки требовалось много времени — породить красного червя не так-то просто. К тому же, ищейка теперь вряд ли поможет, предатель знал о возможностях монстра следопыта, а потому наверняка как-то подстраховался. Впрочем, Варвара не собиралась сидеть, сложа руки и впустую лелея свою злость. Ей уже было известно, кто те люди, что покусились на её жизненный расклад, на кропотливо выстроенную систему. Коттедж принадлежал некой Нонне Северной, выяснить это не составило труда, для этого потребовался лишь один звонок нужному человечку. Имена остальных тоже перестали быть тайной: Марина, сотрудница Скорой помощи, Ярослав, бывший боец спецназа, девчонка Инга и Вадим, мальчишка, сбежавший из детского дома. Все они конкретно засветились, когда совершили свою наглую акцию, вторгнувшись на территорию экопосёлка и забросав её дымовой и грохочущей хренью. И Варвара не сомневалась, скоро эти людишки снова проявят себя, не смогут стоять в стороне, когда её монстры начнут уничтожать всех, у кого был опыт клинической смерти. Оказавшись в этом мире, она дала себе зарок не лютовать без крайней надобности, по возможности оставаться в

тени. Но настала пора выйти из тени. Пришло время крови. Все, кто способен «видеть», должны сдохнуть, потому что шестеро из них слишком обнаглели. И смерти эти будут на совести этих шестерых!

Она вышла из своего дома, окинула взглядом территорию экопосёлка и выкрикнула:
— Мамонта ко мне позовите! Живо!

Сразу трое оказавшихся по близости местных бросились исполнять приказ.

Миссию по уничтожению «видящих» Варвара решила поручить толстяку. Тот хоть и не отличался большим умом, но для такой работы отлично подходил. А чтобы у него даже мысли не возникло предать, как предал Семён, она намеревалась сделать его иным. Предать могут люди, её создания — никогда.

* * *

Марине эта деревушка понравилась, хотя подобные места среди привыкших к комфорту городских жителей принято называть «дырой». Старые избы, чёрные столбы электропередачи, подворья цвета охры из-за осеннего бурьяна, среди которого властвовали чертополох и чернобыльник. Иногда небо пересекала сорока. Сосны окружали деревню плотной стеной, и у Марины создалась иллюзия, что лес задался целью поглотить все следы, что оставили люди, вернуть себе некогда принадлежащую ему территорию. И план это вовсю осуществлялся — околица то тут, то там густо поросла молодыми деревцами.

Понравился Марине и дом, который приобрёл Семён. Обычная большая изба, но от неё приятно веяло стариной. Потемневшие от времени брёвна, наличники с остатками облупившейся синей краски, резные перила на крыльце. Всё здесь дышало каким-то природным спокойствием, казалось, это территория, где просто не может случиться ничего плохого.

— Дом не обжит, — с нотками извинения сказал Семён, когда все зашли в гостиную. — Я, если честно, и бывал-то здесь всего раз пять. В будущем планировал тут всё обустроить, сделать так, как было в доме моего детства. Я ведь в детстве вот в такой же избе жил.

Инга щёлкнула допотопным выключателем, загорелась лампочка в жёлтом пыльном абажуре.

— Нормально. Главное, электричество есть. А то, что удобства во дворе... это ничего, перетерпим как-нибудь. Если взялся бороться с чудовищами, привыкай к спартанской обстановке.

Нонна заглянула в соседнюю комнату.

— Так, диван есть, кровать, кресла... Нам всем нужно отдохнуть, лично у меня голова от усталости уже не соображает. Потом будем думать, что да как. Отдохнём до полудня, съездим в соседний посёлок, купим продукты...

— Электроплитку, — встряла Инга.

— Да, электроплитку. Куда ж без неё. И обогреватели, холодно здесь. А сейчас — спать, — Нонна зевнула и расположилась в кресле. Она решила просто закрыть глаза, не спать, потому что у неё ещё оставалось недоверие к Семёну. Если тот что-то задумает, она будет начеку. Осторожность — прежде всего.

Примерно через час, когда все вроде бы уснули, Нонна услышала, как скрипнула половица. Чуть приоткрыла веки, увидела Семёна. Он как-то крадучись, явно стараясь не разбудить остальных, проследовал через гостиную, в прихожей чем-то зашуршал, после чего вышел из дома. С гулко бьющимся сердцем Нонна выскользнула из кресла, кинулась к окну, посмотрела в щель между выцветшими занавесками. Семён стоял на крыльце, глядел на лес.

Но вот его рука нырнула в карман джинсов... Если бы он достал заранее припрятанный телефон, Нонна тут же подняла бы тревогу. Но он вынул пачку сигарет, закурил, уселся на ступеньку.

— Тоже не доверяете ему?

Нонна вздрогнула от неожиданности. Увлечённая слезкой, даже не заметила, как подошёл Ярослав. Тихо выругалась:

— Идиот. Ты меня так до инфаркта доведёшь. Чего тебе не спится-то?

Он усмехнулся.

— Ну, видимо, по той же причине, что и вам. Пока этот утырок на деле не докажет, что на одной стороне с нами, я с него глаз не спущу. Его рассказам я не очень верю. Идите, Нонна, отдохните. А я за ним посижу.

— Да, ты прав, нужно поспать, не то совсем соображать перестану.

* * *

За покупками в соседний посёлок поехали после полудня. Когда вернулись, приготовили на новой электроплитке обед, поели и начали обсуждать своё положение. Всё сходились во мнении, что неразумно долго отсиживаться в этой деревне. Нужно было действовать.

— Рано или поздно мы снова должны нагрянуть в логово Варвары, — Ярослав опять рвался в бой. — Хранилище жизненной силы, это её слабое место. Я на сто процентов уверен, что если мы уничтожим те шары, Варваре настанет кирдык. Ну, или, по крайней мере, для неё это станет большим ударом. Неспроста она эту силу копит, ох неспроста, — он взглянул на Семёна. — А ты что знаешь об этом хранилище?

Тот пожал плечами.

— Я знал, что оно существует, но никогда там не был. Людям на подземные этажи оздоровительного центра вход воспрещён. И не думайте, что мы с Мамонтом были на каком-то особом положении. А насчёт уничтожения хранилища... То, что тебе удалось туда проникнуть, это невероятная удача, которой не было бы без несусветной наглости и элемента неожиданности. Второй раз такой номер не прокатит. Но у меня есть кое-какие соображения, как конкретно навредить Варваре. Я и Мамонт не единственные, кто приглядывали за сборщиками. Мы всего лишь заведовали южным округом города, но есть и другие. Пастухи. Для Варвары они очень ценны. Если уничтожить это звено в цепочке, это нарушит всю систему, по крайней мере, на долгое время. Некому будет искать сборщиков и доставлять их на дойку, а доставлять нужно в строго отведённый срок, иначе переизбыток жизненной силы может «коровкам» навредить, — Семён выдержал паузу, поочерёдно посмотрев на каждого из присутствующих. — Ну а теперь, самое главное. Я знаю всех этих пастухов, найти их не составит труда. А потом... мы можем что-нибудь с ними сделать.

Все молчали, переваривая эту информацию. Семён вздохнул.

— Что, эта идея не кажется вам хорошей только потому, что это моя идея?

Марина подняла руку, точно ученица в школе.

— Я — за. Он дело говорит.

— Это уже похоже на неплохой план, — поддержала Инга. — Вот только... что мы будем делать с этими пастухами? Убивать? Они хоть и сволочи, но всё же люди.

Ярослав фыркнул.

— Лично для меня они ничем не отличаются от монстров, — он многозначительно посмотрел на Семёна, давая понять, что и его считает тем ещё гадом. — Если нужно, я сам

им бошки сверну. Не время сейчас думать, как бы чистенькими остаться. У нас война, а на войне как на войне, как говорится. Или мы их, или они нас. Я не боюсь руки в крови запачкать.

— И я не боюсь, — Вадик сделал грозный вид, продемонстрировав свою решительность.

— Молодец, мелкий, — Ярослав привстал, взъерошил ему волосы. — Похоже, мы с тобой тут единственные, кто готов действовать по-настоящему, как солдаты.

— Успокойся уже... солдат, — осекла его Нонна. — Убивать никого не будем. Есть черта, которую мы не должны пересекать. По крайней мере, должны стараться не пересекать, иначе чем мы будем отличаться от чудовищ? Не думай, Ярослав, я не какая-то там закоренелая моралистка, и всех этих прислужников Варвары ненавижу не меньше тебя, но мы просто обязаны найти способ обойтись без крови.

— Без крови... — задумчиво повторил Семён. — Кажется, есть такой способ. Мы можем навредить Варваре её же оружием. Только для этого оружие должно быть сломано.

— Поясни, — нахмурилась Нонна.

— Будучи пастухом я кое-что узнал о сборщиках. По сути они довольно тупые, делают то, что им говорят пастухи и придерживаются определённых правил в поведении. Но, порой, случаются сбои. Чаще всего мы доставляли Варваре наркоманов для обращения их в сборщиков, и после того, как они становились монстрами их тяга к наркоте исчезала. Как бы бредово это ни прозвучало, но превращение в чудовищ для обдолбышей лучшее лекарство. Однако несколько раз случалось так, что эти бывшие наркоманы доставали из каких-то заначек дозу и ширялись. Понятия не имею, почему они это делали, похоже в них ещё оставался наркоманский инстинкт, память о том, как он пускали эту хрень по венам. Я так понимаю, кололись они совершенно бездумно, у них не было желания получить кайф. Это был конкретный сбой в их поведении. Но про свою обязанность собирать жизненную силу они не забывали. Вот только вместо сбора этой силы они людей... не знаю, отравляли что ли. Люди не умирали, нет, а становились полными дебилами, забывали даже собственные имена. К тому времени как мы с Мамонтом просекали что к чему, эти сборщики нарकोши могли успеть десяток человек отравить.

— Десяток человек, — Инга бросила на Семёна уничижительный взгляд и тут же отвернулась. — И как ты со всем этим живёшь? Даже не представляю, как тебе нужно постараться, чтобы грехи свои искупить.

— Вряд ли получится искупить такие грехи, — тихо отозвался Семён, — но что-то хорошее я ещё сделать могу. Если я хоть как-то смогу помочь расправиться с Варварой, тогда... может камень на душе перестанет быть настолько тяжёлым.

Нонна поморщилась, словно надкусила лимон.

— Хватит уже этой лирики. Слушать тошно. А то, что ты рассказал про мразей наркоманов... это интересно, информация более чем полезная. И я поняла твой намёк про сломанное оружие. Похитим одного из таких монстров, накачаем его наркотой и пусть он за нас с пастухами расправляется. Только подготовиться нужно, «Газель» починить, перекрасить и... А где мы наркотики найдём?

— Это я беру на себя, — заявил Семён. — У меня во многих городских притонах есть завязки. И кстати, я ещё кое-что знаю, так сказать, вишенка на торте, которая может оказаться очень полезной в борьбе с этими тварями. Вы, как я успел заметить, вооружены электрошокерами, но есть кое-что не менее эффективное и более убийственное. Инсулин.

Поначалу мы с Мамонтом доставляли Варваре всех подряд, и среди них попадались диабетики. После обращения болезнь никуда не исчезала, а укол инсулина вызывал у них мощный припадок, а потом — смерть. Для чудовищ это яд. Одного из тех диабетиков что мы доставили, Варвара сделала боевиком, сильным монстром, таким же, как те, с которыми ты столкнулся, Ярослав. Так вот инъекция инсулина его убила.

Вадик кисло улыбнулся.

— Нам что же теперь, шприцы с собой таскать?

— Уверена, в интернете можно заказать ружья для инъекций. Такие, что шприцами и дротиками стреляют. Как по мне, шикарная идея.

— Ружья? — оживился Вадик. — Мне это нравится! — он изобразил, как стреляет из воображаемого оружия.

— И вот ещё что... — Семён расправил плечи. Он был доволен, что оказался полезен. — Чудовища терпеть не могут резких запахов. Ацетон, уксус — всё это их нехило дезориентирует.

— Да ты у нас прям кладёшь полезной информации, — буркнул Ярослав. Из его уст эти слова меньше всего походили на похвалу. — И где ж ты раньше-то бы со всеми этими знаниями? Ах да, точно, на Варвару шестерил.

Семён сложил руки на груди и произнёс спокойно:

— Пропущу-ка я это мимо ушей.

* * *

В сопровождении двоих «быков» Мамонт вышел из подъезда. Дело сделано. Почти. Оставалось дождаться итога. Он подошёл к чёрному Джипу, поглядел на окна седьмого этажа. Хищно улыбнулся, когда одно из окон открылось, в проёме на фоне вздувшихся занавесок показалась женщина средних лет. Она стояла на подоконнике и выглядела так, словно все проблемы этого мира обрушились на неё со всей своей невероятной тяжестью. Мамонт отметил, что ещё пять минут назад эта дамочка казалась намного моложе. А теперь будто бы постарела, в глазах горело отчаяние.

— Прыгай, — прошептал он, не прекращая улыбаться. — Прыгай, прыгай...

И она прыгнула — безмолвно, вниз головой. Разбилась насмерть. Рядом с ней быстро начала расти кровавая лужа. Кто-то из прохожих закричал и побежал в глубь двора.

Даже после гибели в чертах лица женщины продолжала отражаться безнадёга, словно уход из жизни не решил проблем. Никаких.

— Ух-ты! — восторженно воскликнул Мамонт. — Видали, пацаны? Это... это просто... ух-ты! И это я сделал! Я, мать вашу!

Его спутники на эти слова никак не отреагировали, весь их вид говорил о полнейшем холодном равнодушии. Мамонт поправил съехавшую на затылок шляпу, достал из кармана блокнот и карандаш, открыл страницу, зачеркнул первое имя в длинном списке. Вот теперь дело окончательно сделано. Одна из тех, кто когда-то имел опыт клинической смерти, отправилась в мир иной. А для этого всего-то понадобилось дыхнуть на неё, изрыгнув из утробы особый газ, а потом сказать, что этот мир таит много угроз и спастись поможет только прыжок из окна. Вот так вот, легко и просто, как два пальца обоссать. Мамонт понятия не имел, какие химические реакции утробный газ вызвал в организме дамочки, но на мозги тот повлиял конкретно. Итог — разбитая о бордюр башка, мозги на асфальте. Красота!

Днём Варвара «скормила» ему жёлтого червя. Страшно было до жути, противно до

дрожит. Он открыл рот и зажмурился. Тварь прохладной лентой скользнула в горло, а потом... Мамонт не помнил. Пришёл в себя, когда червь уже «прижился». И теперь всё позади. Он стал другим. Он теперь чудовище, и его этот факт несколько не напрягал. Немного напрягал лишь побочный эффект.

Люди сбегались к месту трагедии, кто-то позвонил в полицию, в скорую. Девушка в синей куртке застыла возле Джипа, поморщилась, поглядела на Мамонта с отвращением.

— Чего пялишься, сучка драная?! — рявкнул он. — Ну да, воняю, и что? У всех свои недостатки!

Девушка рванула прочь, борясь с рвотными позывами.

После того, как Мамонт стал иным, его тело начало источать миазмы, похожие на вонь гнилого мяса. Сам он этот запах ощущал лишь отчасти, возможно из-за того, что нос был разорван, залеплен пластырем и перевязан так, что это походило одновременно на собачий намордник и причудливый респиратор. А «быки», которых Варвара выделила для сопровождения, похоже, вообще эту вонь не чувствовали, или она их ни капли не беспокоила.

Он бросил взгляд на окружённую толпой мёртвую женщину и забрался в машину. Этим вечером Мамонт планировал вычеркнуть из списка ещё минимум десятерых «видящих». Ему такая работёнка нравилась, ощущение власти будоражило разум. А вонь... да насрать на вонь. Эйфория от новых способностей перекрывала любые побочные эффекты. Наконец-то он, Мамонт, получил супер-силу, которая делала его почти неуязвимым. Справедливость восторжествовала!

Глава пятнадцатая

На то, чтобы отремонтировать и перекрасить «Газель» ушло два дня. За это время Инга сделала в интернет-магазине заказ, который доставили через сутки: пневматические ружья, стреляющие шприцами. Немного потренировались, и выяснилось, что лучше всех с таким оружием управляется Вадик. Казалось, мальчишка наделён то ли божественным, то ли дьявольским талантом, но он ни разу не промахнулся. После похвалы Ярослава, он долго ходил с гордым видом и радостным блеском в глазах. Когда утром команда поехала в город, для того чтобы похитить парочку пастухов и одного из сборщиков, Вадик буквально умолял дать ему шанс проявить себя:

— Ну можно я стрельну? Я точно попаду, обещаю!

Нонна вздохнула, управляя «Газелью» и сосредоточенно глядя на дорогу за лобовым стеклом.

— Ладно, Вильгельм Телль, первый выстрел твой.

Вадик широко улыбнулся, а через какое-то время поинтересовался у Марины:

— А кто такой Вильгельм Телль?

Марина наклонив голову начала шептать Вадиду на ухо, отчего его лицо становилось всё довольней и довольней.

Миновав промышленный район, заехали в восточную часть города. Глядя на дома, машины, фонари, Марина вдруг осознала, что теперь воспринимает город, в котором прожила всю жизнь, как враждебную территорию. Не нравилось ей это чувство, было в нём что-то подлое, будто навязанное кем-то тёмным и лживым. Это тёмное и лживое заставляло всё видеть в искажённом свете, обобщать. Так недолго до ненависти к самому городу, а не только к чудовищам, что заполонили его улицы.

— Нам лучше вон в том дворе остановиться, — заявил Семён, прервав размышления Марины. — Здесь Хилый живёт. Сборщик, бывший наркоман. Варвара его всего две недели

назад сделала монстром. Думаю, это вполне себе нормальная кандидатура. Нужно только подождать, он на промысел всегда в десять выходит, как и большинство остальных коровок.

Нонна заехала во двор, выключила двигатель. Минут через пятнадцать из подъезда пятиэтажки вышел сутулый тип в выдавшей виды «косухе», потёртых джинсах и с неопрятными, явно давно не дружившими с расчёской и шампунем сальными волосами. Обведя двор мутным взглядом, он сунул руки в карманы и двинулся по тротуару.

— Вадик, приготовься, — скомандовала Нонна.

Мальчишка кивнул с серьёзным видом, крепко сжимая приклад пневматической винтовки. Марина прислушалась к своим ощущениям: кроме сборщика она не чувствовала поблизости ни единого существа, не считая тех, что находились в «Газели», разумеется.

— Всё спокойно, — сообщила она.

Когда Хилый поравнялся с «Газелью», Инга открыла дверцу. Вадик быстро прицелился, выстрелил. Шприц со снотворным угодил прямоком в шею. Ярослав выскочил наружу, подхватил пошатнувшегося парня и, словно мешок с картошкой, затащил в салон. Хилый изумлённо хлопал глазами, из его открытого рта выскочило прозрачное щупальце, но тут же втянулось обратно, веки затрепетали и сомкнулись. Заснул.

— Как я его, а? — выдохнул Вадик. Его аж затрясло от переизбытка эмоций. — Вы видели? Видели? Прямо в шею!

— Молодец, солдат, — похвалил Ярослав, хлопнув мальчика по плечу, а потом проворчал: — Вот только, не нравятся мне все эти заморочки со снотворным. Я бы этого ублюдка и без снотворного вырубил.

Марина глядела на спящего сборщика и вдруг осознала, что не испытывает к нему ненависти. Пока он в таком состоянии — нет. По сути, это существо жертва. Как её сестра, как сотни тех, кто, точно мухи, угодил в сети паучихи Варвары. А что пауки делают с мухами? Правильно, жрут. Вот и Варвара перемалывала судьбы всех, до кого могла дотянуться.

— Так, не расслабляемся, — сказала Нонна, снова включив двигатель. — Пока всё идёт нормально, но мы ко всякому должны быть готовы, — она посмотрела на Семёна. — Куда дальше?

— На улицу Лесной Бульвар, — отозвался тот. — Если повезёт, застанем там Лёху и Шурика. Отмороженные ребята, похлеще Мамонта. Вот уж кого не жалко, если они при нашем эксперименте ласты склеют.

После его слов Ярослав ухмыльнулся, вариант, что пастухи сдохнут, был для него предпочтительней. Причём, это касалось всех, кто служил Варваре, а не только конченных отморожков.

На улицу Лесной Бульвар прибыли минут через двадцать. По указанию Семёна, Нонна остановила «Газель» в переулке, неподалёку от кафе «Рябинка», которое, по его словам, Шурик год назад купил на те деньги, что Варвара ему платила. Проблема была в том, что заведение находилось в людном месте, рядом с проспектом.

— Шурик с Лёхой постоянно здесь ошиваются, — объяснил Семён. — По крайней мере, до полудня. Кстати, и сборщиков тут хватает.

— Я их чувствую, — кивнула Марина. Она уже рассказала Семёну про дар Духа Города, так что её слова его не удивили. — Трое совсем рядом, за углом вон того дома, ещё пятеро чуть дальше, там, где супермаркет.

Нонна нервно заёрзала на водительском сиденье.

— Нужно всё проверить как можно быстрее. На этот раз лучше воспользоваться шокерами.

— Значит так, — начал излагать свой план Семён. — Я захожу в кафе, попадаюсь на глаза пастухам и — дёрну оттуда. Сто пудов они рванут за мной. То, что я кинул Варвару им уже, конечно же, известно. Я для них теперь, как красная тряпка для быка. Умом они похвастаться не могут, так что вряд ли сообразят, что я их веду в ловушку.

Ярослав глядел на него с подозрением, будто гадая, а действительно ли именно для пастухов тот задумал эту западню?

— Ты что-то хочешь сказать? — холодным тоном спросил Семён. — Ну давай, выкладывай. Скажи в сотый раз, что мне нельзя доверять.

— Пожалуй, промолчу, — фыркнул Ярослав.

Вадик зарядил ружьё новым шприцем со снотворным — на всякий случай. Остальные приготовили электрошокеры.

— Удачи, — пожелала Марина.

— Спасибо, — буркнул Семён. — Удача мне сейчас не помешает. Всем нам.

Он поднялся с сиденья, перешагнув лежащего на полу связанного, с холщовым мешком на голове, сборщика, открыл дверцу и вышел из машины. «Только бы всё получилось», — крутилось в голове. Ему нельзя было облажаться, от этого зависело то, какое место он займёт в команде. Достало уже, что Ярослав, а порой и остальные, глядели на него, как на мину замедленного действия. Да, его вина была велика, но ему хватало того, что он сам себя за это ненавидел.

Поглядывая по сторонам, Семён дошёл до кафе, отметив, что белая «Ауди» Шурика стояла на небольшой парковке. Уже хорошо, значит торчать тут и дожидаться пастухов не придётся. Пульс предательски участился, и бросило в жар, хотя руки были ледяными. Семён сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и открыл дверь, моментально забыв про бешеное сердцебиение. Посетителей в зале не было. Шурика и Лёхи тоже. Подошёл к стойке, которую вяло протирала тряпочкой миловидная блондинка.

— Хозяин где?

Девушка подняла на него взгляд.

— Александр Сергеевич?

— А что, тут кроме него есть ещё какой-то хозяин? — Семён посмотрел на дверь в подсобное помещение. — Он там? — и, не дожидаясь ответа, выкрикнул: — Шурик, выходи давай, поговорить надо!

— Да вы что так кричите-то! — возмутилась блондинка.

Дверь открылась, в зал вышли двое — крепкие, плечистые, в костюмах с иголки, будто подражатели «Людей в чёрном». Шурик, держа в руке надкусанный гамбургер, широко ощерился.

— Оп-па! Сёма! Глазам своим не верю.

Лёха набычился, явно намереваясь пойти в атаку.

— Стойте, парни! — Семён поднял руки в примирительном жесте. — Я пришёл просто поговорить. Мне нужно, чтобы вы кое-что передали Варваре.

Он рассудил, что, если бы он сразу же бросился наутёк, это было бы слишком подозрительно, учитывая, что сам позвал Шурика. Эти ребята хоть и дуболомы, но почуять неладное всё же могли. А тут — пришёл поговорить.

— Не-е, — протянул Шурик, швырнув гамбургер на стойку. — Ничего мы Варваре

передавать не будем. У нас есть идея получше, верно, Лёх? Мы тебя к ней отвезём.

Лёха цыкнул зубом.

— И, думаю, она не слишком расстроится, если мы тебе челюсть свернём.

Семён мысленно усмехнулся. Теперь его бегство не вызовет подозрений — кому охота, чтоб ему челюсть сворачивали? Как и предполагалось, эти кретины оказались вполне себе предсказуемыми. Оставалось лишь радоваться, что при выборе Варварой помощников, ум — не главный критерий.

Воспользовавшись своим актёрским талантом, Семён изобразил испуг. В примиряющем жесте поднял руки, направив ладони к собеседникам. Пусть поверят, что он сдаётся.

— Да вы что, ребята? Я ведь хотел всего лишь поговорить.

Он развернулся и рванул прочь, чувствуя себя приманкой для хищников, что в сущности было недалеко от правды. Входная дверь открылась, в проёме показался посетитель, парень лет двадцати. Семёну пришлось оттолкнуть его, чтобы прорваться наружу, а Шурик обошёлся с парнем ещё более грубо, сбив бедолагу с ног. Блондинка за всем этим смотрела с возмущением, словно жрица, чей храм только что был нагло осквернён. Она перевела взгляд с упавшего посетителя на развалившийся гамбургер на стойке, топнула ногой и выкрикнула плаксиво:

— Ну нельзя же так!

Семён бежал в сторону переулка, умоляя провидение, чтобы не объявился полицейский патруль. Служители закона могли пустить весь план насмарку. А прохожие — на них плевать, они не помеха.

Однако вместо полицейский он увидел кое-кого опасней. Их было трое. Ему хватило мимолётного взгляда, дабы определить, что это не люди. С чёрными зонтами в руках, они двинулись наперерез, а сзади пыхтели как паровозы Шурик и Лёха.

* * *

Марина сидела с закрытыми глазами, её веки мелко подрагивали. Она видела и ощущала всё, что творилось вокруг. Несколько минут назад наблюдала, как Семён вошёл в кафе. Там вышла заминка. Появились два человека. Кажется, начался разговор...

Мрази! Они отвлекли внимание Марины от кафе. Твари шагали к проспекту, а это было очень, очень паршиво! Сволочи были между переулком, где стояла «Газель» и заведением, в котором находился Семён. А вон ещё сборщики. Двое. И они тоже приближались.

— Семёну понадобится наша помощь! — Марина открыла глаза. — Там мрази.

— Действуем! — скомандовала Нонна.

Выскочили их «Газели», оббежали ограду небольшой стройплощадки, увидели, как Семён несётся прочь от кафе, его преследовали типы в чёрных костюмах. Заметили предателя хозяйки и мрази. Старуха, молодой мужчина и девушка бросились ему наперерез. Ещё два сборщика двигались со стороны супермаркета.

Вадик вскинул ружьё, выстрелил в монстра. Шприц угодил в твёрдый воротник кожаной куртки, не достигнув шеи. Мрази все разом развернулись, раззявили рты, из который точно разъярённые змеи вырвались эфемерные щупальца. «Хоботы» буквально вонзились в Вадика, и тот застыл, выронив оружие и ощущая, как жизненная сила горячей волной хлынула из его тела. Не сбавляя скорости, Семён врезался в одного из сборщиков. К другому подбежал Ярослав, нанёс удар в челюсть. Прохожие шарахались в стороны, некоторые доставали телефоны, чтобы позвонить в полицию или заснять происходящее на камеру.

Семён остановился, дальше бежать не было смысла. Он повернулся, вынул из внутреннего кармана электрошокер, шагнул навстречу преследователям. Всё пошло не по плану и теперь только быстрые действия могли исправить ситуацию. Лёха налетел на него точно носорог, успел ударить под дых, но и сам получил разряд током, задёргался, рухнул на мокрый асфальт. Инга с Мариной тем временем электрошокерами вывели из строя ещё двоих мразей, избавив Вадика от «хоботов», однако мальчик успел потерять слишком много энергии. Бледный, с закатившимися глазами, он упал, судорожно хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Несмотря на случившееся с напарников, Шурик не растерял боевого запала. Вместо того, чтобы благоразумно ретироваться, он вдарил Семёну ногой в живот, затем схватил его за шкуру, швырнул прямым в лужу. Ударил ещё раз, и ещё. Инга попыталась ткнуть разбушевавшегося пастуха шокером, но её выпад не остался незамеченным. Продемонстрировав отличную реакцию, Шурик, не переставая лупить ногами Семёна, наотмашь, кулаком, сбил Ингу с ног. Девушка отлетела в фонарный столб, гулко стукнувшись спиной. Ярослав бросил взгляд на поверженных друзей, зашипел сквозь зубы и кинулся в атаку. Действовал умело, каждое движение было отточено до автоматизма. Завязался бой двоих профессиональных бойцов. А вокруг собиралось всё больше людей, и включённых телефонов в руках зевак прибавилось. Откуда-то донёсся вой сирены полицейской машины.

Марина, чувствуя, как тратится впустую драгоценное время, подбежала к Вадика, вынула из его кармана коробочку со шприцами, достала один. Она сообразила, что шокер сейчас — не лучший вариант, потому что Семён лежал в луже и там же происходила драка. Электрический разряд всех мог зацепить.

Ярослав поставил рукой блок, предотвратив мощный выпад противника, и сразу же ударил локтем тому по скуле. Шурик пошатнулся, потрянул головой, взревел, точно берсеркер, объятый пламенем ярости и... игла шприца вонзилась ему в шею. Марина умудрилась попасть точно в яремную вену. Снотворное подействовало мгновенно, Шурик закружился на месте, взмахнул руками, сделал пару шагов. Добил его Ярослав, впечатав кулак в переносицу.

— Уходим! — выкрикнула Нонна. — Марина, хватай Вадика!

Это указание было лишним, Марина уже спешила к мальчику. Ярослав взглянул на Семёна.

— Сам дойти сможешь?

Тот кивнул, морщась от боли. Поднялась Инга, застонала, прижав ладонь к челюсти, и заковыляла в сторону «Газели». Звук сирены становился всё ближе. Зеваки гомонили, комментируя происходящее. Ярослав взвалил на себя спящего Шурика и зашагал к переулку.

Марина, неся Вадика, вдруг ощутила чьё-то присутствие. Хотя, не «чьё-то», она точно знала, кто это. Дух города. Он был здесь и всюду. Марина чувствовала струящиеся в пространстве потоки энергии. Доброй, сочувствующей и печальной. Завыла сигнализация припаркованных в округе машин, на проспекте заискрились светофоры. Где-то загрохотало, послышались крики, над фасадом кафе загорелась и принялась мигать неоновая вывеска «Рябинка».

Тяжело дыша, Марина дошла до «Газели», забралась в салон, положила Вадика на сиденье. Следом подоспел Ярослав. Бросив Шурика на пол рядом с бесчувственным сборщиком, он оглянулся.

— Я за вторым!

— Нет! — рывкнула Нонна. — Хватит с нас и одного. Нельзя так рисковать. Сейчас полиция приедет.

— Ладно, — нехотя согласился Ярослав, после чего помог зайти в салон Инге и Семёну, которые с трудом держались на ногах.

Все были в сборе. «Газель» рванула с места и уже через несколько десятков секунд подъехала к проспекту, на котором машины хоть и работали, но почему-то не двигались, некоторые столкнулись друг с другом, но серьёзных аварий не наблюдалось. Водители и пассажиры выходили из автомобилей, ругались, вдалеке мигал проблесковый маяк полицейской машины.

— Что происходит? — опешила Инга.

— Дух города, — отозвалась Марина, обеспокоенно вглядываясь в лицо Вадика. — Это он сделал. Отвлёк от нас внимание, полицию остановил. Я прямо сейчас ощущаю его присутствие.

— Ого, — изумился Семён. — Хорошо иметь такого союзника.

— Но как же мы теперь... — начала Нонна, приподняв брови рассматривая застывшие автомобили.

Она не договорила, потому что её вопрос стал неактуальным: движение автотранспорта возобновилось, будто по мановению волшебной палочки. «Газель» беспрепятственно влилась в ряды автомобилей. Марина больше не ощущала струящихся в пространстве потоков энергии, Дух города рассеялся.

— Чудеса, — покачала головой Нонна. — Просто чудеса.

Вадик, зашевелился, открыл глаза.

— Слава Богу, — выдохнула Марина. — Ты как?

— Нормально, — голос мальчика был слаб, лицо по-прежнему оставалось бледным. — Пить хочу. Газировки. Сладкой. Много газировки.

— Будет тебе газировка.

— Спасибо, — Вадик снова сомкнул веки.

Марина уже не в первый раз подумала, что брать с собой на опасные акции мальчишку, это верх безрассудства. Но разве его удержишь? Впрочем, нужно с этим что-то делать, не хотелось потом себя винить, если очередная авантюра закончится для Вадика ещё более плачевно, чем сейчас. Они могли рисковать собственными жизнями, но ребёнок...

Нонна вывела «Газель» с проспекта на дорогу, ведущую к промышленному району.

— Всё, можно расслабиться.

Семён, потирая ладонью к саднящий бок, посмотрел на Ярослава.

— Опять будешь меня винить? В том, что произошло?

— Не буду, — последовал холодный ответ. — Я могу отличить злой умысел от непредвиденных обстоятельств. И в том, что план твой оказался говном, я тоже винить тебя не стану. В конце концов никто из нас слова не сказал против этого плана.

Семён усмехнулся и тут же болезненно скривился, прижав ладонь к рёбрам.

— Ну... и на том спасибо.

Глава шестнадцатая

Жрать хотелось. Причём, постоянно. Сначала Мамонт не придавал этому значения, но теперь был вынужден признать: нездоровое обжорство стало неотъемлемой частью его жизни. Такой же, мать его, побочный эффект, как и жуткая вонь. Он и раньше любил поесть,

аппетит всегда был хороший, но не до такой же степени! Вчера вечером, после того, как заставил очередную жертву покончить с собой, Мамонт конкретно затарился едой. Пока ехал в экопосёлок, в котором теперь постоянно проживал, сожрал пять гамбургеров, выпил полтора литра кваса. Остановил машину, блеванул и снова начал жрать. А ночью превратился в настоящую машину по поглощению пищи и ничего не мог с собой поделаться. Это уже было не круто. Совсем, совсем не круто. Когда докладывал Варваре о выполненной работе, та сказала, чтобы он держался от неё подальше, пошутила, что нет на свете более вонючих мамонтов, чем он, а ему даже в тот момент невыносимо хотелось жрать, перед глазами стояли жареное мясо, сало, колбаса. После доклада хозяйка махнула на него рукой: «Иди, воняй где-нибудь в другом месте».

И он вонял. И жрал.

Варвара выделила ему домик на окраине экопосёлка, в собственную квартиру в городе было возвращаться опасно, потому что Семён с компанией могли его там настигнуть. Да, он теперь обладал способностями, которые могли заставить любого человека биться башкой об стенку, пока череп не треснет, но рисковать не хотелось, с несколькими врагами одновременно мог и не справиться. А тут безопасно. Здесь он... свой? Нет. Остальные монстры его сторонились, и это сильно напрягало. Обиду вызывало и брезгливое отношение к нему Варвары. За что с ним так? Ну воняет. Зато выполняет самую ответственную работу. За несколько дней отправил на тот свет пятнадцать человек, имевших опыт клинической смерти. Трудяга. И к делу подходил творчески, ни одного терпилу не грохнул без проявления фантазии, все способы их самоубийства были разными. Кто-то вены порезал, кто-то выпил бутылку уксусной эссенции. Вчера одного типа заставил сожрать не меньше килограмма битого стекла — то ещё зрелище было.

И сегодня Мамонт намеревался отнестись к своей работе с творческим подходом. В списке ещё остались пятеро. В сопровождении двоих громил он ехал в город, в динамиках приёмника гремела песня о том, что все проблемы решаются, если смотреть на мир позитивно. Певичка с писклявым голосом, казалось, из кожи вон лезла, чтобы донести эту мысль как можно конкретней. Мамонт специально сделал громкость на полную, пытаясь таким нелепым образом заглушить голод. Громилы не были против, сидели на своих местах так, словно палки проглотили.

«Всё будет отлично, всё будет хорошо!» — горланила певичка.

— Всё будет хорошо, — повторил Мамонт.

Он решил, что сегодня не позволит желанию жрать взять верх. До обеда — не съест ни крошки, а на обед — лишь жидкий супчик. Туго придётся, ну да и ладно. Выдержит, проявит силу воли. Сдюжит! Он ведь не зависимый от жратвы наркоман, нет, нет и нет!..

Справа показалась автозаправка с кафе. Мамонт как-то бездумно остановил машину.

— Пойду водички куплю, — буркнул он, решив, что вода, много воды, поможет подавить голод. Главное, желудок наполнить.

— Ну-ну, — усмехнулся один из громил, впервые за долгое время проявив эмоцию.

— Что? — разозлился Мамонт. — Какого хера ты хочешь сказать этим «ну-ну»? Думаешь, я сейчас жратвы накуплю?

Не дождавшись ответа, он нервно открыл дверцу и вышел наружу. Проследовал в кафе, купил бутылку минеральной воды. Уже собирался вернуться в машину, но не смог отвести взгляд от упаковок с чипсами. Такие красивые, такие манящие. И, разумеется, вкусные. Они прямо-таки кричали: купи, купи, купи! На висках выступил пот, Мамонт пытался бороться с

искушением, в конце концов сказал себе, что от одной пачки чипсов вреда не будет, возьмёт лишь для того, чтобы червячка заморить. Однако купил пять пачек и сам не понял, как так вышло. А затем купил десяток сосисок в тесте, несколько кексов, эклеры, фисташки, квас... и всё, на этом остановился. Из кафе он вышел с двумя пакетами и камнем на сердце. Попытался заглушить внутреннего поборника здорового образа жизни с его протестом, но не вышло, тот в жёсткой форме обвинял Мамонта в слабости, называл тупым жирным ничтожеством.

На заправку заехала белая «Ауди», из которой вышел парень с аккуратной причёской. Судя по пиджаку, галстуку и белой рубашке — типичный офисный хомяк. Встретившись взглядом с Мамонтом, тот сразу же отвернулся, но и этого хватило для начала конфликта.

— Ты на меня пялился! Поглядел на меня, как на полного чмошника! — взорвался Мамонт, видя перед собой парня, но споря по сути с внутренним голосом. — Тебе смешно, да? Смешно, что я сейчас буду запихивать в себя всю эту жратву? А вот и буду! Никто мне этого не запрещает! Хочу — жру, не хочу — не жру! Надо будет, схавая и корову, и быка, и кривого мясника, как долбаный Робин Бобин! Хороший, знаешь ли, у меня аппетит! Просто охерительный!

Парень стусеивался, выставил перед собой ладонь, пытаясь таким образом отгородиться от ненормального мужика.

— Я всего лишь заехал заправиться, и я вовсе не смеялся над вами. Вам показалось.

На лице Мамонта выступили пунцовые пятна. Он вытащил из пакета сосиску в тесте, начал её демонстративно и жадно поедать.

— Ну что, смешно тебе?! — выпалил с набитым ртом. — Смешно, да? Нихера мне не показалось! Тебе смешно! Всем, мать их, смешно! Это ведь так забавно, когда жирдяй набивает себе брюхо и воняет как разлагающийся мертвяк! Давай, посмейся! Ха-ха-ха! — пережёванная масса вывалилась на подбородок, упала на асфальт — А ну смейся, сучара!

— Да пошёл ты, мужик! — с обидой взбрыкнул парень. — Я всего лишь заправиться хотел, мне пофигу на тебя, жри столько, сколько влезет. А пузо разорвёт — мне тоже будет пофигу! И сходил бы лучше помылся, а то и вправду воняешь хуже скунса.

Мамонт на несколько мгновений застыл, потом проглотил то, что успел прожевать, и прохрипел:

— Знаешь, что ты сейчас сделаешь? Пойдёшь заплатишь за заправку, затем обольёшься бензином и подожжёшь себя.

Вынув из пакета эклер, он зашагал прочь, а парень, будто робот, получивший новое задание, направился к заправке.

— Ни слова не говорите, — сказал Мамонт своим спутникам, забравшись в машину. — Ни словечка.

Теперь по радио транслировалась песня о том, как хорошо быть непохожим на других. Певец соловьём заливался, в попытке это доказать.

— Да, я не похож на других, — процедил Мамонт. — И мне это нравится!

Когда он выезжал с заправки, на площадке возле кафе запылялся и заметался живой вопящий факел. Впрочем, вопящим и живым он был недолго.

* * *

Сборщика поместили в отдельную комнату, обмотав ему руки и ноги скотчем и запихав в рот кляп. Сидя на полу, он таращил глаза на своих пленителей и издавал звуки похожие на мычание.

— Что, Хильй, страшно? — склонился над ним Семён. — Не бойся, ты для нас слишком ценный, так что поживёшь ещё. А будешь делать всё правильно, может, мы тебя и отпустим.

Он врал и сам не понимал, зачем пытался навязать монстру ложную надежду. Возможно, делал это потому, что не испытывал к сборщику абсолютно никакой ненависти. Да, этот парень чудовище, но крупница человеческой сути в нём осталась. Именно эту крупницу и хотелось обнадежить, успокоить. Семён уже раздобыл пару доз дешёвой наркоты, забрал её у одного мелкого городского барыги, который ничего не знал о чудовищах и Варваре, но чётко ощущал, что по улицам бродит зло. И подозревал, что Семён и Мамонт как-то к этому злу причастны. Отдавая бывшему пастуху пакетики с дурью, он дрожал как осиновый лист и от страха даже слова не мог вымолвить, только что-то мямлил неразборчиво да зачем-то кланялся.

И теперь предстояло вколоть наркоту сборщику. Семён настоял на том, чтобы сделать это самому. Для него это было важно. Он не желал, чтобы ответственность за ошибку легла на кого-то другого, если что-то пойдёт не так. В конце концов это была его идея накачать монстра дурью. А значит, и грех его. Времена, когда он с лёгкостью плевал на подобные вещи, остались в прошлом. По крайней мере, старался, чтобы тот равнодушный тип, которым он когда-то являлся, остался в прошлом навсегда.

Взяв наполненный наркотиком шприц, Семён тяжело вздохнул. Ему хотелось сказать сборщику, что ничего плохого не случится, но такое враньё — это уже перебор. Плохое случится. Обязательно. Хороших вариантов для этого несчастного монстра не предусмотрено. А Хильй глядел на шприц одновременно со страхом и вожделением, в его голове явно стояла преграда между «можно» и «нельзя», но внутреннее чудовище не смогло стереть память, а скорее, ощущения, о том кайфе, который дарует наркотик. Когда Семён вогнал ему в вену шприц, он не сопротивлялся, хотя на лице на мгновение и отразилось виноватое выражение. Эту вину он испытывал исключительно перед Варварой, хозяйкой. Подвёл ведь её. Не по своей воле, но подвёл.

А потом ему стало на это плевать. Веки затрепетали, глаза закатились, став белёсыми, с ярко-красными прожилками капилляров, кожа стала землистого цвета. Он дёрнулся, напрягся, закрутил головой, ноздри вздулись. Монстр как будто пытался что-то учуять, он был похож на зомби из фильмов Ромеро.

— Жуть, — мрачно прокомментировала Инга. — Что-то мне не по себе.

— Мне тоже, — созналась Марина. — Вы уверены, что отдать человека этому чудовищу правильное решение? Может, ещё подумаем?

В ней заговорил врач. Вспомнилась клятва Гиппократа. Впрочем, помимо внутреннего доктора в сознании ещё была и мстительница, которая желала поквитаться за сестру. Эти две личности сейчас вели между собой борьбу. Внутренний диалог разрывал душу чувством вины и желанием наказать обидчиков. Нехорошее это было состояние, но выйти из него не получалось.

Все вернулись в гостиную. В кресле, с обмотанными скотчем руками и ногами, сидел Шурик. Пастух полностью оклемался после дозы снотворного и теперь смотрел на своих пленителей с вызовом, мол, не с тем связались уроды, ещё поплатитесь за мои страдания. Вадик лежал на диване, ему по-прежнему было нехорошо, на лбу блестела испарина. Марина приготовила ему бульон, чтобы силы восстановил, но съел он всего несколько ложек.

Инга села за стол, включила ноутбук. Ярослав прошёлся по комнате, произнёс

недовольно:

— Вижу, опять в вас жалость пробудилась. Во всех вас. Думаете небось: как вообще можно отдать этого горемыку, — кивнул на Шурика, — той твари, похожей на зомбака? Верно я говорю? Так ведь и думаете. Боитесь, как бы наш горемыка не сдох ненароком.

— Да, боимся, — ответила за всех Инга, не отрывая взгляда от монитора. — Я лично не хочу становиться убийцей.

Ярослав развёл руками.

— У вас семь пятниц на неделе. Команда называется. Да с таким настроением лучше сразу всё бросить, забыть и про Варвару, и про то, что в городе творится.

До Шурика, похоже, только сейчас дошёл смысл слов «отдать этого горемыку той твари». Про план своих пленителей он, разумеется, ничего не знал.

— В смысле?! — его голос сорвался на фальцет. — Вы что, хотите мою жизнь сборщику скормить?

Ярослав подошёл к нему, склонился и выдохнул в лицо:

— А ты что думал, мы тебя сюда отдыхать привезли? И нет, мудила, твою жизнь мы не станем мрази скармливать. Мы сделаем из тебя дебила, если, конечно, кое-кто из нас сейчас же свою совесть не угомонит. У нас тут, знаешь ли, разногласия по поводу гуманности нашей задумки. Кое-кто, сделав один шаг, боится сделать второй.

— Не язви, — осекла его Нонна.

— Охреть! — Инга прильнула к монитору. — Тут новости местные. Пишут, что за последние несколько дней в городе случилось два десятка самоубийств. И всех суицидников объединяет одно, они, как выяснили журналисты, когда-то имели опыт клинической смерти.

— Варвара, — сделал вывод Семён. — Ни капли не сомневаюсь, что она к этому причастна. Мстит и подстраховывается.

Инга покачала головой.

— Это... это уже ни в какие рамки. Это... чудовищно! Два десятка человек. За что?!

— Для Варвары, похоже, все средства хороши. Уж её-то совесть точно не мучает, — буркнул Ярослав и, с трудом сдерживая гнев, ударил ладонью по стене.

Нонна потёрла пальцами виски, её лицо ожесточилось.

— Так, всё, хватит сопли распускать. Пора заканчивать то, что начали. Тащим этого урода к мрази. Сдохнет, значит сдохнет.

Ярослав только этого и ждал. Не церемонясь, он схватил Шурика за шкурку, сбросил с кресла и поволок в соседнюю комнату. Пастух дёргался и вопил:

— Суки! Варвара всех вас найдёт! Кишки собственные жрать будете! Вы нихера не знаете, с кем связались!

Когда он увидел похожего на ожившего мертвяка сборщика, то потерял дар речи. А Хилый в свою очередь уставился на него как хищник на мелкую зверушку, зрачки монстра сузились до крошечных точек, на лбу вздулась вена. Семён взял ещё один шприц со снотворным, подошёл к Хилому.

— Не уверен, что ты сейчас хоть что-то понимаешь, но на всякий случай скажу. Я выну из твоего рта кляп. Твоя жертва, вот он, — указал пальцем на Шурика. — Попытаешься направить свои щупальца на кого-то из нас, и мы сделаем тебе больно. Очень больно. Кивни если услышал меня.

Хилый никак не отреагировал на его слова.

— Да вы что, гады? — заорал Шурик и попытался уползти прочь. — Да вы что?

Да Варвара вас за меня на куски порвёт! Давайте лучше договоримся. Скажите, что вам от меня нужно и...

— Ни черта нам от тебя не нужно, — Ярослав не отказал себе в удовольствии пнуть его по рёбрам. — Будь моя воля, ты уже давно где-нибудь валялся бы со свёрнутой башкой. Но увидеть, как ты станешь полным дебилом — это тоже неплохо.

Семён посмотрел на стоявших возле дверного проёма женщин.

— Вам лучше выйти. На всякий случай. Нечего рисковать понапрасну. Да и зрелище будет так себе.

Совет был дельным. Марина, Нонна и Инга покинули комнату, прикрыв за собой дверь. Ярослав подтащил отчаянно брыкающегося Шурика поближе к Хилому, затем отошёл к шкафу, выйдя из поля зрения монстра.

— Давай уже начинать, — он остался здесь для подстраховки. Всегда что-то может пойти не так.

Семён встал за спиной сборщика, вынул из его рта кляп. Кожа на лице монстра ещё больше потемнела, покрылась складками, став похожей на кожуру печёной картошки. Из пасти вылезло красное щупальце, которое, извиваясь, устремилось к Шурику. Тот заорал, подавился собственным криком, захрипел, попытался уползти, но связанные руки и ноги не позволили преодолеть и десяток сантиметров. Щупальце, на мгновение застыв, будто примеряясь, резко вонзилось ему в затылок, бесплотно проникло под кожу. Хилый издал утробный звук, зрачки расширились и снова сузились. Шурик жалобно заскулил, пуская слюни, бросил на Семёна взгляд, который буквально молил: «Прекрати это! Прекрати!» А потом его глаза затуманились, стали бессмысленными, губа отвисла.

Семён решил, что рассудок Шурика уже достаточно отравлен, и вколол Хилому снотворное. Щупальце дёрнулась, штопором втянулось в глотку. Монстр успел недовольно хрюкнуть, прежде чем уснул.

— Да, зрелище было не из приятных, — сказал Ярослав.

Снова запихав в рот сборщику кляп, они с Семёном выволокли Шурика в гостиную.

— Получилось, — подвела итог Инга. — На одного дебила в этом мире стало больше.

Шурик что-то промычал, сидя на полу в окружении своих пленителей, затем очерился, оторвал пуговицу от своего пиджака, запихал в рот, тоже самое проделал с ещё одной пуговицей, опять замычал.

Нонна поглядела на Семёна.

— Ты уверен, что это не временный эффект?

— Насколько я знаю, те, кого обработали сборщики наркоманы, до сих пор сейчас в психушке. Так что да, уверен.

Шурик потянулся к пуговице на кофте Марины и той пришлось отступить на шаг. Шурик насупился, как ребёнок, которого лишили конфетки, влипнул.

— Будем считать, наш эксперимент прошёл удачно, — констатировала Нонна. — Вот только удача эта...

— Не начинайте, — скривился Ярослав. — Этот ублюдок жив, как вы и хотели. Хотя, будь у меня выбор, так лучше смерть, чем такое. Ладно, пора от него избавляться. Смотреть на это мычащее недоразумение тошно.

Шурика увезли далеко от деревни, для подстраховки опять надели ему на голову холщовый мешок. Отпустили его на перекрёстке шоссе.

— Туда иди, — Семён махнул рукой в сторону города.

Но Шурик побрёл в другом направлении, перекатывая во рту уже дюжину пуговиц, которые оторвал от пиджака и рубашки. В какой-то момент он остановился, снял с себя всю одежду, широко улыбнулся и двинулся дальше в припрыжку. Бывший пастух выглядел почти счастливым.

— Что ж, — промолвила Нонна, глядя ему вслед, — впереди у нас много работы. Ты был прав, Ярослав, сделав один шаг, не стоит останавливаться.

Глава семнадцатая

— Поздравляю, мы теперь звёзды интернета, — заявила Инга, с неприязнью отодвинув ноутбук. — Вот только меня это не слишком радует. Десятки роликов. Мы все засветились.

Марина села за стол, прочитала названия роликов, выложенных в ютубе. «Драка возле кафе», «Массовый психоз», «Коллапс на проспекте»... Запустила видео «Драка возле кафе», но смотреть не стала, её интересовали комментарии. А большинство комментаторов склонялись к мысли, что всё это какая-то постановка, развод. Были версии некоторых пользователей, что всё это из-за вспышки на солнце, это, по их мнению, объясняло и агрессию героев ролика, и мигающую вывеску над кафе, и внезапно остановившиеся автомобили. В самом низу ветки Марина обнаружила единственно правильную версию, точнее, утверждение. Некий пользователь с ником «Хирург» написал: «Ребята мочат чудовищ. Я их вижу. Монстров в нашем городе полно». Впрочем, остальные этот короткий комментарий проигнорировали, хотя нашлась парочка, кто поставили лайки, видимо, посчитав это забавным.

Разумеется, Марину злило, что всё это стало предметом массового обсуждения, но тут уж ничего нельзя было поделать. Тайное стало явным, пусть даже в эту тайну почти никто не верил. Она представила, как коллеги в «скорой» смотрят эти ролики, узнают её и... крутят пальцем у виска, рассуждают о последствиях той психологической травмы, что ей нанёс наркоман. Кто-то испытывает жалость, кто-то возмущается, что начальство допускало к работе явно опасную для окружающих психичку. Хотелось бы Марине сказать: «Ну и плевать, пускай думают, что хотят», но отмахнуться от этого не получалось. Ей было не плевать. Очень не хотелось выглядеть в глазах других ненормальной. Тем более, что ненормальными она теперь считала этих самых «других», ведь они не видели монстров, не знали о том, что творилось в городе. Злость требовала разрядки, а лучшая разрядка — продолжение противостояния.

— Мне нужно связаться с Духом города, — объявила она. — И чем скорее, тем лучше. Нам надо узнать, как Варвара доводит людей до самоубийства.

Никто возражать не стал. После завтрака сели в «Газель» и поехали в город. Вадика с собой не взяли, тот был всё ещё слаб. Он возмущался, уверял, что от него будет польза, но получил от Нонны категоричный отказ. По-детски надув губы, Вадик демонстративно устался в потолок. На этот рад даже Ярослав не стал заступаться за мальчишку. Когда «Газель» выезжала со двора, Вадик глядел в окно с такой обидой, словно вся вселенная отвернулась от него и теперь его жизнь потеряла смысл.

Планы на сегодняшней день не ограничивались контактом с Духом города, было принято решение захватить ещё хотя бы одного пастуха, а если повезёт — парочку. Но без шума, с минимальным риском. Лезть на рожон больше никому не хотелось, кроме Ярослава. Тот, как обычно, рвался в бой и риск бывшего спецназовца мало волновал. Будь его воля, устроил бы пастухам и мразям кровавую баню. За последние несколько дней он не выпил ни капли алкоголя, держался, и потому находился в постоянном напряжении. Борьба с

зависимостью, бессонница, неожиданные всплески злости не лучшим образом сказывались на его психике. С остальными он общался как-то нервно, порой резко, глаза болезненно блестели. Перед поездкой Нонна, видя его состояние, сказала ему: «Не подведи. Соберись». В ответ он наградил её уничижительным взглядом, мол, не нужно меня учить, и что-то неразборчиво пробурчал себе под нос.

«Газель» проехала мимо указателя «Светинск», впереди, за пустырьём, показались очертания зданий промышленного района. Марина ощутила присутствие Духа города.

— Нонна, остановите здесь.

Та исполнила пожелание, повернулась на водительском сиденье.

— Что случилось?

— Нам не обязательно ехать в парк, — ответила Марина. — Похоже, Дух города ждал нас. Он уже тут. Я чувствую его.

Семён поглядел по сторонам, словно надеясь увидеть невидимое.

— Охренеть. Когда кажется, что уже ничего не может удивить, находится то, что удивляет. Это... существо... оно правда сейчас здесь?

— И здесь, и всюду, — уклончиво объяснила Марина. — Я выйду, мне нужно настроиться.

Она покинула автомобиль, ушла на несколько метров от дороги, села на небольшой пригорок и закрыла глаза. Прошептала:

— Покажи мне, как Варвара заставляет людей убивать себя. Ты ведь именно для этого меня ждал, верно?

Ей не нужен был ответ на этот вопрос, она его знала. Волны энергии накатывали на неё, проникали в сознание. Кожу покалывало. Перед внутренним взором возник город с высоты птичьего полёта. Стремительное падение к проспекту, по которому с невероятной скоростью неслись автомобили. Движение было повсюду, вспыхивали и гасли фонари, мигал свет в окнах и за стёклами витрин, мелькали пешеходы. Сотни, тысячи лиц. А потом всё замедлилось, словно некий оператор наконец настроил показ кинохроники. Марина увидела Мамонта. Тот находился в какой-то квартире. Он что-то сказал женщине лет тридцати, при этом жирдяй ехидно улыбался, будто злой ребёнок, замысливший пакость. Вышел на лестничную площадку, закрыв за собой дверь. Женщина какое-то время стояла, бессмысленно глядя в пространство перед собой, затем проследовала на кухню, взяла нож, распахнула халат и медленно, не меняя выражения лица, вспорола себе живот.

Марину стошнило. Она увидела достаточно, чтобы понять, кого именно Варвара использовала для ликвидации тех, кто имел опыт клинической смерти. Но Дух города, видимо, посчитал, что информацию нужно дополнить. «Кинохроника» продолжилась.

Снова Мамонт. Он подошёл к парню на улице, произнёс несколько слов, сунул ему в руки длинный гвоздь и, ретировавшись к чёрному Джипу, начал наблюдать. На лице парня отразилась внутренняя борьба, которая продлилась всего несколько секунд. С полностью подавленной волей, он доковылял до стены дома, трясущейся рукой приставил остриё гвоздя к глазу и ударом об стену вогнал металл себе в мозг, упал на тротуар, дёргаясь в агонии. Сбегались прохожие, какой-то женщине стало плохо. А Мамонт смотрел на всё это, как на забавное представление. Рядом с ним стояли двое крепких мужчин, и им, похоже, было вообще на всё плевать.

Жуткие сюжеты начали меняться с большой скоростью и всех их объединяло одно: разнообразные способы суицида. Марина больше не в силах была всё это видеть.

— Хватит! — взмолилась. — Прекрати!

Будто по инерции Дух города показал, как конопатая рыжеволосая девушка бросилась с железнодорожной платформы под локомотив, и на этом кровавая «кинохроника» прекратилась. Марина поднялась, отчаянно желая, чтобы хотя бы часть увиденного стёрлась из памяти. С трудом уняв дрожь, она дошла до «Газели», забралась в салон, села и закрыла лицо ладонями.

— С тобой всё в порядке? — забеспокоилась Нонна.

Марина мотнула головой.

— Нет, со мной не всё в порядке. То, что мне сейчас показал Дух города... Это Мамонт заставляет людей убивать себя. Он больше не человек. Этот урод... он наслаждается тем, что делает. Для него всё это развлечение. Он придумывает разные способы суицида. Жестокие способы, жуткие.

Марине казалось, что вся ненависть, что она испытывала в своей жизни, сейчас вернулась из небытия и сконцентрировалась на одном объекте, на Мамонте. Да, чудовищем его сделала Варвара, она определённо виновата в большей степени, но винить хотелось именно жирдя. Он всегда был чудовищем, королева монстров всего лишь кое-что в нём подправила. И теперь всё внутреннее уродство хлынуло наружу потоком дерьма.

— Мамонт, — выдавил Семён. — Почему-то я не удивлён. Но как он заставляет людей совершать самоубийства?

— Понятия не имею, — сурово отозвалась Марина. В её сознании всё ещё всплывали страшные образы. — Похоже, он что-то им внушает. Может, это какой-то гипноз, — она поглядела на Нонну. — Мы должны остановить его, остальные дела подождут.

— Согласна! — с готовностью поддержала её Инга. — Лично мне покоя не будет, если мы не попытаемся хоть что-то сделать.

После недолгого раздумья, Нонна кивнула.

— Что ж, значит в планах у нас охота на Мамонта. Но вот вопрос, где нам искать этого ублюдка?

— У него квартира в центре, — вспомнил Семён. — Но вряд ли он теперь там бывает. Осторожный, сучара. Скорее всего, в экопосёлке теперь живёт, а в город приезжает только чтобы убивать. Понятия не имею, как его отловить. Разве что возле трассы караулить, ждать, когда он проедет.

Ярослав искоса взглянул на Марину.

— А ты что молчишь? Сдаётся мне, у тебя есть какая-то идея. Может, ты сможешь его присутствие ощутить?

— Возможно, если буду достаточно близко от него. А идея... пожалуй, да, идея есть. Нонна, давайте поедem в город, я хочу кое в чём убедиться.

— Как скажешь.

Минут через пять Нонна припарковала «Газель» возле серого забора бетонного завода. На этот раз Марина выходить на улицу не стала, она поглядела в окно на фонарь и мысленно попросила: «Помоги! Нам нужен Мамонт». Где-то пронзительно закаркали вороны, поднялся ветер.

«Мамонт, он сейчас в городе?» — задала вопрос Марина, ощущая на себе взгляды своих друзей. Они от неё ждали чуда и это слегка раздражало. Ей не хотелось быть излишне особенной, потому что это делало её похожей на других особенных, тех, кого создала Варвара. Она не раз уже замечала опаску в глазах единомышленников, когда они смотрели

на неё. Да что там, ей от самой себя теперь было жутковато.

Воздух вокруг обесточенного фонаря вдруг уплотнился, лампа в плафоне вспыхнула и тут же погасла. Это был знак. Марина получила ответ.

— Мамонт сейчас в городе. Поехали, Нонна.

— Куда?

— Вперёд. Сейчас пока не знаю, но скоро пойму, куда нам ехать. Он покажет.

И снова «Газель» тронулась в путь. Марина пристально смотрела в окно, она решила, что, если сегодня получится остановить Мамонта, то день можно считать очень удачным. Толстяк — цель номер один. Его наказание — высшая степень справедливости. За сестру, за всех тех, кого он убил.

Подъехали к перекрёстку. Остановив «Газель» у обочины, Нонна поглядела вправо, влево. Метрах в пяти от остановки вдруг тормознула белая «ауди», фары принялись отчаянно мигать, лицо водителя за лобовым стеклом выражало недоумение.

— Нам туда, — сказала Марина.

— Я уже поняла, — буркнула Нонна, вырулила на шоссе и повернула вправо. Минуты через три снова остановилась, потому что впереди был ещё один перекрёсток.

На этот раз ждать пришлось долго. Инга с Семёном нетерпеливо поглядывали на Марину, словно та могла каким-то образом ускорить мистического поводыря. Ярослав сидел, прижавшись виском к стеклу, на его лбу выступили бисеринки пота.

Наконец возле супермаркета замигал фонарь, в той же стороне завывала сигнализация автомобиля.

— Это, пожалуй, самая странная поездка в моей жизни, — невесело усмехнулась Нонна. — Чувствую себя следопытом.

— Вот только выслеживаем мы не зверя, а чудовище, — облегчённо выдохнула Инга. Она была рада, что напряжённое ожидание закончилось. — И, похоже, это чудовище не сидит на месте, перемещается.

Больше часа ездили по городу, то и дело останавливаясь и ожидая очередных знаков. Те не ограничивались только миганием фонарей, иной раз вспыхивали вывески над каким-нибудь заведением, на пару мгновений включалась подсветка витрин. Когда доехали до южной части города, Марина насторожилась.

— Я чувствую. Метрах в ста отсюда... трое монстров. И да, среди них Мамонт. Они в машине сидят.

— Отлично, — заключила Нонна. — Подъедем к ним немного, оставим «Газель» в каком-нибудь переулке, а дальше будем действовать по обстоятельствам. На разработку хитроумного плана у нас времени нет. Марина, там место людное?

— Нет. Не особо. Старый двор. Какая-то старушка собаку выгуливает. Мужик на балконе курит. Думаю, Мамонт с со своей компанией там поджидают очередную жертву.

Инга достала из сумки пневматический пистолет, зарядила его шприцем со снотворным.

— Первым делом нужно жирдяя вырубить. И лучше к нему не приближаться. Я, конечно, стреляю хуже Вадика, но справлюсь.

Нонна припарковала «Газель» в закутке между мусорными контейнерами и трансформаторной будкой. До старого двора дошли быстро, укрылись за стеной дома, Джип, в котором сидел Мамонт и его подельники находился всего метрах в десяти. План был прост: дожждаться, когда чудовища выйдут из машины и только тогда начать действовать. А

то, что они выйдут, сомнений не было, ведь твари явно кого-то караулили. Марина и Семён держали наготове шприцы с мощной дозой снотворного, Нонна сжимала электрошокер. Все нервничали, кроме Ярослава. Тот выглядел как-то отстранённо, словно мыслями находился где-то далеко.

Через аркообразный проём во двор вошла молодая рыжеволосая женщина в очках, красном берете и в сером плаще. Едва её увидев, Марина поняла: это она, именно её дожидался Мамонт. Откуда взялось это понимание? Оно будто ворвалось в сознание с порывом ветра и не позволило просочиться даже капле сомнения. Было в этой женщине что-то такое... Печать обречённости. Лучше выразить свои ощущения Марина не могла и она готова была поклясться, что жить несчастной осталось считанные минуты. Если только не вмешаться. В подтверждение её предчувствия, дверцы Джипа открылась, из салона выбрались Мамонт и два типа в чёрном. Толстяк развязной походкой двинулся навстречу рыжеволосой.

— Действуем, — распорядилась Марина, опередив готовую сказать тоже самое Нонну.

Выбежали из укрытия. Марина с Семёном и Нонной рванули вокруг детской площадки, чтобы зайти амбалам в чёрном со спины, Инга и Ярослав устремились напрямик к Мамонту. Каждая секунда была на счету. Толстяк увидел Ингу и Ярослава, презрительно зашипел, развернулся, но не успел и пару шагов сделать, как выпущенный из пневматического пистолета шприц угодил ему в спину. Тут уже и Ярослав подоспел, он нанёс Мамонту мощный удар в челюсть, отправив в нокдаун. Не теряли время и остальные. Действуя быстро и слаженно, они обезвредили амбалов, сильная доза снотворного вырубилась почти мгновенно, но для верности Марина с Нонной ещё и электрошокерами воспользовались. Рыжеволосая убегала прочь, выкрикивая на ходу: «Помогите, помогите!..», не подозревая, что странные агрессивные незнакомцы только что ей оказали эту самую помощь. Не подозревая, что несколько секунд назад была в шаге от гибели.

— Легче лёгкого, — улыбнулась Инга, подойдя к Мамонту и пихнув его ногой. — Я же говорила, что справлюсь. Чёрт, что за вонь? Это от него так воняет?

— Падаль, — поморщился Ярослав. Он посмотрел на приближающуюся Нонну. — Я бы его прямо здесь грохнул. Нечего эту тварь за город тащить.

Мамонт вдруг встрепенулся, распахнул веки, вперил взгляд в Ингу и прошипел:

— Убей себя!

Та охнула, отпрянула, выронила пистолет, развернулась и побежала, при этом она скулила, словно каждое движение доставляло боль. Мамонт ощерился, посмотрел на Ярослава.

— У... — поперхнулся, не смог договорить фразу.

Ярослав понимал, что толстяка нужно вырубить, но ноги будто сами собой понесли его вслед за Ингой. Девчонку нужно было спасать. Тем временем Мамонт повернулся на бок, встретился взглядом с глазами Марины, которая была уже в двух шагах от него и намеревалась вонзить контакты электрошокера ему в шею.

— Убей себя!

Марина ощутила, как в её мозг словно ворвалась тёмная холодная волна. Захотелось сейчас же побежать к проспекту, броситься под машину. Импульс этого желания метнулся к ногам, отдавая приказ: двигайтесь, спешите! Но потом в сознании возник образ сияющей стены, которую мгновенно построила частичка Духа города. Стена мощным поршнем вытеснила тёмную волну, и та вернулась к хозяину. Мамонт заорал, ему казалось, что в

голове начал набухать раскалённый шар, сосуды в глазах лопнули, из носа хлынула кровь.

Инга подбежала к стене дома, вскочила на пожарную лестницу, шустро полезла вверх. Ярослав, выкрикивая порции отборного мата, собирался уже устремиться за девчонкой, вложив в это все свои силы, но его рассудок вдруг помутился. Успев подняться по лестнице лишь на метр, он упал на асфальт, начал дёргаться в приступе эпилепсии.

Марина впечатала контакты электрошокера в шею Мамонта, нажала кнопку. Она давила так, что разодрала кожу, разорвала жилы. Ей хотелось, чтобы нелюдь сдох.

— Инга! — закричала Нонна.

Семён бросил мимолётный взгляд на дёргающегося Ярослава и начал карабкаться по лестнице. Инга уже была на крыше. Она подошла к парапету, с выражением ужаса поглядела вниз. Весь её вид буквально кричал: «Не хочу! Не хочу!..» Но тьма в рассудке была намного сильнее её воли. Поднялась на парапет, дыша так, словно воздуха не хватало. Семён залез на крышу.

— Инга, прошу, послушай меня, — его голос предательски дрогнул. — Борись. Ты сможешь с этим справиться. Не дай Мамонту победить, — приближаться к ней он опасался, любое неосторожное движение могло вызвать страшный эффект. — Спускайся с парапета. Ну же, ты сможешь.

Девушка как-то механически повернула голову, посмотрела на него жалобно. Попыталась что-то произнести, но не смогла.

Семён медленно сделал шаг, протянул в её сторону руку.

— Спускайся. Давай, я поддержу тебя. Пожалуйста, спускайся.

Инга завывала, сжав кулаки, зрачки в её глазах сузились до крошечных точек. Она уже начала опускать ногу с парапета на поверхность крыши, явно прилагая для этого почти нечеловеческие усилия, но другая нога подкосилась и случилось непоправимое. Девушка упала с высоты пятого этажа на ограду палисадника, острая деревянная планка пробилась грудную клетку. А на крыше заорал Семён, ему хотелось биться головой об стену, чтобы наказать себя за то, что не справился.

Нонна ошарашено глядела на Ингу и повторяла тихо, отрицая то, что видели её глаза:

— Нет, нет, нет...

Из подъезда вышла семейная пара с девочкой лет пяти. Девочка, увидев труп, заревела в голос. Мама подхватила её на руки и нырнула обратно в подъезд, а папа вынул телефон. К окну на втором этаже прильнула старушка. Двое детей, раскрыв от изумления рты, глядели с балкона на то, что творилось во дворе.

Ярослав пришёл в себя, поднялся. Его руки всё ещё дрожали, глаза слезились. Он походил на больного зверя. Взгляд остановился на Инге. Несколько секунд бывший спецназовец смотрел на мёртвую девушку с недоумением, а потом нахлынула злость. Шипя сквозь зубы, он рванул к лежащему на асфальте без сознания Мамонту, вынул нож из чехла. Уже занёс руку для удара, но в последний момент остановился.

— Нет, ты так легко не отделаешься, гнида! Я буду убивать тебя медленно.

— Уходим! — опомнилась Нонна.

— Уходим, — повторила Марина, проклиная и этот пасмурный день, и город, и фортуны, которая, паскуда такая, никак не могла определиться, на чьей она стороне.

Семён спустился по пожарной лестнице, с ожесточённым лицом подошёл к Инге, поднял её и понёс в сторону «Газели». Остальные двинулись следом. Ярослав поволок Мамонта, но в вдруг бросил его, вернулся и перерезал глотки амбалам возле Джипа. Сталь

легко скользила по коже. Чудовища беспомощно дёрнулись, жалости к ним не было ни капли. Ярославу было плевать, что на него смотрят местные, стена, которая до этого сдерживала его ярость, рухнула окончательно, от неё и следа не осталось. Стряхнув кровь с лезвия, он сунул нож с чехол, подошёл к Мамонту, схватил за шкуру и потащил дальше.

Когда все были в «Газели», Ярослав снова достал нож, процедил:

— Ни слова не говорите. Молчите.

Он разжал лезвием зубы Мамонту, отрезал ему язык и вышвырнул в открытое окно.

Все молчали. В их рассудках тоже рушились стены. То, что раньше считалось неприемлемым, теперь казалось правильным, справедливым.

Глава восемнадцатая

Ярослав нервно ходил по двору, курил одну сигарету за другой, иногда бил ладонью по виску, словно пытаясь вытряхнуть тяжёлые мысли. Марине не нужно было задавать ему вопросов, чтобы понять, что он винил себя за гибель Инги. Его состояние вполне подходило под категорию «человек на грани». Впрочем, в произошедшем винили себя все, даже Вадик, который в захвате Мамонта не участвовал. Он плакал и повторял, что нужно было взять его в город, тогда, возможно... тут мальчишка терялся, не зная, как смог бы помочь Инге.

Её оставили на ступенях городской больницы и сразу же уехали. Все посчитали, что это правильно. Пускай о ней позаботятся родственники. Хоронить где-нибудь в лесу — недостойно. У неё должна быть нормальная могила на кладбище, нормальные похороны.

Связанного Мамонта заперли в комнате с монстром наркоманом, у которого был кляп во рту. Толстяк очнулся после укола снотворного и теперь мычал, стонал, кряхтел, корчась от боли. По его подбородку текла окровавленная слюна. Через час после пленения в комнату зашёл Семён.

— Ну и вонь, — поморщился. — Ты, сука, воняешь, как разлагающийся труп. Даже не представляю, как ты будешь смердеть, когда действительно станешь трупом. А это случится очень скоро, я обещаю. Мы тебя казним, но перед этим Ярослав наверняка захочет сорвать злость. Жутко представить, что он с тобой сделает. И мне вот интересно, оно вообще того стоило? Убийство тех, кто был в клинической смерти? Оно. Того. Стоило, гнида?! Я сам далеко не святой, ты это знаешь лучше других, но то, что ты сделал... И ты ведь удовольствие получал, наслаждался властью.

Мамонт смотрел на него жалобно, явно пытаясь взглядом сказать, что они были друзьями, много вместе пережили. В глазах была мольба: «Помоги». Вряд ли он верил, что Семён действительно поможет, но, когда ты стоишь на пороге смерти, цепляешься за любую соломинку.

— И не надейся, — правильно расценил его взгляд Семён. — Больше всего жалею, что не получилось пристрелить тебя там, в лесу. Убей я тебя вместе с Рыжиком, сейчас всё было бы иначе.

Он похлопал Мамонта ладонью по голове и вышел из комнаты, думая о том, что Варвара и его могла сделать монстром. И наверняка сделала бы, если бы он вовремя не переметнулся на другую сторону. Его бросило в дрожь от этой мысли.

* * *

Ближе к вечеру Ярослав начал куда-то собираться, взяв большую спортивную сумку.

— Ты куда? — строго спросила Нонна.

— За бухлом, — последовал резкий ответ. — В посёлок. Мне нужно нажраться или у меня крыша поедет.

Нонна покачала головой.

— Чёрт возьми, так я и знала, что ты не выдержишь. Слабак. Ты что, не понимаешь, что ты нам нужен. Трезвый! Да, случилась беда, но это не повод...

— Да пошла ты со своими поучениями, карга старая! — прервал её Ярослав. Он посмотрел на остальных. — Пошли вы все! Вы теперь отдельно, и я отдельно. Я больше не в вашей команде. Бегайте дальше со своими пневматическими пистолетиками и долбаными шприцами. А я буду... — махнул рукой, решив не договаривать.

— Это подло, — тихо сказала Марина. — Срывать злость на нас — это подло. Нам всем сейчас тяжело, но мы должны собраться, придумать какой-нибудь план и действовать вместе.

— Вот и придумывайте свой план, — глаза Ярослава дико сверкнули. — Без меня.

Выйдя из дома, он громко хлопнул дверью.

— Всегда считала его слабым звеном, — процедила Нонна. — Считала, но всё на что-то надеялась. Хрен с ним, пускай себе бухает. Он больше не в нашей команде.

Марина вздохнула.

— Он винит себя за то, что случилось с Ингой. Дайте ему время, я уверена, он возьмёт себя в руки.

— Оптимистка. Лучше реально смотреть на вещи. А реальность такова: Ярослав сдулся. Совсем. Он уйдёт в запой и, хорошо, если не допьётся до белой горячки. Чёртов спецназовец... сильный и слабый одновременно. Некоторые люди неисправимы, их даже падение с балкона и травма головы ничему не учит. Заливать горе водкой — последнее дело.

* * *

Вернулся Ярослав ближе к вечеру с полностью набитой сумкой. В дом заходить не стал, сразу проследовал в сарай и заперся. Никто не сомневался, что уже через минуту он откупорил бутылку, ознаменовав тем самым начало грандиозного запоя. Вадик, который всё ещё плохо себя чувствовал, доковылял до сарая, постучал, попросил впустить, потому что желал поговорить. В ответ услышал резкое:

— Проваливай, мелкий! Никого не хочу видеть! А тебя — тем более.

Обиженно хлопнув носом, Вадик прислонился спиной к двери.

— Пожалуйста, Ярослав, не пей. Ты нам нужен. Ты мне нужен. Как мы без тебя, а? В том, что случилось, ты не виноват. Инга погибла не из-за тебя. Виноваты только Варвара и Мамонт.

— Я сказал, вали отсюда, мелкий! — донеслось почти звериное рычание. В сарае раздался грохот, Ярослав что-то швырнул об стену. — И больше не приходи! Мне тошно от всех вас, и от тебя тоже! Я не твой папочка, чтобы сопли подтирать!

Со слезами на глазах, как побитая собачонка, Вадик вернулся в дом, свернулся калачиком на диване. Марина села рядом, погладила его по голове. Хотелось бы ей сказать что-то ободряющее, но в голову лезла лишь банальная чушь, вроде «Всё будет хорошо». Уж лучше молчать. Вадик всхлипнул.

— Он никогда со мной так не разговаривал. Я-то что ему плохого сделал?

— Ничего ты плохого не делал, — тихо сказала Марина. — Просто он сейчас на нервах и говорит не то, что думает. Я в этом уверена. И он хочет забыться, хотя бы на время, потому и решил напиться.

— Это плохо.

— Тут не поспоришь. Это очень плохо. Но давай надеяться, что Ярослав возьмёт себя в

руки.

Вадик кивнул.

— Да, я буду надеяться.

Ярослав как заперся в сарае, так и не выходил.

Поздно вечером, лёжа в кровати, Марина размышляла о том, что случилось, когда Мамонт сказал ей: «Убей себя». Разумеется, тогда её спасла частичка Духа города. Но что именно эта частичка сделала? Отразила ментальную атаку? Похоже на то. И не просто отразила, а вернула удар Мамонту, правда, в каком-то ином виде. Поможет ли это, если столкнуться лицом к лицу с Варварой? Уверенности не было. Толстяк умел убивать силой слова. На что же способна сама королева монстров? Выяснить это не слишком хотелось, но что-то подсказывало, что выбора не будет и с Варварой рано или поздно придётся лично иметь дело. Жутко. Жалко Дух города не Гудвин и не может добавить смелости, как тому льву из сказки. Придётся отвагу искать в себе. Во время реабилитации после инцидента с наркоманом это получилось. Получится ли теперь?

Марина коснулась пальцами шрама на шее и пожелала, чтобы сегодня ей пригрезился сон, в котором она расправляется в Варварой и прочими чудовищами. Глаза слипались, день был невероятно тяжёлым. Прежде чем уснуть, она подумала: «Как там Ярослав? Наверняка уже всю дрыхнет. Запойные быстро напиваются и столь же скоро отрубаются. Ну и хорошо, пускай спит. Сон лечит, даже алкоголиков».

* * *

Марина пробудилась от крика:

— Просыпайтесь! Ярослав уехал! Просыпайтесь!

Это голосил Вадик.

Марина поспешно оделась, вышла из комнаты в гостиную, где уже были ошарашенные Нонна и Семён. Вадик указал пальцем на дверь, ведущую в прихожую.

— Ярослав только что уехал! И Мамонта с собой забрал. На «Газели» уехал, и он не был пьяным!

Нонна скривилась.

— Вот же говнюк. И я хороша, ключи в машине оставила. Хотя, он со своими навыками и без ключа «Газель» без труда завёл бы.

Вадик сел на диван, тут же вскочил, не находя себе места.

— Нужно что-то делать. Он заставил наркомана превратить Мамонта в придурка. Мне сказал, что отвезёт его в лес и убьёт. Но я ему не поверил. А ещё он сказал, чтобы я шум не поднимал, вас не будил.

— Странно, — озадаченно потёр лоб Семён. — Начерта превращать Мамонта в дебила, прежде чем убить? Это нелогично. Нам нужно осмотреть сарай, может, поймём, что Ярослав задумал.

Отправились в сарай.

— Ни одной пустой бутылки, — отметила Марина. — Похоже, он действительно не пил, — она подошла к грубо сколоченному столу, на котором лежала куча пустых коробок из-под инсулина, пипетки, стояли какие-то склянки. — А вот это уже напрягает. Он времени зря не терял, что-то делал. Хотелось бы знать, что именно.

— Тут записка, — Нонна взяла с края стола тетрадный листок, начала читать: — «Я отправляюсь в экопосёлок. Попытаюсь в своих целях использовать Мамонта. В любом случае он сдохнет. Я сделал нитроглицерин, азотную и серную кислоту взял у себя в гараже.

Шарахнуть должно не слабо. Там же, в сумке, вместе с бутылками с нитроглицерином, будут ампулы с инсулином. Простите меня, но так было нужно. Я должен действовать, иначе с ума сойду. Всё вы меня простите, особенно ты, Вадюха. Ты классный пацан, береги себя. Марина, Нонна, Семён, проследите, чтобы с Вадюхой ничего не случилось. „Газель“ я оставлю на обочине дороги, ведущей к экопосёлку».

Марина сжала кулаки и резюмировала:

— Поехал Варвару убивать, в одиночку. Безумец. Лучше бы он действительно набухался.

— Мы должны его остановить! — решительно заявил Вадик. — Или помочь!

Семён провёл ладонью по лицу.

— Не получится. У нас нет машины, а пешком до экопосёла часа два. Вызывать такси — не вариант. После того, как Ярослав глотки тем тварям перерезал, нас сто пудов полиция разыскивает. А ориентировки, как я слышал, и таксистам дают. Слишком рискованно. Да и не успеем мы. Наверняка Ярослав уже на полпути к посёлку, а ещё минут через двадцать он начнёт действовать.

Лицо Вадика покраснело от гнева.

— И что же, мы будем просто сидеть и ничего не делать?! Как трусы?! Нет, я так не хочу!

— Мы пойдём к посёлку пешком, — решила Нонна. — Больше нам ничего не остаётся. С большого расстояния в бинокль поглядим, что там происходит, и ты, Марина, может, что-то ощутишь. Да, я согласна, Ярослава остановить мы по-всякому не успеем, но мы должны знать, чем закончится его авантюра. И «Газель», разумеется, заберём. Собирайтесь, выходим через пять минут. Ты, Вадик, здесь останешься. Ещё до конца не оклемался после нападения мрази. И, если с тобой опять что-то случится...

— Ну уж нет! — топнул ногой Вадик. — Что вы такое говорите? Ярослав мой друг, я не могу не пойти!

Нонна грубо схватила его за плечи, встряхнула, выдавила ледяным тоном:

— Ты! Останешься! Здесь! И это не обсуждается!

— Согласна, — поддержала её Марина. — Вспомни, что Ярослав в записке написал.

Вадика аж затрясло от злости.

— Вы... вы все сволочи!

Он выбежал из сарая, проследовал в дом, улёгся на диван, уткнулся лицом в подушку и расплакался. Плакал не из-за того, что его не берут с собой в экопосёлок, а потому что чувствовал: своего лучшего друга Ярослава он не увидит больше никогда. По крайней мере — живым.

* * *

Как и обещал в записке, Ярослав оставил «Газель» на обочине дороги, ведущей в посёлок монстров. Дальше они с Мамонтом пошли пешком. После того, как чудовищный наркоман обработал толстяка, тот стал точно робот, выполняющий все команды, при этом он постоянно дебильно улыбался, пускал слюни, мычал и кивал, словно китайский болванчик. Ярослав сказал ему выйти из машины — послушно вышел. Сказал идти — пошёл.

Время пять утра. Темно, промозгло. По лесу гулял ветер. Ярослав подумал: «Лишь бы не было дождя». Он нёс рюкзак, набитый бутылками с нитроглицерином и сотнями ампул с инсулином. После взрыва, как он надеялся, лекарство должно конкретно распылиться по посёлку и отравить монстров. А дождь мог этому помешать.

Да, план, конечно, хрупкий, как те ампулы, что лежали в рюкзаке. Но другого не было.

В записке он написал правду: бездействие его с ума свело бы, причём очень быстро и бесповоротно. Вчера, после гибели Инги, он и вправду хотел уйти в запой, но потом посчитал, что это сродни предательству. Решение не напиваться далось очень нелегко. Пожалуй, это было одно из самых тяжких решений в его жизни. Хвала силе воли — помогла, несмотря на подлый внутренний голос, который настойчиво твердил: «Купи водки и бухай, бухай до потери памяти, до смерти». А потом пришла идея с бомбой и ампулами. Это походило на вселенское озарение. Он решил действовать в одиночку. Нонна, Марина, Семён и тем более Вадик без всяких сомнений захотели бы пойти с ним и, возможно, кто-то из них погиб бы. Нет, он этого не мог допустить, потому и поругался со всеми, обманул, притворился, что уходит в запой. Перед Вадиком было стыдно — накричал на него, оскорбил. Да, сделал это из благих намерений, но от этого не легче, чувство вины перед мальчишкой давило пудовыми гирями.

Вчера, сказав всем, что идёт за бухлом в ближайший посёлок, Ярослав поймал на шоссе попутку и поехал к себе в гараж. Чего только у него в гараже не было, в основном — хлам. Но было и кое-что полезное, то, что он однажды забрал у одного сумасшедшего химика, когда ещё служил в спецназе. Две больших бутылки серной и азотной кислоты. Забрал с простой мыслью: «Когда-нибудь, да пригодится». В тот период своей жизни он тащил к себе в гараж всё подряд, считая себя запасливым. Весь в отца. Тот даже мимо валяющегося на улице ржавого гвоздя пройти не мог — клал в карман, авось да понадобится.

После посещения гаража, Ярослав вернулся на шоссе, опять поймал попутку и поехал в соседний посёлок. В аптеке закупил глицерин, пипетку и пять десятков коробок с ампулами инсулина. Аптекарьша, конечно удивилась: зачем столько? Пришлось сказать, что покупает инсулин для домов престарелых. В качестве благотворительности. Опять враньё, он тогда подумал, что обман входит в его привычку. В деревню шёл пешком — на этот раз никто не пожелал его подвести. Явился только к вечеру, когда уже стемнело.

Заперся в гараже и приступил к первому этапу своего плана. Смешал разные части азотной и серной кислоты, начал с помощью пипетки по капле добавлять глицерин. В идеале делать всё это нужно было на ледяной бане, но пришлось обойтись ведром с холодной водой. Действовал осторожно и, несмотря на прохладу, аж взмок от напряжения. Он отлично знал процесс сотворения нитроглицерина, но одно дело знать, а другое — самому создавать очень опасное взрывчатое вещество. Ну ничего, справился.

Настал черёд следующего этапа.

Заставил наркомана превратить Мамонта в послушного дебила. Пришлось толстяку кляп в рот засунуть, чтобы не орал от ужаса. Всего лишь одна минута — и вот он, новоиспечённый придурок. Но тут вышла незадача — Вадик проснулся. Пришлось ему соврать, что поведёт Мамонта в лес, чтобы казнить. Поверил ли? Вряд ли. Он пацанёнок смыслённый, способен сложить два и два. Зачем превращать толстяка в дебила перед казнью? Разумеется, это выглядело подозрительно. Ярослав не сомневался, что, едва он сел в «Газель» и завёл двигатель, как Вадик уже начал будить остальных. И сейчас они наверняка спешат к посёлку чудовищ. Пешком. Неразумно с их стороны, но такие люди не могут иначе. Помочь хотят и это желание намного сильнее здравого смысла, оно задвигает осторожность и рассудительность на задний план.

Ярослав с Мамонтом дошли до опушки, откуда был виден экопосёлок. Там горели фонари, теплился свет в будке охранников.

— Ну что же, пора приступать к следующему этапу, — пробормотал Ярослав. —

Смотри не подведи. Сделай напоследок в своей жизни хоть что-то достойное.

Мамонт замычал, пуская слюни, а потом кивнул, подтвердив этим жестом, что ещё способен понимать смысл слов.

Ярослав потёр пальцами лоб.

— Значит так. Я сейчас дам тебе сумку. Ты не спеша пойдёшь в посёлок. Смотри под ноги, чтобы не споткнуться. Пройдёшь мимо охранников. Думаю, они тебя пропустят, ведь ты такой же монстр, как и они. Потом иди к дому Варвары, постучи в дверь. Когда она откроет, со всей силы швырни сумку об пол. Если тебя всё же задержат, опять-таки швыряй сумку об землю. Сделаешь всё как надо, я тебя награжу. Ты наверняка пожрать любишь, верно я говорю? Обещаю, после всего этого, я дам тебе много вкусностей, наешься до отвала.

Мамонт заторможено кивнул и совсем как-то по-детски улыбнулся. Да, он всё понял и ему даже хотелось выполнить это поручение, чтобы получить награду. Его изуродованное наркоманом сознание нарисовало образы конфет и огромного торта. Очень хотелось есть. Чего-нибудь сладенького. Ради сладенького он был готов на всё.

Ярослав открыл сумку, вытащил мягкие прокладки, которыми обложил бутылки с нитроглицерином, затем закрыл и передал сумку Мамонту.

— Неси её очень осторожно.

В ответ — мычание, означающее, что наставление будет выполнено.

— Всё, иди.

И Мамонт пошёл, всё ещё улыбаясь и глядя себе под ноги. То, что приказал ему Ярослав, не просто отложилось в его рассудке, а буквально сияло неоновой вывеской: прийти в посёлок, постучать в дверь дома Варвары, когда она откроет — со всей силы бросить сумку об пол. Если задержат — бросить сумку об землю. Другие мысли в голове у толстяка отсутствовали. Впереди была рытвина, в сознании всплыли слова: «Неси очень осторожно». Обошёл рытвину, после чего подумал, что он всё делает хорошо.

Ярослав следил за ним с напряжением. Только бы утырок не споткнулся, тогда весь план насмарку и будет только одна отрада: Мамонт сдохнет. Но этого мало, не для того всю ночь делал нитроглицерин, не для того поругался со всеми своими друзьями. Он рассудил, что, если есть во вселенной хоть какая-то справедливость, то толстяк должен дойти.

Пригнувшись, Ярослав добежал до зарослей засохшего репейника, лёг на землю. Отсюда лучше было видно посёлок. Мамонта заметили, двое охранников покинули будку. Один из них выкрикнул:

— Стоять!

Но толстяк его не послушался, шагал, улыбаясь так, словно мысленно уже поедал сладости — обещанный приз.

— Это же Мамонт, — узнал его второй охранник. — Эй, ты где пропадал? И почему пешком? Твоим сопровождающим вчера глотки перерезали, а ты как выжил?

— Что-то с ним не так, — заметил первый. — Нужно Варваре сообщить, что он объявился. Слышишь, Мамонт, тут пока постой.

Ярослав, нервничая, наблюдал за толстяком. Тот остановился. Задержали всё-таки заразы! Но сумку об землю жирдяй не бросил, видимо, решил, что «задержание» — это когда грубо, с применением силы. Что же, это хорошо. Если бы взрыв произошёл сейчас, погибли бы всего трое. Мало, недостаточно. Нужно больше жертв, надо, чтобы сдохла Варвара.

— Не спеши, толстячок, — шёпотом произнёс Ярослав. — Сделай всё правильно.

Один охранник устремился вглубь посёлка, второй разглядывал Мамонта с любопытством.

— Что с тобой случилось? Почему молчишь?

Ответа, разумеется, не последовало. Мамонт стоял как истукан, кривил губы и глупо хлопал глазами. Охранник обошёл его, смерив взглядом с головы до ног.

— Что у тебя в сумке?

Если бы Ярослав каким-то чудом с такого расстояния услышал этот вопрос, то решил бы, что это всё, полный крах. Возможно, он рванул бы к охранной будке, выхватил у толстяка сумку и... Но он не услышал, а потому с тревогой ждал, что будет дальше.

А дальше, объявилась Варвара и своим возгласом отвлекла намеревавшегося проверить сумку охранника:

— Мамонтёнок! Друг ты мой ситный! И где же тебя носило всё это время? — она приближалась, разведя руки словно бы для объятий. На ней были только белый халат и тапки. — Я так за тебя волновалась! Всё думала, и куда же запропастился мой верный пёсик? Вопросов у меня к тебе уйма. Готов на них ответить?

Она остановилась, выражение благодушия на лице резко сменилось злобой.

— Ты — другой!

Ярослав совершил ещё одну перебежку, снова распластался на земле. Ему хотелось видеть всё, что происходило на въезде в посёлок и он очень жалел, что у него не было с собой бинокля. Но Варвару рассмотрел. Та что-то говорила Мамонту. Почему она остановилась? Какого хрена к нему не приближалась? Точно что-то заподозрила!

Из близлежащих домов выходили местные, стекались к будке охранников. Все с недоумением смотрели на Мамонта. А в голове толстяка велась внутренняя борьба, он больше не улыбался, совершенно не понимая, что дальше делать. Ему были даны чёткие наставления: кинуть сумку, когда Варвара откроет дверь. Но дверь давно открыта, и она теперь здесь. Можно ли прямо сейчас бросать об землю сумку? Он ужасно боялся совершить ошибку, от отчаяния даже заплакал, выпятив нижнюю губу и хлюпая своим разорванным носом. Конфеты, торт — неужели он всё это не получит?

— Что у тебя в сумке, Мамонт? — Варвара холодным тоном повторила давешний вопрос охранника и отступила на пару шагов. — Какого хера ты молчишь, мудила жирный? Отвечай, не то я тебя на части разорву!

«Она злая, — подумал Мамонт. — Эта женщина никогда не подарит ничего сладенького. А человек, давший сумку — добрый. Он обещал награду».

— Все назад! — выкрикнула Варвара. Её глаза стали похожи на осколки льда, черты лица обострились.

В следующие секунды случились две вещи. Первое: Ярослава обнаружил патруль — после нападения на посёлок Варвара приказала патрулировать окрестную территорию. Второе: внутренняя борьба в голове Мамонта закончилась. Он принял решение. Поднял над головой сумку, громко замычал, что означало: «Я скоро буду кушать торт и конфеты», и со всей силы швырнул сумку об асфальт.

Пространство содрогнулось. Взрыв разорвал утреннюю темень, озарил низко нависающие тучи и деревья на опушке. Ударная волна смела будку охранников, шлагбаум, ограду, монстров, выбила стёкла в домах. Осколки ампул разлетелись в разные стороны со скоростью пули. Жидкость инсулина в виде пара распространилась по посёлке — его было совсем мало, но и этого хватило, чтобы отравить раненых чудовищ.

Барвару отбросило к одному из ветряков. Она быстро оклемалась, поднялась и заорала, устремив взгляд к небу и дав волю своей ярости. Десяток осколков пронзило её тело, из ран сочилась зеленоватая субстанция.

А Мамонт... его, как и охранника, разорвало на куски, оторванная изуродованная голова отлетела к противоположному краю посёлка. Толстяк закончил свою жизнь ужасно голодным, но с надеждой, что скоро вдоволь наестся сладенького. Не сложилось.

Глава девятнадцатая

Трое. Двое мужчин и женщина. Ярослав видел их истинный облик. Чудовища. Но какого дьявола эти твари делали ранним утром за пределами посёлка? Они его заметили и теперь приближались. Что ж, придётся драться. Он вынул из кармана кожаной куртки электрошокер, из чехла вытащил нож. Монстры были не из той категории, с которыми он столкнулся в оздоровительном центре, не боевики, а значит — справится. Обязан справиться. Это станет отличной изюминкой на торте, под названием «Взрыв». Только бы голова не подвела. Едва он об этом подумал, как в затылке кольнуло.

— Не сейчас, — процедил. — Пожалуйста, не сейчас.

Женщина остановилась, выпучила глаза и пронзительно заверещала. Звук был настолько пронзительный и мощный, что у Ярослава моментально заложило уши, а виски словно тисками сдавило. Обитатели посёлка, даже раненые, все разом развернулись и помчались к проходной, в верещании они услышали: «Здесь посторонний! Нужна помощь!»

А помощь патрулю монстров и вправду была необходима, потому что Ярослав начал действовать. Увернувшись от удара одного из патрульных, он вонзил ему нож в живот, резко провернул лезвие, выдернул. Всё это сделал за пару секунд, как профессиональный спецназовец. И будто бы и не было для него месяцев пьянок и жутких похмельных недель. Он чувствовал себя прежним, сильным, ловким. Ему хотелось битвы, мести, крови. Вот только эта чёртова вопящая дамочка давила на мозги своими воплями. Она уже не выглядела как человек — превратилась в горбатую тварь с морщинистой крысиной мордой и красными глазами.

Раненый патрульный, прижав ладони к ране на животе, осел на землю. Второй монстр как-то совсем уж по-звериному, по-кошачьи, выпустил длинные когти, бросился в атаку. У него получилось зацепить бывшего спецназовца — разодрал щёку. Но в ответ получил разряд электрошоком, а в довершение — удар ножом в шею. Настал черёд «вопящей», её нужно было заткнуть, иначе, как чувствовал Ярослав, голова попросту взорвётся.

Однако, через мгновение он поменял свои планы, ему стало не до этой голосистой твари, потому что со стороны посёлка бежали монстры и было их не меньше двух десятков. Как бы Ярославу не хотелось дать волю своей злости, но здравый смысл его ещё не покинул. В данный момент шансы на победу равнялись нулю. Слишком уж много чудовищ. Нескольких, скорее всего, он уложит, но всех — это из разряда, очень желаемого и в тоже время невозможного.

А значит — надо сматываться.

Только он об этом подумал, устремив взгляд в сторону леса, как «вопящая», словно бы раскусив его замысел, прыгнула на него точно обезьяна, обхватила руками и ногами, при этом продолжая издавать пронзительные звуки.

Ярослав ударил её ножом в печень, выдернул лезвие и ударил ещё раз. Она захрипела, однако хватку не ослабила, видимо, отдав свои последние силы на то, чтобы не дать противнику сбежать. А бежать было поздно в любом случае — монстры окружили. Те, кто

не пострадал от взрыва, отрезали путь к отступлению, изувеченные — приближались, кто-то из них хромотал, некоторые прижимали ладони к ранам, но всех объединяло одно: лютая злоба в глазах.

«Вопящая» наконец рухнула на землю. Со своей задачей она справилась сполна, хоть и ценой своей жизни. Даже умирая, она тянула руки к Ярославу, словно намереваясь снова схватить его, не дать свободно двигаться. А он сейчас очень жалел, что не сделал ещё нитроглицерина. Для себя. Всегда мечтал умереть как герой. Будь сейчас у него бутылка с взрывчатым веществом, бросил бы её со всей дури об землю не задумываясь. Но, увы, придётся найти иной способ уйти из жизни героически.

Вот только чёртова голова. В черепной коробке словно обосновался подлый чертёнок с острым шилом, которым он колот и колот мозг. Хлопнув ладонью по виску, Ярослав обвёл взглядом приближающихся монстров, ослабил.

— Драться хотите? Со мной? Ну что же, я это дело люблю.

Ему ничего не оставалось, как храбриться. Была надежда, что прямо здесь и сейчас его не убьют — скрутят, отведут к Варваре, чтобы она учинила допрос: где остальные, как из Мамонта получилось сделать идиота? Он был уверен, что выдержит любые пытки, не сломается, не сдастся. И, возможно, у него появится возможность напасть на королеву чудовищ. Это походило на хрупкую надежду человека, у которого не осталось никаких вариантов, кроме плохих и очень плохих. Но и этого хватало, чтобы держаться бодро, чтобы смотреть в глаза тварям с вызовом.

Они атаковали всем скопом. Ярослав успел двоих ткнуть электрошокером и одного ударить ножом в шею, после чего монстры сбили его с ног, придавили к земле. В голове будто-то колокол зазвенел, сознание начало заволакивать тьмой. Прежде, чем случился приступ эпилепсии, он успел подумать, что драка получилась довольно бесславная.

* * *

Очнувшись, Ярослав ощутил холод и жуткую слабость. Дрожащей рукой протёр слезящиеся глаза, понял, что находится в просторной комнате с высоким потолком и постаментами, на которых стояли абстрактные статуэтки. Сам он сидел в кресле, не связанный и это вовсе не радовало, а настораживало. Получалось, что его сейчас не воспринимали как угрозу. Попытался подняться, но тут же почувствовал удар в грудь, словно плотная воздушная волна налетела и буквально пригвоздила его к спинке кресла, обездвижила.

— Не суетись, — услышал он голос столь же холодный, как и воздух в этой комнате. — Сиди смирно.

Зрение после приступа почти восстановилось, и Ярослав разглядел возле окна женщину. Варвара стояла, скрестив руки на груди, и она вовсе не выглядела такой красивой, какой он запомнил её на фотографиях в интернете. Королева монстров сейчас была сутулой, с резкими чертами лица и бледной отливающей глянцевой синевой кожей. Пострадавший во время взрыва халат она так и не сменила, он был весь в дырах от осколков ампул, местами обгоревший. А вот на ней самой ран не было видно.

Она подошла к креслу, склонилась над Ярославом.

— Ну что дружок, допрыгался? Наконец-то хоть одного из вас удалось поймать. Шустрые вы, ребята, ничего не скажешь. Действуете нагло, исподтишка, — её тонкие губы расплылись в улыбке. — И знаешь, в своём мире я действовала так же, потому что по-другому с Владыками Бездны не справиться. Только наглость, только хитрость. Я выжила

благодаря этому. Я — против Архонтов, это тоже самое что вы — против меня. Посему выходит, что у меня к тебе и твоим друзьям должно быть уважение, ведь вы боретесь, не сдаётесь, жизнью рискуете ради высшей цели. Но нет, — она отрицательно покачала головой. — Нихера у меня нет никакого уважения. Я смотрю на вас, на людей, как на насекомых и ничего с этим поделать не могу. Там, откуда я родом, такое отношение в порядке вещей, для сильных более слабые — это ничтожества. Помимо воли я многое переняла из человеческой природы, но жестокий взгляд сильного на слабых — это не искоренить ничем, — ткнула пальцем себе в лоб и повысила голос. — Это вот здесь, на первом плане!

Ярослав смотрел ей в глаза и ему казалось, что в их глубинах блестит лёд. Он нашёл в себе силы ухмыльнуться и выдавил:

— А мне всё пофигу. Нет ко мне уважения? Да насрать. Я знаю, что не выйду отсюда живым, но я сдохну вполне довольным. Сколько твоих шакалов погибло от взрыва? По моим прикидкам шук пять и ещё, думаю, с десятков неслабо так траванулись инсулином. Приплюсуй тех, кого я прирезал. И Мамонт. Долго вы теперь будете его по кусочкам по всему посёлку собирать. Неплохая вышла атака, верно? Жаль только ты, тварь, не пострадала. Похоже, на тебе всё как на собаке заживает.

За эти слова Ярослав получил удар по лицу, однако он продолжал ухмыляться, назло Варваре. Да, сама она во время взрыва не сдохла, осколки ампул не пробили её кожу, которая в мгновение ока стала точно кевлар, да и огонь не причинил вреда, хоть и вызвал боль. Дело было в другом. Той небольшой распылённой дозы инсулина хватило, чтобы погубить червей в её внутреннем инкубаторе, позже она извергла их, дрожа от гнева. В живых остались лишь два червя, с помощью которых можно было создать только монстров-боевиков. Теперь придётся выращивать новых, а на это уйдёт немало времени.

— Храбришься, — процедила Варвара. — Но меня ты не обманешь. Тебе страшно. Не за себя страшно, а за своих друзей. Ты боишься, что не выдержишь того, что я тебе уготовила и выдашь, где твои друзья находятся. Твой страх — стать предателем. А ты станешь, уж поверь. В развязывание языков мне нет равных.

Она была права. Ярослав не сомневался, что сможет вытерпеть любую боль, но он подозревал, что у этой твари могут найтись иные методы, против которых человек бессилён, каким бы крепким и стойким ни был. Впрочем, перед поездкой он подстраховался, кое-что сделал, а потому «иные методы» королевы чудовищ могли и не сработать. Хотя уверенности в этом не было.

— Ты можешь мне всё рассказать прямо сейчас и тогда мне не придётся тебя истязать, — с лживым сочувствием сказала Варвара, а потом махнула рукой. — Нет, это было глупое предложение. Оно сработало бы с такими как Мамонт, но не с тобой. Ну что же, тогда приступим. Скоро ты, дружок, выложишь мне всё как на духу, а всё потому, что станешь очередным моим верным пёсиком. А ну-ка открой ротик.

Ярослав стиснул зубы, однако такая же сила, что недавно припечатала к спинке кресла, словно бы ухватила его за челюсти, проникла в мышцы, взяв над ними полный контроль. Он, разумеется, пытался сопротивляться, но рот раскрылся помимо воли. Варвара вплотную приблизила своё лицо к лицу пленника, дёрнулась, будто от удара током, глаза заволокло мутной пеленой, в утробе заурчало. Дёрнулась ещё раз, из приоткрытых губ вырвалось облачко вонючего газа, а затем горло немного вздулось, изо рта выполз чёрный осклизлый червь. Извиваясь, он сполз по подбородку, оставляя слизистый след, после чего забрался в

рот Ярославу и по словно бы прибитому к небу языку проник в глотку, в пищевод.

Пелена исчезла из глаз Варвары. Она повела плечами, облизала губы и улыбнулась.

— Ну вот и всё. Скоро мой червячок сделает своё дело. Ты станешь чудовищем. Будешь ползать передо мной на коленях, исполнять все приказы, причём с радостью. Ты готов будешь жизнь отдать, лишь бы мне угодить. Как тебе такая перспективка? Не нравится? — хохотнула. — Ну ничего, ничего, скоро понравится.

Ярослав ощущал, как внутри него шевелится червь. Невыносимо хотелось разодрать ногтями себе брюхо, чтобы достать эту тварь. Он молил фортуна, чтобы то, что он сделал до поездки в посёлок, сработало. Только на удачу и оставалось уповать, как в игре в «русскую рулетку».

— Сейчас червячок осваивается в тебе, — склонив голову к плечу, произнесла Варвара. — Но через какое-то время он перестанет быть червячком. Изменится, пустит корни, которые точно лозы обовьют твои внутренние органы. А потом он начнёт вырабатывать токсин, и тогда изменишься ты.

— Не дождёшься, — выдавил Ярослав, почувствовав, как червь внутри него заметался, нутро обожгло. Это был хороший знак, если слово «хорошо» вообще уместно в такой ситуации.

Варвара напряглась, посмотрела на него с подозрением. Отлично! Ярославу доставило удовольствие такое выражение её лица.

— Что-то не так.

— Верно, тварь. Твой червячок подышает. Я это чувствую. Не сработал твой план, а мой — вполне себе, хоть я в нём и сомневался.

— Что ты сделал?! — прошипела Варвара. В её глазах сверкнул лёд, ногти превратились в острые прозрачные когти. От злости она теряла над собой контроль.

Ярослав повернулся вправо, и его стошнило на подлокотник кресла. Вместе с рвотными массами наружу вывалился мёртвый посеревший червь. Сплюнув кислую слюну, бывший спецназовец с триумфом поглядел на королеву монстров.

— Не зря я перед поездкой сюда вколол себе инсулин. А содержимое одной ампулы я просто выпил на всякий случай. Похоже, твои червяки очень чувствительны к лекарству для диабетиков. Что хорошо для человека, для монстра — смерть. Думала, я ничего не знаю, про твоих червей? Семён многое о тебе рассказал. И о том, что ты используешь глистов-переростков для создания чудовищ. По-прежнему меня считаешь всего лишь насекомым? А каково это осознавать, что всего лишь насекомое тебя так уделало? Вижу, как ты, паскуда, кипишь от гнева. Смотри не взорвись. И вот ещё что я тебе скажу... мои друзья уготовили немало сюрпризов. Они с тобой справятся. Всего лишь насекомые разворошат твоё крысиное гнездо и тебя грохнут. Жаль я этого не увижу, не приму участия. Ну ничего, ничего... я и так сегодня немало сделал.

Варвара действительно не могла сдерживать злость: сплошные неудачи. Ей казалось, что за последние годы, живя среди людей, она многое утратила, от той бунтарки, что умудрялась доставлять много проблем Повелителям Бездны, мало что осталось. Это бесило. Прежняя она не допустила бы, чтобы такие, как Ярослав и его подельники, причинили ей даже малейший вред. Разучилась различать в других хитрость. Разучилась предчувствовать опасность. В её мире всё это помогало ей выживать. Что с ней стало? Слишком очеловечилась? Переняла от людей их слабости? Да, этот мир отличная кормовая база, но в то же время он действовал на неё не лучшим образом. Только теперь она начала это

сознавать.

— И что теперь? — с ехидством спросил Ярослав. — Старые добрые пытки? Тебе ведь больше ничего другого не остаётся.

Варвара развела руками.

— Хочешь пыток? Будет тебе пытки. Пожалуй, твои вопли немного поднимут мне настроение. А вопить ты будешь, уж поверь.

— А я люблю повопить. Давай уже начинай. Посмотрим, какой из тебя вивисектор.

— Как насчёт снятия кожи?

— Обожаю.

Варвара сделала ладонью лёгкое движение, и на щеке Ярослава тут же появилось два пореза, будто их сотворили невидимые лезвия. Кожа в этом месте начала сползать, закручиваясь в кровавый рулон. Ещё движение ладонью — и порезы появились уже на лбу.

— О костях тоже не стоит забывать, — рассудительно заявила королева чудовищ.

Ступни Ярослава вывернулись, хрустнули кости, порвались жилы. Боль была адской, но он пока не позволял себе даже стоны, хотя не сомневался: скоро начнёт орать. Когда кричишь — легче. Но это вовсе не будет означать, что он сломался.

— Чувствую, как поднимается настроение, — бодро встрепенулась Варвара и улыбнулась. — Порой для радости нужно совсем немного, всего лишь кому-то причинить боль. Но ты, пожалуй, со мной не согласишься.

* * *

— Вот и моя «Газель», — сказала Нонна, увидев свою машину на обочине дороги. — Ну, хоть что-то Ярослав сделал правильно.

Путь до сюда занял больше часа. До экопосёлка было совсем уже близко.

Марина вздохнула, посмотрела на лес и выкрикнула:

— Вадик, выходи уже давай! Думал, я тебя не почувую? Забыл, какие у меня способности?

Тишина.

Нонна вглядывалась в темноту.

— Он что, всю дорогу за нами топал? И ты это знала?

— Конечно, знала. А что я должна была делать? Бегать за ним и гнать назад? Пускай уж парень будет с нами. Мне тоже это не нравится, но его не остановишь.

— Упрямый пацан, — буркнул Семён. — И я согласен, пускай лучше будет под нашим присмотром. Не связывать же его.

Нонна сокрушённо покачала головой.

— Ладно, — и повысила голос: — Выходи, Вадик! Хватит прятаться, с нами поедешь!

Зашелестела листва. Вадик вышел из зарослей кустарника метрах в тридцати от «Газели». Сделал пару шагов, остановился.

— С вами пойду? Точно? Обещаете? — он явно ожидал какого-то подвоха.

— Обещаем, — за всех ответила Марина. — Но, если полезешь на рожон...

— Да понял я, понял, — скривился Вадик и теперь же уверенно зашагал к своим друзьям. — На рожон лесть не стану. Я не дурак.

Снова продолжили путь, решив «Газель» забрать на обратном пути. Когда до опушки оставалось совсем немного, Марина подняла руку с раскрытой ладонью.

— Стойте. Дальше нам нельзя. Я ощущаю, что там, возле посёлка, расхаживают две группы по трое. Монстры. Похоже на патруль. Варвара подстраховалась. Но это ничего, всех в посёлке я тоже ощущаю. Там все чудовища и один человек. Ярослав. Рядом с ним Варвара,

её энергетика... даже не знаю, как объяснить. Очень тёмная что ли. И мощная.

Вадик оживился.

— Значит, Ярослав жив!

Марина едва не ответила ему: «Пока жив», — но осеклась, сдержалась. Она видела, что аура Ярослава кроваво красная. Ему больно, он страдает. Чтобы хоть как-то подбодрить остальных, она заявила.

— Я чувствую, что некоторые чудовища ранены и совершенно не ощущаю Мамонта.

Семён кивнул и сделал вывод:

— Это означает одно: взрыв удался. Мамонт сдох. Надеюсь, хотя бы несколько монстров тоже лапы склеили.

Вадик поглядел в сторону посёлка.

— Но Ярослав сейчас у них, у Варвары. Он в плену. Лучше бы он ничего не взрывал и оставался с нами.

Марина мысленно назвала Вадика «мальчишка — очевидность». Хотя, то что он сказал, у всех было на уме. Ярослав по сути пожертвовал собой, заплатил большую цену за возможность причинить Варваре вред. Впрочем, нет. Он заплатил эту цену, чтобы унять чувство вины. Это было главным мотивом.

Нонна подошла к Вадиду, коснулась его плеча.

— Ты ведь понимаешь, что мы ничего не можем сейчас сделать для спасения Ярослава.

— Понимаю. И меня это злит.

— Злость — это нормально. Иногда она помогает справиться с болью. Злись, мальчик. Злись. Но помни о своём обещании.

— Я помню, — Вадик бросил на Нонну уничижительный взгляд. — Не считайте меня глупым ребёнком. Я не собираюсь бежать в этот посёлок спасать Ярослава. Ему уже не помочь. И плакать я больше не буду. Никогда!

После этих слов на его глазах всё же блеснули слёзы, но он их быстро и нервно вытер ладонью.

* * *

На теле Ярослава уже не было живого места — сплошные порезы, участки с содранной кожей. Руки и ноги переломаны, вместо правого глаза зияла пустая, обрамлённая слизистой массой, глазница. Кресло пропиталось кровью, в стылом воздухе стоял тошнотворный медный запах.

— Больно? — ласково поинтересовалась Варвара. — Бедненький. Страдаешь, зачем-то терпишь всё это. Просто скажи, где сейчас твои друзья, и всё закончится, ты просто уснёшь и не проснёшься. Уверена, ты об этом сейчас мечтаешь.

Она была права, Ярославу невыносимо хотелось умереть, лишь бы больше не терпеть эти мучения. Он всегда считал себя крепким и стойким, но всему есть предел.

Варвара ткнула когтем в пространство перед собой, и у Ярослава тут же сломалась сначала правая, затем левая ключица, а на шее появился очередной порез. Он закричал, подавился собственным воплем, изо рта потекла перистая окровавленная слюна. Голова не раз подводила его за последнее время, но сейчас он умолял свой собственный мозг отключиться. Пускай это будет приступ эпилепсии или что-то похуже — это неважно. Лишь бы сбежать от чудовищной действительности, лишь бы не чувствовать боли.

— Я могу пытать тебя очень долго, — заявила Варвара. — Скоро я закончу, тебя немного приведут в порядок, а потом я продолжу. День, два и ты сломаешься.

«Чёртова башка! — мысленно закричал Ярослав. — Ну же, помоги мне!»

И она «помогла». В мозгу лопнул сосуд. Смерть была мгновенной.

Варвару затрясло, глаза стали большими как серебристые плоски.

— Нет! Какого хера? Сдох? Нет, это неправильно, ты не должен был сдохнуть! — она подскочила к Ярославу, схватила за плечи начала трясти. — Ты! Не должен! Был! Сдохнуть! Не сейчас!

В приступе ярости Варвара располосовал когтями его искалеченное лицо, разодрала горло, вырвала рёбра, после чего, окровавленная, уродливая, принялась носиться по комнате и крушить всё, что под руку попадалось.

Глава двадцатая

— Ярослава больше нет, — заявила Марина. — Я больше его не чувствую.

Вадик сел возле дерева, обхватил голову руками, изо всех сил стараясь не расплакаться. Все ожидали, что Варвара Ярослава в живых не оставит, но к некоторым вещам просто нельзя быть готовым. Можно пытаться настроить себя на неминуемое, однако боль от этого не станет меньше.

— Мы знали, что это случится, — выдала очевидность Нонна. — Наш друг погиб. Но вот вопрос: как много он рассказал Варваре о нас, о нашей базе. Ясно же, что эта тварь его пытала, мучила.

— Он ничего не сказал! — резко отозвался Вадик. — Ярослав сильный. Был. Его хоть как пытай, ничего не сказал бы. Он спецназовец, настоящий! И не надо про него говорить, что он предатель!

Нонна поморщилась.

— Успокойся. Никто его не называл предателем. Но мы не можем быть уверены...

— А я — уверен! — выпалил Вадик.

— Да тише вы, — осёк их Семён. — Я одно могу сказать: Варваре не удалось подсадить червя, иначе Ярослав ещё был бы жив и со временем превратился бы в чудовище. Что-то там пошло не так. Скорее всего Варвара его пытала и... Мы все знаем, что у Ярослава было что-то с головой. Может, от боли инсульт случился или ещё какая-то хрень, — он посмотрел на Марину. — Это ведь возможно, правда?

— Разумеется, — подтвердила она, подумав, что тут не нужно быть врачом, чтобы это понимать. — Всё возможно. Но Нонна права, мы должны исходить из того, что Ярослав... — попыталась найти более деликатное слово, — проговорился. У него мог быть затуманен разум, и он мог что-то сказать помимо воли. Это означает, что наш дом в деревне — под прицелом.

— И куда же мы теперь? — развёл руками Семён.

Марина задумалась.

— Мы всё-таки вернёмся. Но не в дом, а расположимся в лесу неподалёку. Будем ждать. Если нагрянут незваные гости, значит, Ярослав проговорился, а если нет... сами понимаете. Приближение чудовищ я издалека почувствую.

— По крайней мере, это хоть какой-то план, — согласился Семён. — Ладно, потопали. Лучше нам здесь больше не задерживаться.

Возвращаясь к «Газели», все шли с поникшими головами. Это больше походило на траурную процессию. Отдаляясь от посёлка чудовищ, Марина ощущала, как внутри неё будто густой мрачный туман рассеивается. Само это место, логово Варвары, давило на сознание, и с каждым шагом становилось легче — физически, но не морально. Боль от потери друга

расстоянием не рассеять. Она навсегда засела в душе, как хроническая болезнь в ослабленном организме. Сперва Инга, теперь вот Ярослав. Марине претили такие мысли однако, помимо воли, она снова задумалась: а стоит ли вся эта борьба подобных жертв? Усталость отвечала на этот вопрос однозначно: «Нет». Но кроме усталости, была ещё и злость, и у неё существовали свои ответы и аргументы. Усталость — явление временное, а злость... Марине казалось, что это чувство уже стало лейтмотивом её жизни, постоянным тёмным попутчиком, который всегда шёл за спиной и нашёптывал на ухо, что делать, как поступать. И от него не хотелось избавляться. По крайней мере — пока Варвара жива, пока по улицам города расхаживают чудовища, пока гибнут друзья и те, кто неугоден королеве монстров.

* * *

В приступе ярости, Варвара разорвала Ярослава на части. Взяв оторванную голову спецназовца за волосы, она швырнула её об стену, затем подняла, приблизила к своему лицу и прошипела:

— Думаешь, ты мне сделал хуже своим взрывом? Нет, ты хуже сделал своим друзьям. Потому что я найду их всех, и твои мучения перед смертью им покажутся пустяком. Жаль, ты этого уже не увидишь.

Она водрузила голову на постамент, на котором до этого стояла дорогая замысловатая статуэтка. Уселась в окровавленное кресло, закинув ногу за ногу.

— Я найду их всех! — ярость не снижалась ни на градус, она кипела в крови, делала мысли чёрными. — Врачиха, пожилая тётка, мальчишка, ну и, конечно же, Семён. Им не скрыться. А если есть ещё кто-то, я и их найду. Слышишь, голова? У меня теперь появилась чёткая цель в жизни. И мне это нравился, — на губах Варвары возникла кривая улыбка, но тут же померкла. — Слишком долго я существовала без цели, начала считать, что именно так и нужно жить. Но я ошибалась. Ты и твои друзья, можно сказать, мне услугу оказали, встряхнули, напомнили, кем я была и кем я должна быть. Да, сейчас я это понимаю.

Она вскочила, быстро подошла к постаменту, схватила голову и крепко поцеловала в то, что осталось от губ после всех истязаний.

— Спасибо! А знаешь, по отношению к тебе я, пожалуй, забуду все обиды. Серьёзно. Теперь, когда ты сдох, мы с тобой найдём общий язык и станем друзьями. Что? Не хочешь быть мне другом? Ну брось дуться. Как у вас, у людей, говорится: кто старое помянет, тому глаз вон, — она повернул в руках голову, заглянула в пустые глазницы. — Вот об этом я и толкую, именно об этом. Знаешь, а ведь у меня никогда не было друзей. Жалость какая, верно? Большое упущение. Ну ничего, дружок, теперь всё станет иначе. А сейчас я, пожалуй, пойду в холодок. Нужно остыть. Составишь мне компанию?

* * *

Расположились в полукилометрах от деревни. Марина ни на секунду не снижала бдительность, с помощью своего дара «сканировала» местность. Всё было чисто, монстров не видать. Нонна стояла возле оврага, глядя себе под ноги, и, судя по виду, она находилась во власти тяжких мыслей. Определённо, последние события давили на неё, за минувшие сутки она словно бы постарела лет на десять, и неизменный бунтарский блеск в её глазах угас.

— Всё не так, — пробормотала она. — Всё плохо. И я не представляю, что дальше делать.

— Мы что-нибудь придумаем, — попытался неуверенно обнадежить её Семён.

— Придумаем? Устала я что-то придумывать. Инга, Ярослав, все те, кого Мамонт

заставил совершить самоубийство... Все эти смерти... теперь я сомневаюсь, что стоило вообще во всё это ввязываться. Слишком велика цена. Никогда не думала, что скажу это, но... у меня нет больше сил противостоять Варваре.

Марина тоже не думала, что когда-нибудь услышит подобные слова именно от Нонны, от «железной леди», которую, казалось, не могут сломить никакие беды. Но, похоже, гибель близких людей может вселить отчаяние даже в таких хладнокровных, как она.

— Нас всего трое, — продолжила Нонна, по-прежнему глядя себе под ноги, словно пытаясь разглядеть среди мокрой опавшей и сопревшей листвы крупицу надежды.

— Четверо! — возмутился Вадик. — Почему меня не посчитали? Я что, по-вашему, совсем никто?

Нонна встрепенулась, поглядела на него с гневом.

— Да потому что ты ребёнок, вот почему я тебя не посчитала! Господи, о чём я вообще раньше думала, когда решила взять тебя в нашу команду? Дура старая! Надо было найти тебе какое-нибудь безопасное место подальше от этого чёртова города, и сидел бы там.

— Я не хочу нигде сидеть. Я хочу отомстить за Ярослава и Ингу! — решительно заявил Вадик.

Нонна фыркнула.

— Щенок. Глупый щенок. И что ты сделаешь против всех этих чудовищ? Пойдёшь потявкаешь на них? — Нонна поглядела на Марину, на Семёна. — Всё что мы можем, это жертвовать собой. Теперь я это понимаю. Какой бы вред мы ни причиним Варваре, она оправится, а мы... Ингу и Ярослава уже не вернуть. И тех, кого Мамонт убил. Пора остановиться. Я втянула всех вас в это противостояние, и я же говорю сейчас: хватит, ребята, наигрались в войнушку. Ладно я старая колоша сдохну, но вы... вы молодые. Живите пока живётся. Нужно отсидеться до весны, а там Варваре уже не до нас будет. А грядущей осенью она так вообще о нас забудет, если не станем снова ей вредить.

На секунду Марине показалось, что Нонна права и это противостояние необходимо прекращать. Всего лишь на секунду, а потом вспомнились монстры, их призрачные языки, вспомнилось, что твари сделали с сестрой. Что-то внутри Марины отчаянно противилось тому, чтобы Варвара победила, и частичка духа города тут была не при чём.

— Значит, Инга и Ярослав погибли зря? — со злостью и детской непосредственностью Вадик озвучил то, что остальные не решились бы сказать вслух. — Так ведь получается? Мы боролись и сдались, а это значит, что всё было напрасно.

— Мы показали Варваре, что она не всесильная, — попыталась оправдаться Нонна. — Это уже немало. Мы показали этой твари, что горстка обычных людей может ей серьёзно жизнь испортить. Если она не полная дура, то после такого она притихнет, как-никак мы серьёзный шум подняли. А ей это совершенно не нужно.

Вадик невесело усмехнулся.

— Ну да... подняли шум. А чудовища никуда не делись.

Нонна сжала кулаки, наморщила лоб и стала похожей на себя прежнюю — волевою, не припечатанную грузом отчаяния.

— Может хватит уже ныть? Мы сделали, что смогли. И, как по мне, мы сделали много, учитывая, что мы никакие не боевики. Теперь надо просто признать, что воевать дальше мы не можем, потому что у нас нет ни возможностей, ни сил. Я уезжаю к своей сестре в Тулу и тебя, Вадик, забираю с собой. Так будет лучше.

— Чего? — Вадик сначала удивился, но потом его лицо стало красным от гнева. —

Забираете? Меня? А вот фиг вам! Никуда я не поеду! Я останусь с теми, кто не струсил!

Марина рассудила, что её слово сейчас очень важно и сдерживать себя не стала:

— Ты с нами не останешься. Поедешь с Нонной. Она права, так будет лучше. Ты что, дальше воевать с чудовищами собрался? Война окончена. Всё.

Вадика затрясло от возмущения, он явно рассчитывал, что Нонна со своими планами останется в одиночестве. Он открыл было рот, чтобы выплеснуть всё своё возмущение в виде яростной тирады, но вдруг сник, видимо понял, что это не поможет, лишь глаза его продолжали метать молнии.

— Значит, решено, — подытожила Нонна. — Мы с Вадиком уезжаем. А вы? Почему бы вам с нами не поехать? У меня деньги есть, устроимся как-нибудь.

Марина отрицательно качнула головой.

— У меня тут сестра. Я не могу её бросить.

— А я не хочу убегать, — заявил Семён. — В деревне, похоже, безопасно. Если бы Ярослав что-то рассказал Варваре, группа ликвидаторов давно была бы уже здесь. Она дамочка нетерпеливая, выжидать не стала бы. Подождём ещё чуток, и в дом вернёмся.

— А что потом? — с грустью промолвила Нонна. — Так и будете прятаться?

Марина пожала плечами.

— Я не знаю, что будет потом. Надо с Духом города посоветоваться. А пока... я хочу забрать из больницы сестру. Пока она там, я не найду покоя. Есть у меня кое-какая идея, как вывести её из комы. Шар с жизненной силой. Чувствую, он поможет. Надеюсь. По крайней мере, нужно попытаться. Сейчас как раз удачное время. После взрыва Варвара в себя приходит, раны зализывает, ей не до нас.

Нонна тяжело вздохнула, развела руками.

— Что ж, удачи. Она вам ой как понадобится.

* * *

Выждали ещё пару часов и вернулись в деревню, с полной уверенностью, что Ярослав достойно выдержал все пытки и ничего не рассказал Варваре. Впрочем, Марина постоянно была на чеку и не собиралась снижать бдительность, её внутренний взор то и дело устремлялся на окружающую местность. На душе кошки скребли, и начавшийся холодный дождик был под стать её настроению. Снова лезли в голову мысли о такой далёкой весне, на пути которой незыблемой ледяной твердыней стоит зима. Будущее виделось размытым, неясным, как образы за мутным стеклом.

Ближе к полудню Нонна начала собираться в дорогу. В последние часы она была молчаливой и при встрече с кем-то взглядом, сразу же отводила глаза. Вадик поглядывал на неё с неприязнью, но бунтовать больше не пытался, похоже, смирился, что его война закончилась.

— Всё, нам пора, — холодно сказала ему Нонна. — Иди в машину.

Никаких прощаний не было. Будто зомби, у которого сил осталось лишь на то, чтобы переставлять ноги, Вадик дошёл до «Газели», перед тем как забраться в салон, он буркнул:

— Братство кольца распалось.

Нонна подошла к Марине, которая вместе с Семёном стояла на крыльце под навесом.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— А что вы хотите услышать? То, что я вас не осуждаю?

— Хотя бы это.

Марина выдавила улыбку, хотя далась она нелегко.

— Успокойтесь, Нонна. Я действительно вас не осуждаю. Вы увезёте Вадика от всего этого кошмара, а это главное. Уверена, Ярослав и Инга одобрили бы ваше решение. И я одобряю. Езжайте. Вы заслужили покой.

После продолжительной паузы Нонна скривилась, будто ощутив боль.

— Нет, Марина, не это я хотела услышать. Но всё равно спасибо. Вижу, ты говорила искренне.

Она вздохнула и в этом тяжком вздохе словно бы отразилась вся трагичность последних дней. Кивнув Семёну, села в «Газель». Автомобиль тронулся и скоро исчез за пеленой дождя.

— Значит, в планах у нас спасение твоей сестры, — сказал Семён задумчиво.

— В моих планах, — поправила его Марина. — Ты не обязан мне помогать. Это личное.

— Не пори чушь. Личное... Учитывая обстоятельства, это самое глупое, что я слышал за последнее время. Лучше давай поразмыслим, как нам всё это повернуть. Она сейчас в коме в реанимации? Туда так просто не проникнуть. В больнице охрана и всё такое... Нужен хоть какой-то план. И, если у нас даже получится попасть в реанимацию, шар с жизненной силой может просто-напросто не сработать. Ты должна быть готова к тому, что твоя сестра так и останется там. Вывести её бесчувственную у нас вряд ли получится.

Каждое его слово было для Марины как болезненный укол. Всё могло пойти не так. К тому же, не стоит забывать и о чудовищах, они ведь никуда не делись. Семён сказал, что нужен хоть какой-то план. Вот только ничего путного в голову не лезло.

Послышался звук двигателя. Семён насторожился.

— Не переживай, — сказала Марина, зябко поёжившись. — Это Нонна. Наверное забыла что-то.

«Газель» остановилась, Нонна как-то уж слишком решительно вышла из неё, пересекла двор и взошла на крыльцо. Она больше не выглядела так, словно вела борьбу со своей совестью и проигрывала. Пристально посмотрев в глаза Марине, сказала с нотками злости:

— Почему ты просто меня не попросила? Ты же понимаешь, что вам понадобится машина. На чём вы сестру будете вывозить, на такси? А может, угоните? Тебе всего лишь нужно было меня попросить.

Марина ступевалась.

— Это было бы... неправильно. Вы приняли решение, и я...

— Правильно. Это было бы правильно! — перебила её Нонна. — Я уеду, но не сегодня. Сначала вам помогу, иначе... буду винить себя остаток жизни. Когда собираетесь ехать в больницу?

— Надо отдохнуть. Как насчёт сегодняшнего вечера?

— Что ж, решено. Сегодня так сегодня. И Вадика с собой мы разумеется брать не станем.

Нонна снова походила на прежнего лидера, в глазах появился блеск азарта. Марина рассудила, что, приняв решение уехать с Вадиком подальше от всего этого кошмара, она подсознательно только и искала повод остаться. Хотя бы на время. Вот такой парадокс.

— Всё, до вечера отдыхаем, — из уст Нонны это прозвучало как приказ. Она повернулась и жестом позвала смотрящего в окно Вадика.

Марина понимала, что правильной было бы, если бы они уехали. Для их безопасности. И что-то внутри неё хотело воспротивиться, сказать, что не нуждается в помощи... Но не сказала, потому что это была ложь. А ещё она почувствовала колоссальное облегчение из-

за того, что Нонна снова командует, а значит, берёт основную ответственность на себя. Как камень с души упал. И да, в этом облегчении было что-то эгоистичное. Марина, пожалуй, впервые осознала, какой груз эта пожилая женщина на себя взвалила, собрав команду неравнодушных.

— Отдыхаем, — повторила Нонна.

Вернувшись в дом, Марина достала из рюкзака сферу с жизненной силой, уселась в кресло. «Ты ведь поможешь? — обратилась к шару мысленно. — Пожалуйста, на тебя вся надежда. Моя сестра должна прийти в себя. Должна!»

Через какое-то время, нежно поглаживая сферу, Марина задремала. Ей приснился город, погружённый в серый туман и в этой мгле бродили люди-тени. Силуэты были размытыми, но она всё же узнала в двух из них Ингу и Ярослава. Они медленно брели по улице как неприкаянные, и Марина ощутила жуткую тоску. Этот туманный город казался ей олицетворением полной безнадёги. Дома выглядели ущербными, стены были исписаны жуткими граффити, вдоль улицы высились билборды, на которых сияли красным корявые надписи: «Мы приходим осенью!», «Ваш город — наше пастбище!», «Смиритесь, смиритесь, смиритесь!»

— Всё, просыпаемся, — голос Нонны пробил барьеры сна. — Нам нужно подготовиться к поездке.

Марина открыла глаза, испытывая к ней благодарность. Разбудила, спасла от пребывания в сером городе отчаяния. Образы из сна таяли в сознании, и становилось легче.

Глава двадцать первая

Чёткого плана не было, если не считать намерения Марины пообщаться с Духом города, перед тем как что-то предпринимать. Если он не поможет, то сложность задачи возрастет в разы. Как попасть в реанимацию? Ну в самом-то деле, не пробиваться же к Татьяне с боем через охранников и медсестёр? Это уже полнейший перебор. Хотя... Марина такой вариант тоже не исключала, слова «Жёсткие времена — жёсткие меры» стали для неё едва ли не девизом. Она готова была идти на крайности. Черта, после которой всё неприемлемое стало приемлемым, была пересечена уже давно, после того, как она бросила вызов не только монстрам, но и всему глухому и слепому миру.

В город поехали поздно вечером. На этот раз Вадик не канючил, не уговаривал взять его с собой, он как бы отстранился от остальных, демонстрируя молчаливое презрение. Глядя на него, Марина рассудила, что он теперь только кажется ребёнком, а на деле, у него уже душа взрослого человека. Детство для него кончилось, когда он столкнулся с монстрами. А может, и раньше. Она в очередной раз подумала, что решение Нонны увезти его подальше отсюда — верное. Более того — необходимое. Если противостояние с чудовищами и лишения ещё не сломали его рассудок, то рано или поздно сломают обязательно. Она и за свой-то рассудок не могла ручаться.

Как и раньше, Марина ощутила присутствие Духа города сразу же, как только «Газель» миновала указатель «Светинск». Ей не пришлось просить его о помощи, он и без её просьбы дал понять, что поможет. Марина почувствовала его готовность сделать всё возможное. «Всё возможное», — именно такое сочетание слов возникло в сознании, и оно вселило оптимизм, хотя чёткого плана до сих пор не было.

— Он с нами, — сообщила Марина.

Нонна и Семён поняли, о ком идёт речь и вопросов задавать не стали. Судя по посветлевшим лицам, надежда на благоприятный исход операции появилась и у них.

Через полчаса были на месте.

— Что теперь? — поинтересовался Семён, напряжённо глядя на здание больницы.

— Будем ждать, — отозвалась Марина, не сомневаясь, что дала верный ответ.

Монстров вокруг она не ощущала. Всё было тихо, спокойно. Возле проходной курил пожилой охранник, из здания вышла медсестра, постояла немного и зашла обратно. Фонари тускло освещали остатки пожухлой листвы на тополях, стоявших вокруг больницы словно мрачные стражи. Здесь, на окраине города, всё было каким-то сонным, будто бы отрицающим само существование ярких неоновых вывесок, шумных ночных клубов, скорости, суеты.

Марина закрыла глаза и будто бы погрузилась в транс. Она увидела здание больницы с высоты, почувствовала зимнюю свежесть. Мерцающие воздушные потоки носились в тёмном вечернем пространстве — сначала хаотично, но потом они образовали подобие круговорота.

«Это сделала я?» — удивилась Марина.

«Это сделали мы», — возник ответ, словно занесённый в голову ветром.

— Снег, — услышала она голос Нонны и открыла глаза, мгновенно вернувшись с небес на землю.

Действительно шёл снег. После долгих недель слякотной муторной осени он казался Марине настоящим чудом. Крупные белые хлопья кружились в пространстве, сверкая в свете фонарей и тая на мокром асфальте.

— Первый снег, — замороженно произнёс Семён. — Именно сейчас. В такие совпадения я не верю. Это ведь сделал он? Дух города?

Марина кивнула. Ей хотелось пояснить: «Это сделали мы с ним», — но воздержалась, потому что это прозвучало бы слишком самонадеянно, тем более, в этом «мы» она не была уверена.

Нонна подалась к лобовому стеклу.

— Смотрите!

А посмотреть было на что. Охранник стоял, будто окаменев, и с отвисшей челюстью взирал на падающие снежинки. Из здания вышли три медсестры и тоже застыли, открыв рты. Они походили на механических кукол, у которых кончился завод.

— Нифига себе! — прошептал Семён. — И как всё это понимать?

— Так, что у нас появился шанс всё повернуть без лишнего шума, — пояснила Марина, до конца ещё не понимая, что именно происходит, но ни капли не сомневаясь, что ситуация стала благоприятной для акции, которая совсем недавно казалась рискованной авантюрой. — Выходим. Я понятия не имею, сколько всё это продлится.

Вышли из «Газели», погрузившись в океан снежинок. Мимо охранника проследовали беспрепятственно, тот так и стоял с раскрытым ртом и каким-то по-детски радостным выражением на лице. Он даже не моргал, глядя на медленно опускающиеся к земле белые хлопья. Такое же выражение было и у медсестёр. Поднявшись по фасадной лестнице, Марина подумала, что, если сейчас толкнуть одну из них, та упадёт, но всё равно продолжит плясать на снег. Это немного пугало из-за не реалистичности происходящего. Будто мир вокруг в одночасье превратился в мир зачарованных людей. Впрочем, так ведь и было, хоть это и тяжело было осознать, и принять.

В холле всё выглядело застывшим, даже секундная стрелка на круглых часах под потолком двигалась словно бы неохотно, не желая резким перемещением по циферблату

нарушать всеобщее умиротворение. Марина поймала себя на мысли, что и она сама отчего-то ступает по полу тихо, как будто крадучись, а потом заметила, что и остальные идут так же.

Пересекли холл, зашли в коридор, в конце которого стояла без движения и глядела в окно пожилая женщина в тапочках и халате. На белизне стены выделялся указатель со стрелкой и надписью «отделение реанимации». У Марины заколотилось сердце, начали возникать подлые вопросы: «А что если сестру уже не спасти? А что если нужно было действовать раньше, а теперь уже поздно?» Муторно стало от этих несвоевременных сомнений.

Люминесцентные лампы под потолком замигали, издали гул, но через пару секунд снова всё стало как прежде. Одна из дверей отрылась, в коридор вышел молодой человек в белом халате. Шаркая обувью по полу, словно зомби он доплёлся до окна, встал рядом с пожилой женщиной и застыл. А снаружи продолжал падать снег, он уже выиграл битву с мокрой землёй и больше не таял, покрыв её белым саваном.

Свернули в другой коридор, открыли большие стеклянные двери. На мгновение в Марине пробудился доктор, который тут же выдать протест: «Посторонним сюда нельзя!» Протест был подавлен мощным аргументом: «Когда выхода иного нет, то можно!» Снова мигнули лампы, издав звук похожий на жужжание пчёл.

— Что-то мне не по себе, — шёпотом признался Семён. — Всегда боялся больниц. А эта больница... Мы словно в сумеречную зону угодили.

Зайдя в палату, Марина с трудом поборолла в себе желание закрыть глаза, потому что она увидела Татьяну. Тяжело было наблюдать её такой, словно бы и не живой. Та, кто никогда не унывала, та, у кого был чистый звонкий смех, сейчас лежала на койке в окружении медицинских приборов с маской на лице для искусственной вентиляции лёгких. Весь вид сестры словно бы говорил: «Я никогда не очнусь, не выйду из комы. Надежды нет». Марина ощутила, как сознание погружается в болото отчаяния, сфера в рюкзаке за спиной показалась не более чем бесполезной хренью. Это же кома! От одного этого слова жутко становилось. Неужели шар с жизненной силой способен снова сделать из овоща человека? Здесь мало обыкновенного чуда! Тут нужно по меньшей мере божественное вмешательство, ведь это сродни возвращению с того света.

— Время, Марина, — тронул за плечо Семён. — Не знаю, как тебя подбодрить, но... просто верь, что всё получится.

Она кивнула, сняла рюкзак, вынула сферу. А потом выругала себя за сомнения и, сделав огромное усилие, очистила разум от отчаяния. «Всё получится», — повторила мысленно, однако слова эти прозвучали в голове как-то вяло. Пришлось заставить себя снова их произнести и на этот раз получилось мощно, даже как-то агрессивно: «Всё, чёрт возьми, получится!» И сразу же легче стало, захотелось действовать, бороться. А если случится неудача — бороться снова.

Сфера излучала тепло. Марина, повинувшись какому-то наитию, бросила её об пол рядом с койкой. Та разлетелась на множество осколков, жизненная сила тонким вихрем взвилась к потолку, затем сразу же устремилась к Татьяне, словно обездвиженное, лишённое энергии тело, притянуло её точно магнитом, будто сообразила, кому она не просто нужна, а до крайности необходима.

«Я всё сделала правильно!» — попыталась убедить себя Марина. То, что она сотворила с шаром, тот почти неосознанный порыв, её напугал. Как и остальных. Но теперь страх

проходил.

Жизненная сила будто бы впиталась в кожу Татьяны, озарив её на мгновение голубоватым светом. Веки дрогнули, дёрнулись уголки губ... и всё, больше никаких позитивных призраков не последовало.

— Неужели не получилось? — произнесла Нонна и тут же зажала рот ладонью, будто жалея, что эти слова из неё вырвались.

Марина встала на колени возле койки, взяла сестру за руку. Она чувствовала, что жизненная сила из сферы помогла, но этого было мало. Закрыла глаза и увидела падающий снег, который странным образом превратился в туман. Тело стало невесомым. Нонна что-то сказала, но её голос донёлся словно бы из другой вселенной. Марина разглядела сквозь серую мглу очертания домов. Город. Как в давешнем сне. Свет фонарей походил на желтушные кляксы, размазанные в мрачном пространстве. В тумане появлялись и исчезали тени, кто-то застонал неподалёку и стон этот сменился хриплым хихиканьем. Над головой послышался звук похожий на хлопанье крыльев явно огромной птицы, мгла всколыхнулась, закружилась в смерчах и снова успокоилась.

«Где я? Почему я здесь?» — задав себе эти вопросы, Марина вдруг осознала, что знает ответы.

Туман расступился и это походило на то, как если бы перед сценой открылся эфемерный занавес. А на самой сцене на скамейке сидела Татьяна — бледная, с затынутыми мутной поволокой глазами. Ладони она держала на коленях, губы еле заметно шевелились. Марина бросилась к ней, схватила за руку.

— Таня!

Татьяна медленно повернула голову, произнесла безжизненно:

— Ты здесь?

— Да, я здесь! И я выведу тебя отсюда! Вставай, нам нужно идти!

— Я провела здесь, на этой скамейке, целую вечность. Это место меня не отпустит. И у меня нет сил никуда идти. Я останусь здесь навсегда.

Марину её слова разозлили.

— У тебя есть силы! Теперь — есть! Вставай!

— Оставь меня, — попросила Татьяна плаксиво. — Уходи.

— Ну уж нет! Вставай, я сказала! Без тебя я никуда не уйду!

Туман вокруг начал темнеть и будто бы уплотняться. Занавес опускался. Подавив приступ паники и чувствуя, как накатила волна могильного холода, Марина рванула сестру на себя.

— Вставай! У нас нет времени препираться! Если понадобится я за шкуру тебя поволоку! — ей хотелось вlepить пощёчину, чтобы хоть как-то взбодрить Татьяну. Эта её апатия бесила. — Вставай!

— Ты правда веришь, что у нас получится отсюда уйти?

— Да, чёрт возьми, верю!

Мгла надвигалась, став абсолютно чёрной, и в этой маслянистой тьме что-то ворочалось, дышало, стонало.

— Вставай! — рявкнула Марина.

Татьяна болезненно скривилась и поднялась со скамейки.

— Странно. Совсем недавно я едва могла пошевелиться.

— Я же тебе говорила, у тебя теперь есть силы. А сейчас — пошли. Я тебя поддержу.

Вот только куда идти?

Едва этот вопрос возник в сознании, Марина увидела Ингу и Ярослава. Их размытые, но всё же узнаваемые фигуры буквально прорвались сквозь чёрную мглу.

— Кто это? — удивилась Татьяна.

— Друзья, — ответила Марина. Она всем сердцем верила, что это действительно они, а не подлая иллюзия этого сумеречного мира.

Ярослав поднял руку — жест, который означал: «Сюда!».

— Мы справимся, — Марина повела сестру в ту сторону. Татьяна шла с трудом, каждый шаг словно бы причинял ей боль.

Из тумана донёсся чудовищный рёв. Тьма вздыбилась, поднялась над домами, растеклась по слепым окнам и обшарпанным стенам. То, что находилось в этой мгле определённо было недовольно, что две женщины взбунтовались против правил этого мира.

«Кома, — подумала Марина, изо всех сил пытаясь ускорить шаг. — Там в тумане — древнее зло, имя которому Кома».

Будто сотканые из лунного света Инга и Ярослав решительно двинулись навстречу мраку. Тот на несколько мгновений навис над ними и обрушился гигантской лапой. И словно бы обжёгся, рассеялся, отпрянул, издав пронзительный визг, но тут же снова рванул вверх, уплотнился. Во тьме возникла огромная, искажённая злобой личина уродливой старухи — чёрная, будто бы обугленная, с белёсыми мёртвенными глазами. Кома раззявила пасть, заревела и этот рёв походил на мощный гудок тепловоза.

Воздушная волна едва не сбила Марину и Татьяну с ног. Чудом удержались и продолжили продвигаться по сумеречному проспекту. Справа, возле убогого здания с исписанными граффити стенами, отчаянно замигал фонарь.

— Нам туда, — подсказала Марина.

Через минуту они очутились в подворотне. Принялся мигать ещё один фонарь, указывая дорогу. А тем временем фигуры Инги и Ярослава ярко засияли. Они вели бой с тьмой. Морда старухи кривилась, белёдые буркала тарачились на призраков. Пространство зашелестело как листва:

— Проваливай! Дай им уйти! Мы не дадим тебе забрать их!

В ответ Кома зашипела, рухнула на Ингу и Ярослава, и стремительно поползла по проспекту. Мрак пронзали всполохи, бой продолжался.

— Мы справимся, справимся, — повторяла Марина. Она буквально тащила Татьяну за собой, чувствуя, как приближается Кома.

Они миновали двор с ржавыми покорёженными конструкциями на детской площадке. Фонарь неподалёку вспыхнул, круглый плафон взорвался. На стене пятиэтажки высветилась кроваво-красная надпись: «Вы — мои!» Позади загрохотало — тьма продвигалась, расшвыривая автомобили, ломая деревья, выбивая стёкла в окнах. Это двигалась сама ярость. Она ворвалась во двор, закружилась в вихре. Снова появились сияющие фигуры Инги и Ярослава, и опять они преградили путь ревущему мраку.

Татьяна споткнулась, Марина выругалась, подхватила сестру.

— Давай, соберись. Я чувствую, мы уже близко.

Близко к чему? Она понятия не имела. У неё были лишь ощущения и вера.

— Я больше не могу, — задыхаясь, пожаловалась Татьяна. — Оставь меня здесь. Так будет лучше.

И снова Марине захотелось влить сестре пощёчину. Но, вместо этого, она стиснула

зубы, закинула руку Татьяны на плечо и ускорила шаг. Надписи теперь вспыхивали не только на стенах, но и на асфальте: «Вы здесь сдохнете! Обе!», «Вы — мои!», «Я буду пожирать вас медленно, кусочек за кусочком!», «Я так голодна, накормите меня, суки! Накормите меня!»

— Да пошла ты, мразь! — процедила Марина.

Во дворе Кома снова поглотила призраков и бросилась вслед за беглянками. Ржавые конструкции на детской площадке разлетелись в разные стороны, с треском рухнули мёртвые деревья, припаркованные возле пятиэтажки автомобили взмыли в воздух и грохнулись на асфальт; подбросив массивные чугунные люки, из канализационных колодцев вырвались зеленоватые потоки пара.

Марина увидела впереди реку и дугообразный мост, который выглядел не современно. Такие мосты делали веке в пятнадцатом. Впрочем, размышлять об этом не было времени. За рекой словно бы стайка светляков засияла, подав очередной сигнал.

— Мы почти выбрались, Таня! — подбодрила Марина. — Осталось совсем чуть-чуть.

Она оглянулась и пожалела об этом, потому что страх едва не лишил её сил. Кома надвигалась, как волна и в центре этой волны была морда старухи с широко раззявленной пастью.

— Мост, — выдохнула Марина. — Нам нужно пересечь мост! Скорее! — в её голосе проскользнули истеричные нотки.

Бежать они не могли — ковыляли из последних сил. А по ту сторону реки продолжали мигать огни, словно призывая: скорее, скорее! Вот и мост. Но и Кома уже была совсем рядом. Марина самой себе казалась крошечной мышкой, которую в любую секунду прихлопнет лапа огромного хищного зверя. Шаг. Ещё шаг. Тьма за спиной хрипела и в этом хрипе звучало предвкушение скорой расправы. Кома становилась всё больше, пасть — шире, она походила на чёрную дыру, способную поглотить всё и вся.

«Не успеем!» — вспыхнуло в сознании Марины. Она едва не завопила от отчаяния.

И в этот момент Кому пронзили яркие лучи. Тьма заверещала, распалась на тысячу дымных клочьев. На мосту возникли Инга и Ярослав, а вдоль реки, приближаясь, двигались не менее сотни призраков.

Марина с Татьяной доковыляли до противоположного конца моста. Их тут же окружили сияющие огоньки, словно приняли в свои объятия. Марина снова оглянулась и в этот раз не пожалела об этом. Кома, снова собравшись воедино, отступала, уползала точно жирная пиявка. Морда старухи будто бы таяла среди клубящейся тьмы. Инга с Ярославом стояли у основания моста. Они победили. К ним присоединились остальные призраки, и Марина точно знала, что это те, кого Варвара лишила жизни. Она уже собиралась выкрикнуть: «Спасибо!» — но не успела. Пространство вспыхнуло и...

Больничная палата. Нонна и Семён с встревоженным выражением на лицах. На койке зашевелилась Татьяна, открыла глаза. Марина тряхнула головой, она чувствовала себя так, словно очнулась от тяжёлого сна. В висках стучала кровь, на лбу выступила испарина.

— Что, нахрен, это было?! — выдавил Семён. — Ты... ты отключилась! Мы уж подумали, всё, кранты, инфаркт или инсульт.

— Я в порядке, — просипела Марина. В горле пересохло, ужасно хотелось пить. Она поднялась с пола, подалась к Татьяне. — Очнулась?

Та моргнула, что означало: «Да».

— Нам нужно убираться отсюда, — поторопила Нонна.

Марина посмотрела на Семёна.

— Тебе придётся нести Таню.

— Разумеется. А ты сама как? Сможешь идти? Ты бледная, как смерть.

«Главное, не чёрная, как Кома», — мысленно ответила Марина, а вслух произнесла:

— Конечно.

Глава двадцать вторая

Пожилая женщина и мужчина в белом халате так и стояли в конце коридора, замороженно глядя на падающий снег за окном. Мигали люминесцентные лампы, словно выражая своё недовольство изменившимся поведением людей.

Выйдя из палаты, Марина «просканировала» пространство и, не ощутив опасности, облегчённо выдохнула. Однако бдительность она снижать не собиралась, каждый её нерв буквально вибрировал, точно натянутая струна. Перед внутренним взором то и дело появлялась чёрная гигантская сущность, которую она окрестила Комой, и было подозрение, что эта тварь из сумеречного мира, вернее, её жуткий образ, навсегда останется в сознании. Ещё одна тварь, а ведь в голове уже находился целый бестиарий!

Семён нёс Татьяну. Та смотрела на всё апатично, но сама она выглядела получше, на щеках появился лёгкий румянец. Впрочем, подумала Марина, сестрёнке ещё предстоит пережить множество тяжёлых дней и ночей, и главная причина этой тяжести не в реабилитации после комы, а в памяти. Уж кто-кто, а Марина отлично знала, какую боль может причинить память, а ещё знала, что Татьяне не суждено забыть случившееся. Точно так же, как Марина сама не забыла наркомана и своё перерезанное горло. Впереди сестрёнку ожидает борьба со страхами, и неизвестно, кто выйдет победителем. Но этот путь она пройдёт не в одиночку. Вот только дожить бы до начала этого пути. Акция по спасению ведь ещё не закончена.

Едва выйдя из коридора в холл, Марина ощутила тревогу. Не то постоянное, но ровное волнение с примесью страха, что не отпускало до сего момента, а нечто острое, словно балансирование на краю пропасти. А потом её внутренний сканер обнаружил монстров, пятерых, и они приближались к больнице.

— Скорее! — выпалила Марина.

Нонна устремила на неё взгляд.

— Мрази?

— Они, чёрт бы их побрал. Приближаются. И... один монстр какой-то... особенный.

— Похоже, зайдя в палату к Татьяне, мы активировали что-то вроде сигнализации, — выдал предположение Семён. — Ментальной сигнализации. Варвара, сука, всё предусмотрела. Боюсь, скоро сюда сбегутся все чудовища в округе.

Они поспешили к выходу, выбежали наружу, где перед дверями до сих пор стояли медсёстры, а возле будки застыл охранник, борода которого стала белой от снега. Марина едва не упала — голова закружилась. Мир Комы забрал у неё слишком много сил. Все мысли были о том, как скорее добраться до «Газели» и рухнуть на сиденье. А монстры подступали, за пеленой снега их не было видно, но Марина явственно ощущала присутствие порождений Варвары. И Семён оказался прав, похоже, твари стекались к больнице со всей округи, их стало больше.

В ушах зазвенело, снова закружилась голова, перед глазами потемнело. На этот раз Марина не удержалась и упала на колени. Её тут же подхватила Нонна, помогла подняться.

— Гляжу, тебе совсем погано. Держись, слышишь?

— Я держусь, — прошептала Марина. Сделала глубокий вдох, выдох. Стало немного

полегче, но внутренний локатор «сломался», она больше не ощущала чудовищ, на этом локаторе был полный сумбур. Потеря контроля спровоцировал новый приступ паники — им крышка! Теперь она понимала, как чувствовал себя Ярослав, который из-за проблем с головой наверняка порой считал себя ничтожным, бесполезным.

Снегопад усилился, будто тот, кто его создал очень торопился покрыть мир белым саваном.

Справа раздалось шипение, из снежной пелены показалось призрачное щупальце. Будто белёсая конечность какой-то глубоководной твари, оно потянулось к Семёну с Татьяной. Движение было плавное. Видимо, странный снегопад хоть и не сковывал чудовищ, как людей, но, по крайней мере, замедлял. Впрочем, из-за плохой видимости они были столь же опасны, Семён щупальце не замечал, зато заметила Нонна, которая тут же вынула из кармана куртки электрошокер и буквально нырнула в белое пространство. В тот момент, когда эфемерный хобот почти достиг головы Семёна, послышались треск, хриплые звуки. А через пару секунд показалась Нонна.

— Одной мразью меньше, — в её голосе звенело торжество. — Даже такие старухи как я иногда бывают...

Договорить она не успела — из стены снегопада вывалился очередной монстр. Как-то натужно, будто при замедленной съёмке, он раскрыл пасть, щупальце, закручиваясь штопором устремилось к Семёну и Татьяне, словно кроме них двоих поблизости вовсе не было других жертв. Семён уже собирался положить Татьяну на снег и броситься в бой, но Нонна снова проявила инициативу, опередив его. Довольно резво для женщины её возраста она подбежала к монстру и яростно вдавила контакты электрошокера ему в горло. Падая, чудовище издало булькающие звуки, «хобот», конвульсивно дёргаясь, заполз обратно в глотку.

Марина злилась на себя из-за того, что больше не видела внутренним взором, где находятся монстры и откуда следует ожидать опасности. Совсем бесполезная. Совсем слабая. Причём в самый неподходящий момент.

Впрочем, вот уже и «Газель».

Нонна открыла дверь в салон. Семён занёс Татьяну внутрь, положил на сиденье, снова вышел, чтобы помочь Марине, которая уже была на последнем издыхании.

— Вижу вас-с, — прозвучало из белой мглы. — Всех вас-с вижу.

Голос был глухой, холодный, будто сама Зима вдруг нагрянула и заговорила. До этого мерно и плотно падающие снежные хлопья закружились, разорвав завесу и словно бы отстранившись от приближающейся старухи с чёрным зонтом.

— Вижу вас-с... — её глаза походили на серые льдинки. Локоны седых волос извивались будто какие-то причудливые водоросли в потоке воды. — Странные дела творятся... Этот снег... Кто-то вам помогает. Или что-то. Вы, ребята, не так просты, как кажетесь. Вот и Ярослав твердит о том же. Мы с Ярославом теперь лучшие друзья. Точнее — я просто обожаю его оторванную башку. Постоянно ношу её с собой. Жаль вы её не видите. Просто прекрасная башка.

— Варвара? — опешил Семён. Он словно бы тоже, как и Марина, лишился всех сил и стоял теперь растерянный, измождённый.

— Да, предатель Сёма, это я, хоть и не собственной персоной. Долго же эта старуха, наблюдательница, вас караулила.

Марина снова увидела на внутреннем локаторе чудовищ, их было много, и они

приближались медленно. Если бы не чудесный снег, твари давно уже были бы здесь. Если бы не снег, ловушка Варвары сработала бы и оказалась смертельной.

— В машину! — резко приказала Нонна. Ей пришлось ударить Семёна по плечу, чтобы тот пришёл в себя. — Я сказала — в машину! Живо!

— Не так быстро! — осклабилась старуха. По её лицу прошла рябь, кожа стала серой с вкраплением чёрных пятен. Верхняя губа вздёрнулась, обнажив кривые коричневые зубы. — Я ещё не договорила!

Отбросив в сторону зонт, она прыгнула на Семёна точно гигантская жаба. Он пытался уклониться, но не успел. Тварь вцепилась в него, разорвала зубами ухо, вонзила когти в шею. Нонна, сообразив, что током сейчас бить тварь неразумно, вдарила ей рукоятью шокера по затылку. Семён шипел от боли, пытаясь сбросить старуху, но та будто бы к нему прилипла. А из мятежной пелены приближались другие монстры — справа появилась тень, слева.

«Ну же, соберись!» — приказала себе Марина, выдохнув облачко пара. Плохо соображая, она схватила старуху за волосы, рванула на себя. Нонна нанесла ещё удар рукоятью шокера, после чего нырнула в салон «Газели», выскочила спустя несколько мгновений с пневматическим пистолетом. Семён, побагровев от дикого напряжения, всё ещё пытался отодрать тварь от себя, снег под его ногами покраснел от крови.

— Марина, отойди, не мешай! — выкрикнула Нонна.

Будто из невероятных далей услышав её слова, Марина отшатнулась. Нонна тут же нажала на спусковой крючок, шприц с «лошадиной» дозой снотворного угодил в спину старухи. Та дёрнулась, взвизгнула, её начало трясти, да так мощно, словно в грудной клетке вдруг заработал отбойный молоток. Глаза выпучились, из широко раскрытой пасти в лицо Семёна хлынула ядовито-зелёная густая масса. Уродливая голова повернулась будто на шарнирах, часть зелёной жижи попала на куртку Марины. После этого старуха упала на снег, продолжая дёргаться, сучить ногами.

Нонна схватила за руку Семёна.

— В машину!

Он громко застонал, прижав ладони к лицу. Нонне пришлось втолкнуть его в салон, при этом она выдала порцию отборного мата. Марина нашла в себе силы, чтобы забраться в «Газель» самостоятельно, после чего совершенно изнеможённая рухнула на сиденье. Закрыв дверцу, Нонна быстро обошла газель, заняла место на водительском сиденье, завела двигатель — вовремя, потому что чудовища уже были рядом. Двигаясь неестественно плавно, словно пробираясь сквозь толщу воды, они обступили со всех сторон автомобиль, один из них — парень лет двадцати — ударил по лобовому стеклу изогнутой рукояткой старомодного зонта. Удар вышел слабым, на стекле даже царапины не осталось.

В салоне громко стонал Семён, всё ещё прижимая ладони к покрытому зелёной слизью лицу. Марина вцепилась в спинку переднего сиденья, её мутило, мысли в голове путались. Ей одновременно было нечем дышать и знобило.

Нонна включила заднюю скорость, отъехала метров на три, развернула «Газель» и рванула вперёд, специально направив автомобиль на парня с зонтом. Видимо, возомнив себя Эллен Рипли, она врезалась в монстра, переехала его и, судя по мимолётному радостно ожесточённому выражению на её лице, она в этот момент ощутила удовлетворение.

— Вот так, суки! — процедила. — Вот так!

«Газель» стремительно двигалась вдоль ограды больницы, свет фар с трудом пробивал снежную мглу. А позади шествовали монстры — будто зомби из фильмов Ромеро. Один из

них наступил на старуху, которая словно бы таяла, растекалась, превращаясь в нечто бесформенное, желеобразное.

— Всё, всё, — сказала Нонна, крепко сжимая руль. — Удрали. Фух! Думала, от инфаркта сдохну.

«Газель» вынырнула из снежной завесы. И выглядело это сюрреалистично, словно автомобиль вырвался из громадного стеклянного шара, в котором были территория больницы, чудовища, застывшие люди и мириады белых хлопьев.

Татьяна лежала на сиденье и что-то беззвучно шептала. Семён отстранил ладони от лица, болезненно моргнул.

— Не вижу. Ничего не вижу. Что за хрень?

Марине пришлось снова призвать на помощь остаток сил. Чувствуя себя так, словно не спала несколько суток, она поднялась, подошла к Семёну, пристально взгляделась в его глаза. Те были мутными и обильно слезились.

— Совсем ничего не видишь?

— Пятна. Тёмные и светлые. И всё, — Семён зажмурился. — Щиплет. Чёрт. Только этого не хватало.

Марина повернулась.

— Нонна, нужно воды купить, ему глаза надо промыть, и чем быстрее, тем лучше.

— Хорошо.

«Газель» свернула к проспекту, а над территорией больницы перестал падать снег, и случилось это резко, словно там, в вышине, кто-то взял да закрутил небесный кран. Пространство мигом расчистилось, белая мгла уступила место свету фонарей. У дверей здания в себя пришли медсёстры, они глядели друг на друга озадаченно, явно не понимая, как вообще тут очутились. Охранник возле будки поёжился, пробурчал что-то недовольно, потом увидел неподалёку одежду и нечто зелёное на снегу. Подошёл, почесал затылок, с изумлением рассматривая пальто, зонт, сапожки и непонятную зелёную жижу, на которой всё это лежало. Заметил следы от автомобильных шин, кровь.

— И как... нафиг, всё это понимать?

Он бы выразился более жёстко, но недавно дал жене слово, что перестанет ругаться матом, и слово своё пока держал. Поглядел по сторонам — вдалеке таяли в ночи какие-то силуэты и, кажется, они тоже были с зонтами, а трое из них, взвалив на плечи, несли... раненых? А может, просто пьяных? Тяжко вздохнув, он полез в карман за телефоном. Чутьё ему подсказывало, что здесь произошло что-то очень хреновое, а значит, надо сообщить в полицию. Вот только... как всё это объяснить? Он ведь рядом был! И мог чем угодно поклясться, что совсем недавно тут, на этом, мать его, самом месте, ничего не было! А ещё снег этот... странный.

Тут он всё же не сдержал данное жене слово, выдал почти такую же порцию отборного мата, какую до этого, здесь же, выдала Нонна.

* * *

Воду купили. Промыли Семёну лицо, глаза, но лучше ему не стало.

— Ничего, зрение вернётся, — бормотал он. И, хоть слова были оптимистичными, голос выдавал отчаяние. — Эта чёртова старуха... Это наблюдательница. Я таких монстров видел, но дело с ними никогда не имел. Думаю, Варвара их создавала, чтобы следить за пастухами. Неспроста мне всегда казалось, что за мной кто-то наблюдает. Сука. Ну ничего, скоро снова буду нормально видеть.

Марина рассудила, что его просто необходимо доставить в больницу, но нельзя. Варвара, как выяснилось, тварь предусмотрительная. Если устроила засаду возле одной больницы — устроит и возле другой. С неё станется. Это бесило. И очень злило, что вылазка оказалась хоть и успешной, но с трагичными чёрными мазками, словно сумасшедшая фортуна бездумно плескала краски на судьбы ничтожных человечков. Вот краска белая, вот кроваво-красная, а вот — угольно-чёрная. Словно у это самой фортуны проблемы с самоконтролем. Совсем как у Варвары, если судить по рассказам Семёна. Это подтверждало, что надеяться на удачу — глупо, потому что ей всё равно за кого быть. За добро ли, за зло — ей плевать, с моралью у удачи определённно большие проблемы.

Минут через двадцать Нонна свернула на шоссе, ведущее из города, поставив тем самым точку на сегодняшней вылазке. Марина ощутила присутствие Духа города, а потом в голове появились образы: набухающие почки на деревьях; залитое солнцем поле, на котором появилась пока ещё крошечная трава, грозовые тучи в небе... Все эти образы можно было определить одним словом: весна. Но как это понимать? Зачем Духу города показывать то естественное и само собой разумеющееся, что случится через несколько месяцев? И с чего вдруг грусть накатила? Марина отчётливо сознавала, что это не её грусть, она ощущала сейчас то, что чувствовал мистический городской хранитель, словно они стали одним целым.

Видения исчезли, когда «Газель» выехала за пределы города. Марина начала догадываться, что они означали: надо ждать до весны. И это определённно было не обещание, что после зимних месяцев ситуация изменится в лучшую сторону. Скорее, это походило на указание на отправную точку, на которой примется какое-то решение. Без сомнения, важное, критическое решение. От того и грусть. Хотелось бы Марине знать больше, но... что есть, то есть. И это уже что-то. Теперь ожидание станет менее смутным. Цель — весна. Повод для оптимизма? Марина вздохнула, рассудив, что дотянуть до весны — это уже будет сродни подвигу, учитывая, что всё это время придётся не просто жить, а выживать, преодолевать каждодневные проблемы, как солдат преодолевает минные поля. Теперь у неё на руках сестра, которой требуется реабилитация. Семён ослеп, и совершенно неясно, вернётся ли к нему зрение. Да, трудности закаляют, вот только Марину уже достала такая закалка. Выдержать бы, не впасть бы в уныние. Глаза защипало от слёз и Марина нервно протёрла их пальцами.

Время близилось к полуночи, когда «Газель» заехала в деревню. Марина сразу ощутила, что что-то не так. Нет, тревоги не было, но... её локатор показывал, что в доме находится только Вадик. Куда, чёрт возьми, делся монстр-наркоман? Ну не мог же мальчишка просто взять и отпустить его?

Нонна завела автомобиль во двор. Вадик вышел на крыльцо, его одежда была в крови, однако выглядел он абсолютно спокойным, даже выдавил улыбку, мол, наконец-то приехали, я заждался. От давешнего сердитого, обиженного на всех и вся мальчишки словно бы и намёка не осталось.

Поспешно покинув «Газель», Нонна подбежала к нему, схватила за плечи.

— Что случилось?! Ты ранен?

— Всё в порядке. Ничего не случилось, — его голос прозвучал слегка отстранённо. — А вы как? У вас всё получилось?

— Откуда на тебе кровь? — наседала Нонна.

Вадик, сдвинув брови, небрежно взглянул на рукав своего свитера, на котором темнели

бурые пятна.

— Ах это... Да так, пустяки. Я чудовище убил. Ножиком.

— Что ты сделал? — опешила Марина, взойдя на крыльцо.

— Убил ту тварь! — Вадик резко переменялся в лице. — Я должен был! От этого наркомана всё равно уже нет толку, а я должен был отомстить за Ярослава и Ингу! Что на меня так смотрите? Я должен был! Должен!

Семён обеспокоенно выкрикнул из «Газели»:

— Какого хрена у вас там творится? Нам с Татьяной кто-нибудь поможет или мы так и будем тут торчать?

Будто бы его не услышав, Марина с Нонной бросились в дом. То, что они увидели в комнате, было ужасно. Из плеча монстра торчал шприц. Очевидно Вадик сначала его усыпил, а потом нанёс ножом не меньше тридцати ударов. Бил, определённо, с большой яростью — в живот, в грудь, в шею. Раны были повсюду, кровь заливала пол, на стенах темнели брызги. Это всё походило на деяние полного психопата.

— Я должен был! — раздалось сзади.

Марина и Нонна повернулись, поглядели на Вадика так, словно увидели его впервые. Он скрестил руки на груди.

— От него всё равно надо было избавиться. Вот я и избавился, — его глаза нездорово блеснули. — Я хорошее дело сделал.

Хорошее дело? Марина вспомнила, что ещё сегодня утром она рассуждала о том, что психика этого мальчишки может сломаться. Но та, как выяснилось, уже сломалась. И что дальше? Психушка?

— Всё, мы уезжаем, — твёрдо сказала Нонна. — Прямо сейчас. А труп... погрузим его в «Газель», я потом его где-нибудь скину. Справлюсь.

— Я помогу, — заявил Вадик.

Нонна вскинула руку, и Марина уже решила, что она сейчас его ударит, но та, после секундной заминки, хлопнула мальчишку по плечу.

— Разумеется, поможешь, — скрыть злость в голосе у неё не получилось. — Ещё как поможешь. Иди переоденься, живо!

Татьяну и Семёна привели в дом, затем занялись трупом. Дотащить его до автомобиля и погрузить в салон оказалось делом нелёгким, учитывая, что Марина сама еле на ногах держалась.

— Чувствую себя ещё более подлой, чем утром, — Нонна поглядела ей в глаза. — Оставляю тебя с двумя больными людьми. Тяжко тебе придётся.

Марина многозначительно взглянула на Вадика, который с беззаботностью, которая совсем не вязалась с ситуацией, забрался на переднее сиденье «Газели». Он вёл себя так, будто ничего ужасного не случилось.

— Вам тоже не позавидуешь. Мальчишка совсем...

— Не будем об этом, — перебила её Нонна. — Вадик теперь мой крест, мне его нести. И вот ещё что... Я буду приезжать. И оплачу доставку дров, припасов, всего, что вам понадобится. Держись, Марина, слышишь? Как бы погано тебе ни было — стисни зубы и держись.

«Мне ничего иного и не остаётся, — мысленно ответила Марина, слабо улыбнувшись. — Я буду держаться. До весны».

Глава двадцать третья

Зима походила на сон, причём не всегда спокойный. Марине порой казалось, что череда однообразных дней слилась в один бесконечный и невероятно медленный путь сквозь морок. Она всегда любила зиму, ей нравились искрящиеся в солнечных лучах снежные шапки на деревьях, нравилась студёная свежесть. Но не в этот раз. Её не оставляло ощущение, что Варвара вот-вот вычислит деревенское убежище и пошлёт сюда монстров. Это уже начало походить на паранойю. Иногда Марина просыпалась посреди ночи, выходила на крыльцо и сканировала своим внутренним локатором пространство. И снег, и деревья, и небо — всё ей казалось враждебным. Мерещилось что вон там, во тьме, среди деревьев притаилось чудовище, которое она не способна увидеть с помощью своего дара. Особое чудовище, настоящий дьявол. Страх стал теперь постоянным её спутником, а бездействие только усиливало это разлагающее чувство.

Зрение Семёна возвращалось, но медленно. Марина накладывала ему на глаза компрессы из настоев целебных трав. Через полтора месяца после нападения той старухи, он начал различать очертания предметов. Это его очень взбодрило. Когда сумел разглядеть собственную ладонь, он ликовал и повторял как заведённый: «Я же говорил! Я же говорил, что снова буду видеть!..» Семён и до этого, даже будучи слепым, помогал Марине по хозяйству, а теперь начал помогать с большим воодушевлением и с большей пользой.

В отличие от него, Татьяна вела себя апатично. Порой она садилась возле окна и подолгу глядела на мир снаружи, при этом лицо её ничего не выражало, а взгляд был абсолютно бесстрастный. В такие моменты она ни на что не реагировала, если Марина к ней обращалась — молчала. А по ночам, во сне бормотала: «Я вижу их... чудовища... я вижу их...» Просыпалась в холодном поту и плакала. Время не слишком спешило с её лечением. Вот и январь миновал, а лучше ей не стало. Выходить на улицу боялась. Иногда Марине приходилось долго уговаривать сестру выйти на прогулку, да и гуляли только во дворе, потому что всё, что находилось за забором, вызывало у Татьяны панический страх.

— Там что-то злое, — истерично отвечала она на предложения прогуляться до леса. — Нет, нет, не пойду!

Лицо Татьяны покрывалось красными пятнами, глаза лихорадочно блестели, а губы тряслись, будто у неё зуб на зуб не попадал. Марина не настаивала, ведь где-то там действительно было что-то злое. И оно будет всегда, пока жива Варвара.

Зимние дни тянулись и тянулись. Одно радовало, Нонна сдержала слово и в деревенский дом служба доставки постоянно привозила припасы, а дрова, торфяные брикеты и керосин с избытком доставили ещё осенью. Особой нужды ни в чём не было.

Марина скучала по Нонне, или, скорее, нуждалась в ней, в её поддержке. И часто представляла, как она там? Как Вадик? Мысли, что у них не всё в порядке, категорически не допускала, а если такие думы всё же подкрадывались — гнала их прочь, ощущая злость на самую себя. У них всё хорошо, и точка! Только так! И она заставляла свою фантазию работать в этом ключе: ей виделось, что Вадик избавился от своего ненормального гнева и теперь... нет, мальчиком-одуванчиком он разумеется не стал, но и на малолетнего психопата перестал быть похожим. Нонна, конечно же, всё для этого делала — отвлекала от неправильных мыслей. Как? Да просто возвращала ему детство — водила в кино, покупала сладости, обсуждала с ним различные приятные мелочи... Марина понятия не имела, как вообще можно душевно искалеченному ребёнку вернуть детство, точнее, ощущение детства, но ей нравилось верить, что предположения, которые она делала, правильные. Так было проще, комфортней. Пускай хотя бы в её фантазиях у Нонны и Вадика будет всё отлично.

А реальность... да пошла она, эта чёртова реальность.

Зима закончилась, и уже в середине марта дела пошли на поправку. Во всех смыслах. Весна была ранней, она буквально вытеснила собой стужу и рьяно, и даже как-то агрессивно приступила к подготовке к своему царствованию. Снег таял стремительно, птицы ликовали, радуясь теплу. Татьяну теперь не приходилось уговаривать, чтобы та вышла на прогулку, она проводила на улице всё больше времени и как-то решилась дойти до околицы в сопровождении Марины и Семёна. Отстранённость в её взгляде улетучилась, и она всё реже просыпалась посреди ночи от ночных кошмаров. Возможно, время и повлияло на её состояние, но главным лекарем всё же стала весна.

И не для неё одной.

Фобии Марины исчезли. Она словно бы очнулась от муторного сна и теперь горела желанием покончить с Варварой и её выводком монстров. Ей было стыдно за давешние страхи, за паранойю, которой она поддалась в зимние месяцы.

Каждое утро Марина ходила к границе города. Путь был неблизкий, занимал часа два, но она наслаждалась каждым движением, каждым шагом. Так человек, поборовший тяжёлую болезнь, наслаждается итогами своего восстановления. Дойдя до указателя «Светинск», она ждала, но Дух города пока безмолвствовал. Марину это не расстраивало: молчит, значит время ещё не настало. А то, что время настанет, она нисколько не сомневалась.

— Куда ты постоянно ходишь? — интересовалась Татьяна.

Марина отвечала уклончиво, рассудив, что правду сестре лучше не рассказывать. Ну в самом-то деле, не говорить же ей, что в скором будущем предстоит встретиться с Варварой лицом к лицу. И неизвестно, кто из них двоих после этой встречи останется в живых. Татьяне такое лучше не знать, она только-только начала обретать душевное спокойствие. Сестра даже улыбалась, подставляя тёплому солнцу лицо, с наслаждением жмурясь в его лучах. Тогда и у Марины становилось чутка теплее на душе.

А вот от Семёна она ничего не скрывала. Его зрение значительно улучшилось, но окончательно не восстановилось, всё, что находилось в отдалении, он видел расплывчато. Впрочем, это не мешало ему рваться в бой. Уничтожение Варвары было для него навязчивой идеей. «Только когда она сдохнет, я почувствую себя свободным», — заявил он. Марина понимала, что, хотя он в зимние месяцы и вёл себя непринуждённо, но всё это было показное. Зима, разумеется, его угнетала, потому что стояла между ним и мезьтью. Теперь же эта стена рухнула, осыпавшись талым снегом и превратившись в грязную слякоть. Он не знал точно, когда именно Варвара собиралась залечь в спячку, конкретной даты не было, каждую весну это случалось в разное время, видимо, в зависимости от погоды. И всё указывало на то, что королева монстров уже в ближайшие недели, а то и дни, спустится в свой бункер, чтобы не выйти из него до осени. Жаркое солнце загонит её туда.

В конце марта Марина дождалась своего часа. Как обычно, вместе с Семёном дойдя до указателя «Светинск», она увидела образ эстрады в парке. Место, где Нонна её познакомила с Духом города.

— Судя по твоему лицу, контакт состоялся, — заметил Семён.

— Состоялся, — не скрывая волнения ответила Марина. Она чувствовала себя так, словно после долгой разлуки наконец повстречала старого друга. Впрочем, отчасти так всё и было. Впервые она подумала о мистическом городском хранителе именно как о друге, а не как о союзнике. — Нам нужно в парк.

Семён улыбнулся.

— Отлично. Никогда не думал, что это скажу, но я соскучился по запаху выхлопных газов и городскому шуму. Так что настраивай свой локатор и потопали скорее.

В путь они двинулись с хорошим настроем. День был ясным, в солнечных лучах сверкал мокрый снег. В отличие от Семёна, Марина не скучала ни по выхлопным газам, ни по шуму, но с удовольствием посидела бы в каком-нибудь уютном кафе. Ей хотелось полной противоположности того деревенского быта, который окружал её последние месяцы. Но ещё не время. Она решила дать себе чёткую установку, что в ближайшем будущем будут и кафе, и сладкие десерты, и вообще, всё, что пожелает. Это станет наградой за... Чёрт, даже мысленно она не смогла произнести: «за победу над Варварой», потому что стала суеверной и боялась сглазить.

К парку шли через дворы. Семён рассказывал, что весной мрази становились вялыми, рассеянными, но всё равно следовало соблюдать осторожность. Не стоило надеяться, что за зимние месяцы Варвара забыла про своих врагов. Марина зачислила ещё одну ведь в список того, что будет потом: она перестанет себя чувствовать в родном городе, как шпион на территории неприятеля. Это — одно из главных желаний. Это — итог восстановленной справедливости. Если справедливость вообще восстановится.

Марина ощутила двух монстров впереди. Пришлось сделать небольшой крюк, чтобы их обойти. Больше ничего вызывающее тревогу она не чувствовала и до парка добрались без эксцессов.

Ей вспомнилось, как тут было осенью — жёлтая и красная листва, словно застывшее в вечности умиротворение. Сейчас же, казалось, что парк готовится к буйному возрождению. Ожидание этого возрождения слышалось в грае вездесущих ворон, наблюдалось в отблесках солнца в лужах на аллее. Обычно здесь всегда можно было увидеть людей, выгуливающих собак. А уж классические старушки с болонками или таксами, словно бы в таких местах днюют и ночуют. Но сегодня городской парк был абсолютно безлюдным. Приложил ли к этому руку мистический хранитель? В такое Марина вполне могла поверить. Похоже, ему не нужны лишние свидетели потому что...

Мысленно начав это предложение, она не смогла его закончить. То, что должно случиться, было и для неё тайной.

До эстрады пришлось пробираться по мокрой снежной каше. Семён остался стоять на площадке, где когда-то располагались скамейки зрительских рядов, а теперь темнели лишь ржавые железные остовы. Марина же поднялась на сцену.

— Вот я и здесь. Как ты и хотел.

Она почувствовала, как вокруг неё уплотнились, будто обнимая, волны энергии. По коже побежали мурашки, кончики пальцев начало покалывать, в теле образовалась удивительная лёгкость. Весенний мир засиял яркими красками, деревья, снег, небо засверкали так, словно их осыпали самоцветами. Это было чудесно. А потом парк исчез, осталось только сияние. У Марины дыхание перехватило, ей казалось, что она парит в каком-то чуждом пространстве, где нет ни земли, ни неба. Мелькнул вопрос: «Видит ли всё это Семён?» И она тут же ответила на него отрицательно. Это всё было только для неё.

Раздался хрустальный звон, словно тренькнули десятки колокольчиков. Перед Мариной возникла сотканная из света человеческая фигура.

— Здравствуй, — произнёс Дух города. — Сегодня мы будем общаться привычным для тебя способом. Никаких загадочных образов и недомолвок.

Эфемерный силуэт обрёл чёткость, появилась одежда, волосы... Это была Инга.

— Так лучше?

Ошарашенная Марина смогла только кивнуть, потому что потеряла дар речи. Разумеется, она понимала, что это не настоящая, чудом воскресшая Инга, но как же приятно было её видеть! Пусть даже такую.

— У меня один вопрос, — голос Духа города тоже изменился, — ты действительно хочешь отправиться в логово Варвары? Это ведь может оказаться дорогой в один конец. Не лучше ли всё бросить, уехать в другой город и попытаться начать жизнь заново?

— Как Нонна, — вздохнула Марина.

— Да, как Нонна. В том, что она уехала, я не вижу ничего предосудительного. Иногда лучше отступить.

Марину эти слова разозлили.

— Варвара не должна победить, слышишь? Я готова поставить на это свою жизнь. А ты... как пожелаешь. Можешь отсиживаться, пока она оскверняет всё, что тебе дорого.

Что происходит? Неужели Дух города позвал её только для того, чтобы попытаться посеять сомнения? И для этого он ждал до весны? Марина поглядела на него с подозрением. Ей представилось, что из-за этого нерешительного существа в сентябре всё начнётся заново. Снова город наводнят твари. И что тогда? Опять надо будет брать в руки электрошокер и пневматический пистолет? Как Нонна в своё время набирать группу из тех, кто имел опыт клинической смерти? Нет, больше никого не хотелось в это втягивать, жутко было от мысли, что ещё кто-то погибнет, как Инга и Ярослав.

— Так ты тоже решил отступить? — Марина старалась, чтобы в её голосе не звучала обида, но у неё не получилось.

— Нет, — последовал ответ. — Просто мне нужно было знать, насколько ты решительно настроена. Я принесу себя в жертву. Так и быть. Хотя я не знаю, какое из зол меньшее: Варвара или то, что город останется без моей защиты. Когда меня не станет, участь несчастные случаи. Люди будут гибнуть. Некоторые нелепые смерти, которые я бы предотвратил, случатся. Кто-то споткнётся на лестничном пролёте, и я его не поддержу. Кто-то рассеяннo шагнёт на проезжую часть и попадёт под машину. Так будет. Готова ли ты к этому? Не станешь ли винить себя?

Марина задумалась.

— Возможно, стану. Мне уже сейчас тяжело от твоего решения. Если бы был иной способ победить Варвару...

Облик Духа города изменился, ненастоящая Инга превратилась в ненастоящего Ярослава. Он печально улыбался.

— Я не знаю иного способа, Марина. Поверь, я не хочу умирать. Мне страшно. Я был хранителем города с самого его основания, когда здесь стояло всего несколько деревянных домов. Я видел, как город разрастался, и я радовался каждому новому зданию. Радовался новому рождённому человеку. И помогал по мере своих сил. У меня была прекрасная жизнь, и я мечтал увидеть, каким это место будет через сто лет, двести... Но я этого не увижу.

Марина посмотрела на него виновато.

— У меня ощущение, что именно я вынуждаю тебя делать такой выбор. Получается, от моего выбора зависит твой. Паршиво всё это как-то. Если... — она осеклась и поправилась: — Когда мы победим Варвару, мне уже не будет казаться это абсолютной справедливостью. Слишком уж высока цена такой победы.

— Да, цена высока. Но что поделать? Возможно, я был рождён для того, чтобы однажды

пожертвовать собой.

— Мне жаль, что всё так получается, — поникла Марина.

— Давай не будем грустить, — улыбнулся Дух города, снова приняв облик Инги. — Нам сейчас нужен боевой настрой. А грустить будешь потом, когда все беды останутся позади. Итак, ты готова к моей жертве?

Марина молчала, чувствуя себя мерзко. Она просто не могла из себя выдавить «да».

— Ты готова к моей жертве?! — Дух города повторил вопрос, повысив голос. — Отвечай! Ты обязана быть сейчас решительной!

— Да, я готова! — выдохнула Марина. На её глазах блеснули слёзы.

— Хорошо.

Дух города опять стал бесплотным, излучающим сияние. Его силуэт смазался, уменьшился и превратился в яркую сферу, которая тут же ринулась к Марине и буквально растворилась в ней. Искристое пространство уступило место обычному миру. Однако чудеса продолжались. Марина всей своей сутью ощутила, как то, что стало её частью, начало притягивать жар весеннего солнца, тепло пробуждающихся после зимы деревьев. Эта энергия копилась в каждой клетке тела, заполняла сознание.

«Во мне теперь огонь! — с мистическим страхом подумала Марина. — Огонь!»

Она испытывала боль, ей казалось, что сейчас вспыхнет, сгорит и превратится в пепел. Завыла, сквозь стиснутые зубы, упала на колени. Сквозь красную колышущуюся пелену увидела, как Семён спешит к ней на помощь, и выкрикнула:

— Не подходи! Умоляю, не подходи!

Он застыл, а потом отпрянул, прикрывшись руками, потому что на него накатила горячая воздушная волна. Снег на эстраде растаял и теперь от мокрых гнилых досок исходил пар. Вороны сорвались с ветвей и закружились над парком, возмущённо каркая.

«Во мне огонь! Во мне огонь!» — колотилось в голове Марины. Она ненавидела сейчас Духа города, за то, что тот не предупредил, что так будет.

Жар начал стихать, концентрируясь и умирняясь где-то в области груди. Стало легче дышать.

— Марина, ты как? — Семён всё ещё прикрывался руками, словно ожидая новую волну горячего воздуха.

Она поднялась, прислушалась к своим ощущениям. Вроде бы было всё в порядке, если не считать, что в ней поселился огонь.

— Нормально, — проговорила осипшим голосом. — Кажется, нормально.

— Что это вообще, нахрен, было?!

Марина спустилась с эстрады, сделала глубокий вдох и произнесла на выдохе:

— Он теперь здесь, — приложила ладонь к груди. — Дух города... он теперь со мной. Полностью со мной.

Семён покачал головой.

— Я ничерта не понимаю. Там на сцене... мне показалось, что ты умираешь.

— Мне тоже так показалось. Думала, сторю. Но огонь теперь во мне.

— О чём ты?

— Лучше не спрашивай, Семён, — Марина посмотрела на него доверительно. — Я сама всё это не очень понимаю. Знаю лишь, что теперь во мне огонь и нам нужно спешить, потому что чувствую, как он рвётся из меня. Дух города его сдерживает, но надолго его не хватит. Нам надо в экопосёлок, немедленно. Я вооружена. И я готова.

Семён хмыкнул.

— Гляжу на тебя и... мне не по себе. Честно скажу, ты меня пугаешь.

— Мне от самой себя страшно, — призналась Марина. — Я как будто уже и не человек.

И у меня одно желание: чтобы всё это скорее закончилось.

— Тогда не будем терять времени, — кивнул Семён.

Они двинулись в путь. У выхода из парка Марина остановилась, зачерпнула ладонью со скамейки горстку снега. Сказала мысленно: «Гори!» И снег мгновенно растаял, вода закапала сквозь пальцы.

— Твою ж мать! — Семён схватился за голову. И было неясно, он то ли восхитился, то ли ужаснулся. — Твои глаза... в них промелькнуло пламя. Я видел.

Марина посмотрела по сторонам. Ей мерещилось, что всё вокруг объято огнём.

— Да, в моих глазах пламя.

«Спасибо, — обратилась она к Духу города. — Обещаю, твоя жертва не будет напрасной».

Глава двадцать четвертая

Было тяжело. Марина самой себе казалась бомбой со сломанным часовым механизмом, которая может взорваться, стоит лишь немного расслабиться. Такого внутреннего напряжения она никогда ещё не испытывала. Её иногда бросало в жар и в такие моменты приходилось останавливаться, чтобы усилием воли унять рвущийся из груди огонь.

Семён предлагал вызвать такси, однако Марина отказалась, боялась что в машине не удержит в себе пламя и тогда — всё, конец. Идти пешком всё же было легче, свежий воздух и прохлада хоть немного, но помогали. Одна беда, в таком состоянии внутренний локатор не работал и вероятность, что можно в любой момент столкнуться с монстрами, возросла. На этот случай Семён держал в кармане куртки электрошокер. На собственное пострадавшее осенью зрение он не надеялся, а потому посоветовал Марине внимательно поглядывать по сторонам.

Она так и делала. Но это не оберегло от того, что они на окраине города столкнулись с мразью. Из подъезда вышла старуха с зонтом, посмотрела на Семёна и, судя по её гневному взгляду, она его узнала. Затем устремила взор на Марину и в её глазах вспыхнул даже не страх, а настоящий ужас. Старуха выронила зонт, тяжело задышала, прижалась к двери и заскулила точно перепуганная собачонка.

Марина и Семён вместо пожилой женщины видели дрожащую жалкую тварь, кожа которой стала серой. Монстр с трудом держался на ногах.

— Она тебя испугалась, — опешил Семён, сжимая в кармане рукоятку шокера. — Моё зрение не настолько испортилось, чтобы я этого не заметил. Она что-то в тебе разглядела.

Марина подошла к старухе, вытянула руку, чувствуя, что могла бы без малейших усилий уничтожить эту тварь. Но убивать её не хотелось, да и смысла в этом не было. Семён рассказывал, что мрази сейчас не отнимают у людей энергию, а всего лишь доживают свои дни. Неделя-другая — и их не станет, вымрут и выглядеть это будет естественно. Кому какое дело до умершей старухи? Или до наркомана? И плевать, что по статистике смертей многовато, что весной в Светинске старуха с косой собирает большую жатву, чем в других городах. Всякое случается. Вряд ли кто-то из «не видящих» усмотрит в этом что-то сверхъестественное. Спишут на отсталую медицину и успокоятся.

Старуха опустилась на асфальт, подняла зонт раскрыла его и спряталась за ним точно за щитом. Так ребёнок прячется под одеялом от ночных страхов.

— Не будем задерживаться, — поторопил Семён. В его глазах промелькнула жалость и он отвёл взгляд от твари.

Они продолжили путь. Через какое-то время Марине пришлось опять остановиться, чтобы сконцентрироваться, унять бушующий в груди пожар. Она рассудила, что, пожалуй, так себя чувствовал Фродо, когда нёс Кольцо Всевластья к горе Ородруин. Эта мысль едва не вызвала у неё истеричный смех, с трудом его сдержала. И снова ей померещилось, что вокруг всё пылает — горели пятиэтажки, огонь отражался в окнах, языки пламени ползли по асфальту, деревьям, фонарным столбам, окутывал автомобили, прохожие напоминали свечи...

«Не сойти бы с ума! — подумала Марина. — Дойти бы до Варвары и не спятить!»

Та сила, что находилась сейчас в ней — это было слишком чуждо для человека, слишком противоестественно. Это как прикоснуться к разуму древнего бога. Вероятность сумасшествия казалась Марине более чем ожидаемой. Время определённо было не на её стороне.

Усмирив огонь, она двинулась дальше едва ли не бегом. Семён с трудом за ней поспевал. В таком темпе они добрались до окраины города, больше не встретив ни одного монстра.

— Давай всё-таки поймаем попутку, — предложил Семён. — Нам ещё километров пять топтать, а ты... неважно выглядишь.

Марина мотнула головой. Ей представилось, как они садятся в машину, едут и... пламя охватывает салон. Нет, нужно двигаться, шевелиться. Движение немного сдерживает огонь, точнее, помогает Духу города его сдерживать.

— Мы справимся, — она попыталась улыбнуться, но получилась кривая гримаса. — Или у тебя сил уже нет?

— У меня? Да я хоть сейчас готов марафон пробежать. О тебе переживаю.

— Я в порядке, — соврала Марина, чувствуя себя совсем не в порядке. Ей было досадно, что не получалось пройти этот путь бодро, уверенной поступью, как сильный солдат перед битвой. Не так должен выглядеть поход, который может стать последним. Словно не просто идёшь, а тащишь на себе невыносимо тяжёлое оружие и нет никого, кто бы разделил с тобой эту тяжесть.

Впрочем, ныть и жаловаться — не вариант. Она сказала Семёну: «Мы справимся», значит так и должно быть. Это главная установка.

Тяжелее всего пришлось, когда они шли по бетонной дороге через лес. Марине казалось, что вокруг творится настоящий ад. Горели деревья, пламя вздымалось к небу, которое тоже полыхало, облака походили на потоки лавы. Трудно было убеждать себя, что всё это не по настоящему. Хотелось очутиться там, где вода, много воды и нет никакого огня. Вселенский пожар был абсолютно бесшумный, отчего-то это ещё больше нагоняло жути, добавляло ощущение ночного кошмара. Над дорогой пролетела стайка пылающих птиц. Марина с опаской взглянула на шагающего рядом Семёна... Тот тоже горел.

— Даже больше спрашивать не стану, в порядке ли ты, — буркнул он. — Вижу, что не в порядке. Ну ничего, мы уже близко, — через несколько шагов тихо добавил: — И есть ли у тебя хоть какой-то план, я, пожалуй, тоже спрашивать не буду.

«И правильно», — подумала Марина, потому что никакого плана не было. Только — цель.

Вышли к опушке. Впереди, за пустырьём, располагался экопосёлок. Мир больше не горел

и Марине логово Варвары сейчас казалось островком умиротворения. Аккуратные домики, солнечные лучи отражались в окнах и на стеклянных панелях теплиц, ухоженные деревья, лопасти белых ветряков неспешно вращались под дуновением ветерка. Идиллия. Сторонний наблюдатель посмотрит на такое место и подумает: «Именно тут я и хотел бы жить». Откуда стороннему наблюдателю знать, что здесь обитают чудовища? Откуда ему знать, что все эти здания лишь ширма, за которой скрывается зло?

Семён поглядел в небо, прищурившись.

— Хороший денёк, чтобы умереть. Это я в каком-то фильме слышал. Боюсь, это наш последний день.

— Мы не умирать туда идём, — разозлилась Марина. Её возмущало не то, что Семён вероятно прав, а то, что он озвучил это вслух. Да, скорее всего они не выйдут из логова Варвары живыми, но признавая это очень не хотелось. Впрочем, она не услышала в его словах ни страха, ни даже сожаления. Он был готов к смерти. А она сама? Пожалуй, нет. Не совсем. У неё было то, что держало её на этом свете. Якорь. Сестра. И желание увидеть, как всё изменится после победы. Потому и сказала, что они идут туда не умирать. Поверить бы теперь в это.

С минуту постояв на опушке, они зашагали через покрытую островками талого снега пустошь. Семён вынул из кармана электрошокер, поглядел на него и невесело усмехнулся, явно считая это оружие совершенно не подходящим. А Марина представила, что рядом идут Ярослав, Инга, Нонна, Вадик. Легче как-то стало от этого, словно они действительно тут. Все в сборе, отчаянная команда, решившая бросить вызов Варваре, отказавшаяся мириться с тем, что в городе бродят монстры. Марине сейчас казалось, что с тех пор, как она примкнула к этой команде, прошли годы, а не всего несколько месяцев. Странная штука память, умеет оно значимые отрезки жизни растягивать во времени.

Охранники их заметили, но ничего предпринимать не стали. Просто стояли, ждали. Изумление на их лицах сменилось страхом, когда Марина с Семёном приблизились.

— Вы, — прошипел один из охранников.

— Да, мы, — Семён развёл руками. Если его и напрягала вся эта ситуация, то вида он не подавал. — Пришли, чтобы Варвару замочить. Решили, что сейчас самое время. Ну так как? Попытайтесь нас остановить?

Охранники переглянулись, в их глазах сквозило сомнение. Со слов Семёна Марина знала, что после того, как Варвара залегала в спячку, преданность к ней монстров переставала быть абсолютной, фанатичной. И теперь было видно, что он говорил правду. Осенью эти твари уже напали бы, несмотря на страх, который они определённо испытывали.

К пропускному пункту начали стекаться другие обитатели посёлка. Семён повисил голос:

— Варвара должна сдохнуть! Помните, скольких их вас она разорвала на части из-за какого-нибудь пустяка? Вы для неё расходный материал. Вы ведь её боитесь до усрачки. Мы просто войдём в оздоровительный центр, убьём эту чёртову тварь и выйдем. А попытаетесь нас остановить, мы убьём и вас, — отчасти он блефовал, потому что не знал, на что способна Марина. — Зачем подыхать за неё? В отличие от сборщиков, вы можете прожить долго. Это место будет только ваше.

Охранник мотнул головой.

— Мы без Варвары — никто.

Марина ощутила, как в груди затрепетал огонь, он рвался на свободу.

— Ну всё, хватит этих дерьмовых переговоров, — её глаза стали похожи на две капли раскалённого металла.

Охранники отпрянули, а через секунду их охватило пламя. С диким воем они заметались возле проходной. Марина решила, что для демонстрации своей силы этого мало, поглядела на будку охранников, мысленно выкрикнула: «Гори!» И та мгновенно запылала, словно до этого её облили бензином. Обитатели посёлка пятились. Они всегда считали, что нет никого могущественней их королевы, но теперь определённо в этом усомнились.

— Охренеть! — не сдержал возгласа Семён. Судя по его виду, он был ошарашен не меньше монстров. — Твою-то мать!

Охранники упали на землю, огонь продолжал жадно пожирать их плоть. А Марина испытала облегчение, будто сбросила с себя частичку груза, который всё это время несла. Но она почувствовала и ещё кое-что... Дух города, он немного растратился. Глупое слово, абсолютно не подходящее, но в голове возникло именно оно и засело точно заноза. Растратился. В этом и состояла его жертва.

— Идём дальше, — произнесла Марина. Она взглянула на горящие трупы и отвела взгляд — не лучшее зрелище. Даже тошнота подкатила.

— Расходитесь! — выкрикнул Семён. — Варвара не стоит того, чтобы за неё впрягаться!

Миновали проходную. У будки охранников провалилась крыша, сноп искр взметнулся к небу. Монстры пятились, кто-то из них укрылся за стенами домов. Марина радоваться не спешила, не верилось ей, что проблема решена. Не привыкла, что всё бывает так просто. Они с Семёном неспешно двигались по вражеской территории, смотрели по сторонам, ожидая нападения.

Сзади раздался звук двигателя, обернулись... И глазам своим не поверили. На полной скорости к проходной мчала «Газель» Нонны. От изумления Марина едва не высвободила ещё поток огня, пришлось призвать всю свою силу воли, чтобы сдержать себя.

— Да сегодня прям день чудес какой-то! — выпалил Семён.

Врезавшись в останки охранника и превратив их в облако пепла, «Газель» буквально ворвалась на территорию посёлка. Остановилась. Нонна поспешно выбралась наружу, держа в руке пневматический пистолет. Повернулась на месте, оценивая обстановку, затем направилась к Марине и Семёну. Она была напряжена, рука с пистолетом обводила пространство.

— Нонна! — выкрикнула Марина. — Ты как здесь?!

Та подошла, вытерла ладонью испарину.

— Получила послание от старого друга. Сегодня под утро во сне ко мне явился, меня аж чуть Кондратий не хватил. Сказал, чтобы я ехала сюда. Спешила, как могла, но, похоже, всё таки немного опоздала, — она кивнула в сторону догорающей будки. — Вы, я гляжу, уже тут порезвились.

Послание от старого друга. Марине не надо было спрашивать, кого Нонна имела в виду. Духа города.

Нонна поглядела на стоявших в отдалении монстров.

— Может кто-нибудь из вас объяснит, что здесь творится? Какого чёрта они не нападают?

— Боятся, — ответил Семён. — Марину боятся. И я их отлично понимаю. Трупы возле проходной... это её работа.

Марина высвободила немного энергии, и лопасти ветряков охватило пламя. Очень уж захотели, чтобы эти штуки сгорели, они казались фальшивым прикрытием этого посёлка экологического типа. Пускай горят!

Несколько монстров с шипением спрятались за стенами. Нонна охнула.

— Теперь ясно. Дух города.

— Да, — кивнула Марина. — Он сейчас со мной. Трудно это объяснить. Да и времени на объяснение нету. Потом. Всё потом.

Нонна смерила её взглядом, словно пытаюсь определить, где именно обосновался хранитель города.

— Ну... и какой же у нас план?

— Вопрос, который я так и не решился задать, — усмехнулся Семён.

— А план у нас простой, — Марина поймала себя на том, что чувствует себя гораздо уверенней, чем тогда, когда они шли через лес. — Зайдём в логово Варвары и убьём её.

Нонна дёрнула плечами.

— Действительно простой план. Проще некуда, — по её виду было неясно, сказала она это серьёзно или с сарказмом.

— Ну, тогда вперёд и с песней, — резюмировал Семён.

Они направились дальше, к оздоровительному центру. У Марины к Нонне имелось много вопросов, и главный из них — как там Вадик. Однако сейчас была не лучшая ситуация для удовлетворения любопытства. А вот когда всё закончится...

Её мысль оборвалась, потому что на площади возле оздоровительного центра появились несколько монстров, и судя по их наполненным злобой глазам, они готовы были драться, лишь бы не пустить незваный гостей к своей королеве. Да и остальные обитатели посёлка хоть и нерешительно, но начали выходить из укрытий. Похоже, страх перед Варварой всё же победил страх перед поджигательницей.

Те, что на площади, разделились, рванули вправо и влево, видимо, решив окружить людей и напасть со всех сторон. Их движения были стремительные — бежали на четвереньках, точно звери. Нонна направляла пистолет то на одного монстра, то на другого. Семён покосился на Марину.

— Надеюсь, в тебе достаточно огня.

Она в этом не сомневалась. В её голове возник образ лежащей на больничной койке сестры, затем образ падающей с крыши Инги... Гнев поднялся из глубин сознания, трансформировался в пламя. Вспыхнул один монстр, другой, третий... Огонь неумолимо настигал их, горящие твари с рёвом и визгом катались по земле. Десяти секунд не прошло, как все оставшиеся преданными своей королеве чудовища уже полыхали.

Марина исподлобья посмотрела по сторонам, выкрикнула:

— Ну, кто ещё?!

Желающих расстаться с жизнью больше не нашлось. Но она не успокоилась, перед внутренним взором появилась чёрная Кома, рассудок помутился. Пламя, словно почувствовав полную свободу, начало атаковать дома, деревья. Всё загоралось мгновенно, мощно. То, что раньше Марине только мерещилось, стало реальностью. Пылающий ад. Монстры, спасаясь, устремились к проходной. Лопались стёкла в окнах, красно-жёлтые языки слизывали кустарники. Один из ветряков рухнул на дом Варвары.

— Марина! — выкрикнул Семён. — Хватит! Успокойся!

— Не слышит она тебя, — Нонна как-то умудрялась сохранять хладнокровие. Она

решиительно шагнула к Марине и вклепла ей пощёчину. — Приди в себя!

Пара «огненных» глаз уставились на неё.

Нонна раскинула руки.

— Ну давай, и меня сожги! Совсем что ли спятила?

Марина в последнее мгновение сдержала пламя, а то действительно могла бы сжечь подругу. Хмарь в голове рассеялась.

— Фух! — выдохнул Семён. — Ты больше нас так не пугай, лады?

Вокруг гудел огонь, пространство заволакивало дымом. Марина с недоумением посмотрела по сторонам, будто не веря, что всё это сотворила она.

— Простите. Похоже, моя злость сильнее меня самой.

— Прибереги её для Варвары, — проворчала Нонна. — Когда Дух города вызвал меня сюда, он ничего не говорил про верную смерть. Так что давай, соберись. Ещё не хватало помереть от твоего огня.

Дым распространялся быстро, его серые клубящиеся валы заслонили солнце. Не теряя больше ни секунды, Марина, Семён и Нонна быстро пересекли площадь, взбежали по ступеням и зашли в оздоровительный центр. Монстров тут не было, похоже все местные охранники сейчас догорали снаружи.

Это облегчало задачу.

Миновали холл, свернули в коридор. Знали, куда именно идти — о месторасположении входа в подвальные помещения в своё время подробно рассказывал Ярослав. Теперь эти знания пригодились. Марина ощутила, как всё сильнее колотится сердце, но никакого мандражирования из-за предстоящей встречи с Варварой не было и в помине. Только волнение и желание, чтобы всё это скорее закончилось.

Свернули в другой коридор. Вот и лестница, ведущая в подвал. Спустились, открыли массивную дверь.

Здесь было холодно — настолько, что изо рта шёл пар. Несколько рядов стеллажей, на которых излучали слабое голубоватое свечение сферы с жизненной силой.

— Хранилище, — почему-то шёпотом произнесла Нонна. — Ни черта себе... Да тут сотни этих штук.

— Запас Варвары на весну и лето, — добавил Семён. — Ничего не скажешь, запаслива сука.

Марина обратила внимание, что на одном стеллаже было место, где сферы отсутствовали, и сделала вывод, что королева монстров часть жизненной силы уже израсходовала. Мелькнула мысль сейчас же уничтожить эти шары — расплавить, сжечь! И после этого даже не придётся спускаться ещё ниже, в самое логово, потому что Варвара, вероятно, без «корма» не выживет... Но перед голодной смертью она может натворить ещё бед — всю свою ярость, всё оставшееся время, дни, часы, минуты посвятит мести. Нет, спускаться всё же придётся. А сферы... это потом.

Нашли лестницу, спустились на нижний подвальный уровень. Нонна разглядела выключатель, нажала на кнопку. Лениво мигнув, вспыхнули люминесцентные лампы под потолком, озарив бледным светом коридор. Здесь было ещё холоднее, чем в хранилище, на бетонных стенах сверкал иней.

— Жутковато, — поёжилась Нонна.

Двинулись по коридору, каждый шаг отзывался гулким эхом. Дошли до двери. Та была плотно закрыта, но не заперта, что говорило о том, что королева монстров даже мысли не

допускала, что сюда, в её святая святых, явятся посторонние.

В просторной комнате плавали потоки жизненной силы, с десятков расколотых сфер лежали в углу на полу, точно причудливая скорлупа драконьих яиц. Посреди помещения темнело сооружение, похожее на гигантское гнездо. Рядом на постаменте лежала сгнившая, покрытая коркой льда голова Ярослава. Едва Марина, Семён и Нонна переступили порог, как из «гнезда» поднялась Варвара — чудовищное существо с прозрачной кожей. Изумление в серебристых глазах быстро сменилось гневом.

— Вы!

— Не ожидала? — Марина улыбнулась. Как же ей радостно было видеть такую реакцию этой твари, которая явно всегда считала, что всё находится под её контролем.

Ну а теперь, пора переходить к делу!

Сжечь!

Однако высвободить огонь она не успела — Варвара взметнула тонкие будто хрустальные руки и Марину какая-то сила подняла в воздух, прижала к стене под самым потолком. Тоже самое случилось с Семёном и Нонной.

— Вы! Явились ко мне! — зашипело чудовище. Под её «стеклянной» кожей пульсировали чёрные ветви сосудов, глаза стали огромными. — Вы, уроды сраные, посмели явиться ко мне! Нарушили мой сон!

Судя по голосу, она с трудом в это верила.

Марина задыхалась, ей казалось, что тело зажато в тисках, которые медленно и неумолимо сжимались. Хрипела Нонна, Лицо Семёна стало пунцовым от напряжения.

— Врачиха, старуха и предатель, — Варвара сделала шаг вперёд, держа перед собой руки с растопыренными пальцами. — Удивили вы меня, что есть то есть. И как же вам удалось пройти мимо моей охраны, позвольте спросить?

«Гори, гори, гори! — колотилось в голове Марины. — Гори-и-и!»

Чудовище взревело, отпрянуло, ослабило ментальную хватку и те, кого оно уже считало покойниками, упали на пол. Потоки жизненной силы закружились в маленьких смерчах, иней на стенах превратился в капли. Марина поднялась, с ненавистью посмотрела на Варвару.

— Гори, сука!

Варвара пронзительно завизжала, голубоватое пламя охватило её тело. Она кинулась к одной стене, к другой, затем застыла, выдохнула облако холодного воздуха, которое окутало её точно кокон, потушив огонь.

— Кто в тебе?! — уставилась на Марину. — Что в тебе?!

— Тот, кто хочет, чтобы ты сдохла, тварь! — процедила Марина.

Пламя вырвалось из неё будто яростный зверь. Вырвалось полностью, без остатка. Прежде чем огонь накинута на Варвару, та успела ментальной атакой швырнуть Марину в стену, почти лишив чувств. Воздух в помещении раскалялся. Семён бросился к Марине, поднял её, пошёл к выходу, возле которого уже стояла Нонна. Варвара закричала от боли, огонь буквально вгрызался в её прозрачную кожу.

Нонна перешагнула порог. Семён донёс Марину до выхода — ещё чуть-чуть и они были бы в коридоре, но... Этого «чуть-чуть» не случилось. Горящая Варвара ментальной хваткой уцепилась за Семёна, потянула назад. Он сопротивлялся, ему пыталась помочь Нонна.

— Не уйдёте! — голос Варвары походил на скрежет ржавого железа.

Семён посмотрел на Нонну.

— Я чувствовал, что так будет.

Он бросил Марину в коридор, затем уцепился за дверь и, собрав остаток сил, захлопнул её. Развернулся, осклабился.

— Ну что, королева, гореть так гореть! Я готов!

— Нет! — заорала Варвара, двинувшись в к двери. Под её кожей лопались вены. — Нет, нет!

Температура в комнате резко поднялась на сотни градусов, человек погиб почти мгновенно, а чудовище ещё успело сделать пару шагов, прежде чем рухнуло на пол и развалилось на части, похожие на куски расплавленной магмы.

Нонна вела обессиленную Марину по коридору. Погасла одна люминесцентная лампа, другая. Железная дверь в логово Варвары раскалилась.

— Семён, — застонала Марина, приходя в себя.

— Его больше нет, — отозвалась Нонна. — Скорее, нам надо убираться отсюда.

Они доковыляли до лестницы, поднялись, прошли через хранилище и вышли из подвального помещения на первый этаж. Вовремя. Внизу дверь расплавилась, раскалённый воздух с гулом вырвался из «спальни» королевы, пополз по коридору, прорвался наверх в хранилище. Сферы начали взрываться, высвобождая жизненную силу. Та сразу же устремлялась к выходу и к вентиляции.

Марина и Нонна дошли до холла, слыша, как позади что-то грохочет и рушится. Ещё небольшое усилие — и вот они на окутанной дымом улице. Над зданием оздоровительного центра кружились потоки высвобожденной жизненной силы, догорали дома, деревья.

Кашляя и задыхаясь, добрались до «Газели». Нонна сначала помогла Марине забраться в машину, затем сама заняла место на водительском сиденье. Без промедления завела двигатель.

— Нахрен отсюда!

«Газель» выехала с территории посёлка. Марина разглядела вдалеке на пустыре несколько десятков фигур. Монстры. Они стояли, смотрели, как горит их убежище. Неприкаянный твари. Послышался звук сирен. Когда «Газель» подъезжала к опушке, мимо промчались три пожарных машины.

Марина откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза. Сквозь сомкнутые веки просочились слёзы.

— Семён погиб. Как же так... Я сказала ему, что мы туда не умирать идём. Солгала.

Нонна вздохнула.

— Он спас тебя. На спас. У него грехов было выше крыши, теперь он их искупил. Я отчего-то уверена, что он погиб с улыбкой, чувствуя себя свободным.

— И Духа города больше нет. Совсем нет. Слишком высока цена. Слишком...

— В смысле нет? Он ведь в тебе.

— По сути, он стал огнём. И истратил себя. Полностью. Это была его жертва. Это был его решение. Наше. Мы выбрали из двух зол меньшее.

— Вот дела, — нахмурилась Нонна.

Какое-то время ехали молча. Потом Марина поинтересовалась:

— А как там Вадик?

Нонна прикусила губу, напряжённо глядя на дорогу за лобовым стеклом, словно раздумывая, стоит ли рассказывать о том, что произошло за зимние месяцы. У Марины появилось нехорошее предчувствие.

— Поначалу всё было хорошо, — наконец заговорила Нонна. — Вадик привыкал к новому месту. Я покупала ему всякие шмотки, гаджеты. Хоть как-то пыталась вернуть ему детство, сделать его жизнь нормальной. Вот только нормальность для таких как он... это просто иллюзия.

Она рассказала о проблемах, которые у неё возникали: как легализовать Вадика? Ему осенью надо было идти в школу, а документов на него нет. А если заболит и потребуются положить его в больницу?

Много бытовых, но от этого не менее сложных вопросов.

Впрочем, однажды эти вопросы перестали быть актуальными, потому что жизнь внесла свои безжалостные коррективы.

Вадик ножом порезал пацана своего возраста.

— Должно быть мальчишка сам к нему прикопался, — оправдывала его Нонна. — Не так чтобы сильно, но... шрам останется. А потом Вадик сбежал. Я обошла каждую улочку, подворотню. Бесполезно.

— Может, Вадику в этом мальчишке привиделось чудовище? — предположила Марина, очень опасаясь своей правоты.

Лицо Нонны будто окаменело. Она продолжила тихо:

— Не исключаю. Поначалу он звал по ночам Ярослава, Ингу, тебя... Будто на помощь звал. Я надеялась, что со временем это пройдёт. А иногда он с такой злобой глядел на прохожих, будто видел в них монстров. Я давала ему успокоительное. Он не хотел его принимать, говорил, что с ним всё в порядке, что он не псих. А потом всё как будто стало лучше. Кричать во сне перестал. Злость исчезла. Но, как оказалось, эта злость всего лишь притихла на время.

— Почему ты мне ничего не сообщала? — возмутилась Марина.

— Вадик — это мой крест. И мне его нести. Я с тобой и с твоей сестрой побуду немного, а затем опять отправлюсь на поиски. Я подключила все свои связи, наняла двух частных детективов. Как понимаешь, в полицию обратиться я не могу. Боюсь, Вадик сейчас где-то далеко. Очень далеко. Чёрт, сердце от всего этого разрывается.

Марина вытерла пальцами слёзы. Варвары больше нет, а последствия от её деяний остаются. Те, кто от неё пострадал, никогда не станут прежними. Искалеченные люди. Искалеченные судьбы.

* * *

Вот и май настал.

Марина с Татьяной прогуливались в городском парке. Теперь они часто сюда приходили. Где-то вдалеке послышался звук сирены скорой помощи и Марина представила, что в больницу сейчас везут человека, который пострадал из-за несчастного случая. И, возможно, этот несчастный случай раньше мог бы предотвратить Дух города.

В последнее время она часто представляла подобное. Будто наказывая себя за что-то. Ведь ей было больно от таких фантазий. Иногда ей казалось, что, выбирая из двух зол меньшее, они с Духом города сделали не верный выбор. Монстров на улицах Светинска не осталось, королева чудовищ мертва, но никакого триумфа по этому поводу Марина не испытывала.

Да и от Нонны не было вестей — как отправилась на поиски Вадика, так и пропала. Перед тем, как уехать, она сказала Марине: «Всё ужасы теперь позади. Живи и наслаждайся жизнью». Но наслаждаться не получалось. Марина постоянно ощущала себя так, словно

ничего ещё не кончено. Как будто мозаика с полотном победы не сложилась, не хватало в ней деталей.

— Ты слышишь? — остановилась Татьяна. — Птица поёт. Как красиво!

Погружённая в свои мысли Марина только сейчас услышала это пение. Действительно красиво. Соловей? Трели доносились со стороны старого театра. И что-то потянуло туда, будто сама душа рвалась в ту сторону. Она улыбнулась, свернула с аллеи, зашагала к эстраде, Татьяна едва за ней попевала. Солнечные лучи пробивались сквозь густую листву клёнов, птица продолжала выводить причудливые трели.

Марина подошла к сцене, набрала полную грудь воздуха, медленно выдохнула.

— Я что-то чувствую.

— Это твой дар, да? — удивилась Татьяна.

— Нет. От моего дара давно ничего не осталось. Тут что-то другое.

Они поднялись на сцену и увидели в проломе гнилых досок гнездо, а в гнезде — всего одно яйцо зелёного цвета.

— Это... это чудо, — прошептала Марина.

— Обычное яйцо, — дёрнула плечами Татьяна. — Ну зелёное, ну и что?

— Неужели ты не чувствуешь? Энергия!

Скорлупа треснула, провалилась внутрь. Из яйца вылетело нечто бесформенное, бесплотное, сияющее и устремилось ввысь, к весеннему небу.

— Дух города, — замороженно произнесла Марина. Ей хотелось одновременно и плакать и смеяться. — Новорожденный Дух.

Она подумала, что вот теперь мозаика победы сложилась. Впервые она в полной мере осознала, что чудовищ больше нет.

И что они не придут осенью.

Больше книг на сайте - Knigoed.net